ISSN 2218-0281

Веснік
Брэсцкага універсітэта

Галоўны рэдактар:
М.Э. Часноўскі

Намеснік галоўнага рэдактара:
К.К. Красоўскі

Міжнародны савет
Антон Міpановіч (Польшча)
Марк Пілкінгтан (Францыя)
Станіслаў Рудальф (Польшча)
Б.В. Саліхаў (Расія)

Рэдакцыйная калегія:
А.А. Гарбацкі
(адказны рэдактар)
В.Ф. Байнёў
А.В. Брэскі
А.М. Вабішчэвіч
А.А. Высоцкі
Т.І. Доўнар
Г.А. Зорын
У.У. Лосеў
А.В. Пятроўская
А.В. Чарнавалаў

Пасведчанне аб рэгістрацыі
ў Міністэрстве інфармацыі
Рэспублікі Беларусь
№ 1336 ад 28 красавіка 2010 г.

Адрас рэдакцыі:
224665, г. Брэст,
бульвар Касманаўтаў, 21
тэл.: 23-34-29
e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Часопіс «Веснік Брэсцкага
універсітэта» выдаецца
з снежня 1997 года

Серыя 2

ГІСТОРЫЯ
ЭКАНОМІКА
ПРАВА

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выходзіць два разы ў год

Заснавальнік – установа адукацыі
«Брэсцкі дзяржаўны універсітэт імя А.С. Пушкіна»

№ 1 / 2010

У адпаведнасці з загадам Вышэйшай атэстацыйнай
камісіі № 9 ад 15.01.2010 г. часопіс «Веснік Брэсцкага універсітэта»
ўключаны ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь
для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў
па гістарычных, культуралагічных, эканамічных і юрыдычных навуках

ISSN 2218-0281

Vesnik
of Brest University

Editor-in-chief:
M.E. Chasnovski

Deputy Editor-in-chief:
K.K. Krasovski

International Board:
Anton Miranovich (Poland)
Mark Pilkington (France)
Stanislav Rudolf (Poland)
B.V. Salikhov (Russia)

Editorial Board:
A.A. Garbatski
(managing editor)
V.F. Bajnyov
A.V. Breski
A.M. Vabishchevich
A.A. Vysotski
T.I. Dovnar
G.A. Zorin
Y.Y. Losev
A.V. Pyatrovskaya
A.V. Charnavalav

Registration Certificate
by Ministry of Information
of the Republic of Belarus
№ 1336 from April 28, 2010

Editorial Office:
224665, Brest,
Boulevard Cosmonauts, 21
tel.: 23-34-29
e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Published since December 1997

Series 2

HISTORY
ECONOMICS
LAW

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

Issued two times a year

Founder – Educational institution
«Brest state university named after A.S. Pushkin»

№ 1 / 2010

According to the order of Supreme certification commission № 9
from January 15, 2010, the journal «Vesnik of Brest University» was included
to the List of editions of the Republic of Belarus for publication of the results
of scientific research in historical, cultural, economic and law sciences

ЗМЕСТ

ГІСТОРЫЯ

Табунов В.В. Положение православной церкви и вопрос о её реформировании на белорусских землях в конце XIX – начале XX столетий 5

Довгяло Н.В. Межконфессиональные отношения в БССР в 20-е гг. XX века 11

Шаўчук І.І. Пераўтварэнне Інбелкульта ў Беларускую акадэмію навук 18

Савчук Т.П. Эволюция памятников Великой Отечественной войны на территории Брестской области (1940-е – 1980-е гг.) 25

Шумская И.М. Роль творческого наследия М. Огинского и С. Монюшко в культурном пространстве Польши и Беларуси 33

Носова А.А. Организация репатриации и социальной защиты детей-сирот в БССР 39

Савіч А.А. Нацыянальна-вызваленчы рух у Заходняй Беларусі 1921–1939 гг. у беларускай савецкай гістарыяграфіі 1920-х – першай паловы 1950-х гадоў 46

Мярчук В.М. Працоўная эміграцыя насельніцтва заходнебеларускіх зямель у Францыю ў 1920–1930-я гг. 58

Можейко П.П. Христианское понимание внутреннего мира человека как фактор становления базисных ценностей техногенного общества 68

Разуванава К.С. Дзейнасць Беларускага інстытута гаспадаркі і культуры на тэрыторыі Палескага ваяводства (1926–1936 гг.) 73

ЭКАНОМІКА

Стаховяк З. Поиски новой исследовательской парадигмы экономической безопасности 79

Черновалов А.В., Скакун Е.В., Черновалова Ж.В. Методика расчета эластичности институционального проекта 89

Черновалова Ж.В. Институциональная методология организации процессов прогнозирования на микроуровне 99

Байнёв В.Ф., Винник В.Т. Нравственное измерение экономики как условие устойчивого развития цивилизации 108

Мацукевич В.В., Ильючик Т.В. Агроэкотуризм – иновационное направление диверсификации сферы занятости в Полесском регионе 115

Зайцева Н.И., Адамчук И.И. Применение новых технологий менеджмента в качестве инструмента минимизации затрат 122

ПРАВА

Загорнов А.А., Лепешко А.Б. Философия права Вл. Соловьёва в системе философско-правовых взглядов 130

Береговцова Д.С., Коротич Е.А. Законодательные акты: понятие, система, виды 140

Демидчик Ю.В., Коротич Е.А. Миротворчество как способ правового урегулирования международных конфликтов 150

Звесткі аб аўтарах 158

© Выдавецтва БрДУ імя А.С. Пушкіна, 2010

INDEX

HISTORY

Tabunov V.V. The position of the Orthodox Church and the question of its reforming on Belarusian lands in the late XIX – the early XX centuries 5

Dauhiala N.V. Interconfessional relations in the territory of Belarus in the 20ts of the XXth century........ 11

Shauchuk I.I. Transformation of the Institute of Belarusian Culture into the Belarusian Academy of Sciences 18

Savchuk T.P. Evolution of Great Patriotic War memorials on the territory of Brest Area (1940–1980s)........ 25

Shumskaya I.M. A role of creative legacy of M. Oginsky and S. Moniushko in the cultural space of Poland and Belarus 33

Nosova A.A. The organization of the repatriation and social security of orphans in BSSR........ 39

Savich A.A. National liberation movement in Western Belarus in 1921–1939 in Byelarusian historiography of the 1920s–1950s 46

Miarchuk V.M. Labour emigration of population of West Belarusian lands to France in 1920–1930s........ 58

Mozhejko P.P. Christian understanding of the private world of the person as the factor of becoming of basic values technogenic of the society 68

Razuvanava K.S. The activity of the Belarusian institute of economy and culture in the territory of the Poleski region (1926–1936) 73

ECONOMICS

Stachoviak Z. Searches of the new research paradigm of economic safety........ 79

Charnavalau A.V., Skakun E.V., Charnavalava Z.V. Method of calculation elasticity of institutional project 89

Charnavalava Z.V. The institutional methodology forecasting processes of the organization at microlevel 99

Bajnev V.F., Vinnik V.T. Moral dimension of economy as the condition of the sustainable development of the civilization........ 108

Matsukevich V.V., Ilyuchyk T.V. Agroecotourism as innovative direction of the diversification of spheres of employment in the region 115

Zaitsava N.I., Adamchuk I.I. Application of new technologies of management as the tool of minimisation of expenses........ 122

LAW

Zagornov A.A., Lepeshko A.B. Vl. Soloviev's philosophy of law in the system of philosophical and legal concepts 130

Berahautsova D.S. Legislative acts: concept, system, kinds 140

Demidchik Y.V., Korotich E.A. Place-building as the Way of International Conflicts Settlement........ 150

Information about the authors........ 158

© Publishing house of BrSU named after A.S. Pushkin, 2010

УДК [94:281.9] (476) «18/19»

В.В. Табунов

ПОЛОЖЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И ВОПРОС О ЕЁ РЕФОРМИРОВАНИИ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX СТОЛЕТИЙ

В статье анализируется положение, а также попытка реформирование православной церкви на белорусских землях в конце XIX – начале XX столетий. В указанный период времени институт православной церкви был интегрирован в государственную систему. Государство, по сути, подчинившее себе церковь, создало патерналистскую систему юридической защиты её авторитета. Практически все действия церковнослужителей контролировались чиновниками. Такое подчинённое положение вызывало недовольство духовенства, требовавшего преобразования института церкви (созыв Поместного собора, введение патриаршества, выборность священников, наделение прихода юридическими правами и так далее). Идеи о необходимости реформирования православной церкви получили распространение и на белорусских землях. Это могло говорить только об одном: синодально-обер-прокурорская система себя изжила. Вся сложность сложившейся ситуации заключалась в том, что власти так и не смогли отказаться от двухвековой привычки контроля над церковью. Со своей стороны, православное духовенство, осознавая необходимость реформ, не могло сделать решительного шага на пути к их осуществлению без оглядки на органы гражданской власти.

Введение

Актуальность данной статьи обусловлена тем, что белорусские земли как в конце XIX – начале XX веков, так и на современном этапе развития отличались и отличаются поликонфессиональностью. При этом ведущую роль в религиозной жизни Беларуси играло и продолжает играть православие. Изучение же положения и тем более попытки реформирования института православной церкви на белорусских землях в конце XIX – начале XX столетий позволяет систематизировать и расширить знания по истории основной христианской конфессии в нашей стране, а также правильно осмыслить сущность религиозных процессов современности.

По исследуемому вопросу следует выделить коллективный труд отечественных учёных В.В. Яновской (Григорьевой), В.В. Завальнюка, В.И. Новицкого и Е.Н. Филатовой «Канфесіі на Беларусі (канец XVIII – XX ст.)» [1]. Главным достижением данной работы стало то, что она активизировала изучение аспектов государственно-конфессиональных отношений в более узком хронолого-тематическом аспекте.

Проблеме изучения положения православной церкви в российском государстве конца XIX – начала XX вв. посвящены монографии С.Л. Фирсова [2; 3]. Автор на основе богатого фактографического материала показал ту непростую ситуацию, в которой оказалась «первенствующая» церковь в указанный промежуток времени [2].

Согласно точке зрения английского исследователя Д.В. Канингема, осознание большинством православного духовенства неканоничности Синодального строя в значительной степени способствовало распространению в его среде убеждения о необходимости преобразования церковного института [4].

Проблема поиска реформ института православной церкви в конце XIX – начале XX вв. нашла отражение в работах отечественного исследователя Н.М. Кожич [5], российских историков В.А. Фёдорова [6] и Д.В. Поспеловского [7; 8]. Приводимые авторами данные свидетельствуют о наличии вопросов, требовавших неотложного решения

в жизни православной церкви: проведения реформ в области подготовки будущих пастырей, наделения прихода статусом юридического лица и других.

Положение православной церкви на белорусских землях в конце XIX – начале XX столетий

На рубеже XIX – XX веков население белорусских земель являлось поликонфессиональным. Доминирующим вероисповеданием в данный период было православие. По данным переписи 1897 г., на территории Беларуси проживало 5120667 православных [9, с. 252], что составляло около 60% от общей численности населения. Православные белорусы преобладали в Могилёвской и Минской губерниях, а также в большинстве уездов Витебской и Гродненской губерний [10, с. 252]. При этом нужно учитывать тот факт, что православная церковь пользовалась поддержкой властей.

Отличительной чертой законодательства Российской империи являлось то, что оно обеспечивало не свободу веры, а только веротерпимость [11, с. 51]. Закон разрешал исповедовать все религии, кроме «изуверческих» (скопцы, хлысты, духоборы, молокане), но при условии, что они «благословляют царствование Российских монархов» [12, с. 9–10]. В соответствии с законодательством Российской империи, на все «места и лиц, имеющих начальство по части гражданской или военной», возлагалась обязанность предупреждать и пресекать всеми «зависящими от них средствами» различные действия, «клонящиеся к нарушению должного уважения к вере». Администрации на местах также вменялось в обязанность оказывать «нужную защиту и пособие» всем «свободно исповедуемым в империи религиям», а полиции – охранять «свободы иноверных, признанных правительством, исповеданий» [13, с. 50].

Официально провозглашённое равенство всех религий в империи на деле существовало лишь формально. Все конфессии, действующие в стране, делились на три группы: 1) государственная религия (православие); 2) покровительствуемые вероисповедания (католицизм, ислам, иудаизм); 3) нетерпимые религиозные организации (духоборы, скопцы, хлысты, молокане и другие секты).

Правовое пространство в области религиозного законодательства определялось особым положением православной церкви [14, с. 98]. Статья 40-я Основных законов гласила, что «первенствующая и господствующая в Российской империи вера есть христианская православная кафолическая восточного исповедания» [12, с. 9]. Главным образом первенство православной церкви выражалось в том, что российский император не мог «исповедовать никакой иной веры, кроме православной». Закон возлагал на него обязанность «быть верховным защитником и хранителем догматов господствующей веры и блюстителем правоверия и всякого в Церкви святой благочиния» [12, с. 10]. В управлении православной церковью верховная власть действовала через Святейший Синод [12, с. 10]. Особенность положения православной церкви в значительной степени определялась тем, что обер-прокурор при Синоде с 1835 г. получил права министра, благодаря чему он стал посредником между церковью и верховной властью. Все дела, касающиеся православного духовного ведомства, представлялись в высшие государственные учреждения и императору непосредственно через обер-прокурора [14, с. 98], который, таким образом, стал фактически правителем церкви, осуществляя наблюдение за ней при помощи централизованного бюрократического аппарата.

В конце XIX – начале XX столетий государство продолжало сохранять надежду на то, что церковь останется опорой существовавшего политического строя. Чиновники полагали, что интересы церкви и государства совпадали. Но многие церковные деятели видели, что они различны [4, с. 45]. Православное духовенство в своей большей части

пришло к выводу о том, что положение церкви, опекаемой светской властью, является неканоничным [15, с. 468].

Противоречивость политики российского правительства в отношении православной церкви во время обер-прокурорства К.П. Победоносцева заключалась в том, что она, с одной стороны, пыталась активизировать её деятельность, а с другой – усиленный контроль за этой деятельностью практически лишал церковь самостоятельности. Поэтому в конце XIX – начале XX веков в среде православного духовенства был поставлен вопрос о необходимости предоставления церкви реальной самостоятельности. При этом главное средство оживления церковного института виделось в восстановлении принципа соборности. Как в церковной, так и в светской печати постоянно обращалось внимание на необходимость освобождения церкви от государственной опеки. Поднимались вопросы о проведении реформ, которые должны были поднять авторитет церкви, улучшить нравственный и материальный уровень духовенства.

Вопрос о реформировании православной церкви на белорусских землях в конце XIX – начале XX столетий

Предложения о преобразовании православной церкви нашли отклик в среде православного духовенства как белорусских, так и внутрироссийских земель. Они имели как общие черты, обусловленные социально-экономическими процессами российского общества рубежа XIX – XX вв., так и некоторые особенности, связанные со спецификой развития белорусской культуры, динамикой межконфессиональных отношений. Это проявилось в том, что православное духовенство в западных епархиях придерживалось в основном более умеренных взглядов относительно церковных реформ [5, с. 5]. Но, несмотря на это, православное духовенство объединяло стремление преобразовать церковь таким образом, чтобы она вновь стала эффективно воздействовать на сознание верующих [5, с. 9].

Таким образом, в начале XX века большая часть православного духовенства белорусских земель осознавала необходимость реформирования церковного института. Такого рода намерения получили официальную поддержку на правительственном уровне. В указе Сенату от 6 декабря 1904 г. Николай II обратил внимание на необходимость принятия мер по восстановлению прихода, предоставив ему «твёрдое, устойчивое бытие», а прихожанам в лице приходского собрания – «право устанавливать обязательные сборы для попечения, как о благолепии храма, так и о делах христианской благотворительности и просвещения» [16, л. 3].

Указом от 12 декабря 1904 г. правительство пообещало ввести закон о веротерпимости. Но в нём ничего не говорилось о положении православной церкви. Это побудило столичного митрополита Антония обратиться к Николаю II с запиской «Вопросы о желательных преобразованиях в постановке у нас православной церкви», в которой указал, что такой закон поставит православие в неравное положение по сравнению с другими конфессиями, поэтому «не следует ли предоставить православной церкви большей свободы в управлении её внутренними делами, где бы она могла руководствоваться церковными канонами и нравственно-религиозными потребностями своих членов» [6, с. 388].

В Комитете министров при обсуждении вопроса о веротерпимости также неоднократно отмечалось, что дело борьбы православного духовенства с сектантами «стесняется различными недугами церкви», и это как раз в то время, когда в воздухе висел проект предоставления «некоторой свободы сектантам и другим исповеданиям». В таких условиях «было бы опасно не обратить внимания на положение православной церкви». В связи с этим С.Ю. Витте ходатайствовал об образовании особого собора,

состоящего из представителей церковной иерархии, духовенства и мирян «для пересмотра существующего церковного управления и выработки проекта необходимых преобразований» [17, л. 47].

В начале 1905 г., в соответствии с разрешением Николая II, в Особом совещании при Комитете министров под председательством С.Ю. Витте началась разработка указа «Об укреплении начал веротерпимости» [18, с. 7]. Сам председатель Комитета министров осуждал синодально-обер-прокурорскую систему и требовал созыва Поместного собора для обновления церковного организма.

Предложения С.Ю. Витте полностью отрицались обер-прокурором Синода К.П. Победоносцевым, потребовавшим перевода церковного вопроса из Комитета министров в Синод. Но Синод не поддержал своего руководителя. 31 марта 1905 г. после трёх заседаний (15, 18 и 22 марта) Синод представил императору доклад, подготовленный без участия обер-прокурора и не одобренный им. В докладе подчёркивалась необходимость преобразования института православной церкви. В нём также испрашивалось разрешение монарха на созыв в ближайшее время в Москве Поместного собора и избрании патриарха. Тогда К.П. Победоносцев, возлагая надежду на консерватизм провинциальных епископов, от имени Синода рекомендовал Николаю II разослать всем архиереям опросник о положении и преобразовании церкви. Но его расчёты не оправдались. Большая часть епископата высказалась в пользу реформ [19, с. 45].

Четыре епископа (Полоцкий и Витебский Серафим, Минский и Туровский Михаил, Могилёвский и Мстиславский Стефан, Гродненский и Брестский Никанор) и один архиепископ Литовский и Виленский Никандр на страницах отзывов в Синод показали себя сторонниками реформирования института православной церкви. Первостепенное значение в отзывах придавалось вопросу о преобразовании епархиального управления в сторону его децентрализации с передачей части функций консистории благочинническому совету и собранию прихожан. Поднималась и проблема совершенствования работы духовных учебных заведений путём отделения предметов общеобразовательного цикла от специальных церковных дисциплин. Предусматривалась также последующая углубленная специализация учащихся, имевшая целью подготовить священнослужителя, отвечающего «вызовам времени». Большинство епископов (за исключением одного – епископа Гродненского и Брестского Михаила – В. Т.) поддержали идею разделения территории государства на церковные округа с последующим предоставлением самоуправления на местах, наделением церковной общины и прихода статусом юридического лица с правом приобретения недвижимого имущества. Также они выступили и за активное участие духовенства в общественной жизни в качестве выборных лиц в городских думах и земских учреждениях, реформирование системы церковного судопроизводства через выделение церковного суда из ведения консистории с передачей части дел в гражданский суд, расширение компетенции епархиальных съездов с передачей им как религиозно-нравственных вопросов, так и экономическо-хозяйственных. Будучи едиными в намерениях по преобразованию «первенствующей и господствующей» религии, епископы расходились лишь в деталях по достижению намеченных целей [20, с. 74–86, 124–143, 196–224, 225; 21, с. 329–338, 807].

Суть же проблемы заключалась в том, что церковная иерархия, воспитанная на принципах беспрекословного подчинения государству, не представляла себе, что такое настоящая церковная свобода. Администрирование воспринималось как естественное явление [22, с. 55–56]. Церковнослужители понимали необходимость реформ, но они психологически не были готовы к тому, чтобы строить самостоятельную жизнь в отрыве от государства. Вполне искренне желая реформ, церковь не имела возможности ничего решить самостоятельно, начиная и заканчивая любое движение в сторону реформ лишь с согласия светских властей [22, с. 61–62].

Заключение

Таким образом, в конце XIX – начале XX столетий в среде православного духовенства белорусских земель сложилось убеждение в необходимости преобразования института православной церкви. Но, привыкнув к плотной государственной опеке, церковь так и не решилась на самостоятельное движение в сторону реформ, что, в конечном итоге и обусловило затруднения в их практической реализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Канфесіі на Беларусі (к. XVIII – XX ст.) / навук. рэд. У.І. Навіцкі. – Мінск : ВП «Экаперспектыва», 1998. – 340 с.
2. Фирсов, С.Л. Православная церковь накануне перемен (1890-е – 1918 г.) / С.Л. Фирсов. – М. : Культур. центр «Духов. б-ка», 2002. – 623 с.
3. Фирсов, С.Л. Время в судьбе. О генезисе «сергианства» в русской церковной традиции XX века / С.Л. Фирсов. – СПб. : Сатис, 2005. – 398 с.
4. Канингем, Д.В. С надеждой на собор. Русское религиозное пробуждение начала XX века / Д.В. Канингем; пер. с англ. прот. Георгия Сидоренко. – London : Overseas publ. interchange, 1990. – 353 с.
5. Кожич, Н.М. Православие в Беларуси конца XIX – начала XX вв.: идейные установки и формы деятельности : автореф. дис. … канд. философ. Наук : 09.00.03 / Н.М. Кожич ; Гос. науч. уреждение «Ин-т философии Нац. акад. наук Беларуси». – Минск, 2007. – 20 с.
6. Фёдоров, В.А. Русская православная церковь и государство: синодальный период. 1700–1917 гг. / В.А. Фёдоров. – М. : Русская панорама, 2003. – 480 с.
7. Поспеловский, Д.В. Русская православная церковь в XX веке / Д.В. Поспеловский. – М. : Республика, 1995. – 511 с.
8. Поспеловский, Д.В. Церковь в истории Руси, России и СССР / Д.В. Поспеловский. – М. : Библ.-богосл. ин-т св. апостола Андрея, 1996. – 408 с.
9. Общий свод по империи результатов данных первой всеобщей переписи населения, произведённой 28 января 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого. – СПб. : Паровая Тип.-Лит. Н.Л. Ныркина, 1905. – Т. 1. – 268 с.
10. Гринблат, М. Белорусы. Очерки происхождения и этнической истории / М. Гринблат. – Минск : Наука и техника, 1968. – 288 с.
11. Волхонский, М.А. Национальный вопрос во внутренней политике правительства в годы первой русской революции / М.А. Волхонский // Отечественная история. – 2005. – № 5. – С. 48–63.
12. Свод Законов Российской империи : в 13 т. – СПб. : Издание Кодификационного отдела при Государственном Совете, 1892 г. – Т. 1, ч. 1: Основные государственные законы. – С. 1–73.
13. Клочков, В.В Закон и религия: от государственной религии в России к свободе совести в СССР / В.В. Клочков. – М. : Политиздат, 1982. – 160 с.
14. Бендин, А. Религиозная толерантность в Российской империи как этнообразующий и консолидирущий фактор (вторая половина XIX – начало XX вв.) / А. Бендин // Кафоликия : сб. науч. ст. / под ред. А.В. Данилова. – Минск : Тесей, 2003. – С. 96–108.
15. Флоровский, Г. Пути русского богословия / Г. Флоровский. – Минск : Изд-во Белорусского Экзархата, 2006. – 608 с.

16. Указ Николая II Правительствующему Сенату о преобразовании Правительствующего Сената и Комитета Министров, пересмотре Положения о земских учреждениях, принятии мер к возрождению церковно-приходских общин, пересмотре законов о печати, усилении полицейского режима 1903 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Фонд 1729. Министр внутренних дел П.Д. Святополк-Мирский. – Оп. 1. – Д. 139.

17. Коллекция рукописей Царскосельского дворца // ГАРФ. – Фонд 543.– Оп. 1. – Д. 413.

18. Беляева, А.В. Церковь и государство в России в начале XX века / А.В. Беляева. – Ярославль : Яросл. гос. ун-т им. П.Г. Демидова, 1999. – 44 с.

19. Поспеловский, Д. Русская православная церковь: испытания начала XX века / Д. Поспеловский // Вопросы истории. – 1993. – № 1. – С. 42–55.

20. Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе: материалы по истории церкви. Кн. 33 : в 2 ч. – М. : Изд-во Крутицкого подворья. Общество любителей церковной истории, 2004. – Ч. 1 / ист. введ. А.Ю. Полунова, И.В. Соловьева. – 1031 с.

21. Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе материалы по истории церкви. Кн. 33 : в 2 ч. – М. : Изд-во Крутицкого подворья. Общество любителей церковной истории, 2004. – Ч. 2. –1056 с.

22. Фирсов, С.Л. Время в судьбе. О генезисе «сергианства» в русской церковной традиции XX века / С.Л. Фирсов. – СПб. : Сатис, 2005. – 398 с.

***Tabunov V.* The position of the Orthodox Church and the question of its reforming on Belarusian lands in the late XIX – the early XX centuries**

The article analyses the position as well as an attempt to reform the Orthodox Church on the Belarussian lands in the late XIX – the early XX centuries. During this period the institute of the Orthodox Church was integrated into the state system. The state which in fact subordinated the Church created paternalistic system of juridical protection of its authority. Practically all church attendants' actions were controlled by bureaucracy. Such subdued position brought about priesthoods dissatisfaction. They demanded reforming the institute of Church which included the call of the Local Council, introduction of patriarchy, the election of priests, giving juridical rights to parish and so on. The ideas of the necessity to reform the Orthodox Church were widely spread on the belarussian lands as well. It was the sign of Synod-Chief Procurator system having become outdated. The difficulty of the situation consisted of the fact that the authorities couldn't reject the two-century habit of controlling the Church. The Orthodox Church in its turn, being conscious of the necessity of the reforms couldn't undertake them without consulting the civil authorities.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 02.12.09

УДК: 2(476)(043.3)

Н.В. Довгяло

МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В БССР В 20-е гг. XX ВЕКА

В статье охарактеризовано состояние четырех наиболее влиятельных конфессий на территории Беларуси в 20-е гг. XX века, а именно православия, католичества, протестантизма и иудаизма. Определены характерные черты и особенности отношений между конфессиями. Обозначены социально-экономические, политические и этнические факторы, которые повлияли на характер межконфессиональных отношений.

Введение

Межконфессиональные отношения представляют собой весь комплекс взаимодействий между представителями различных конфессий и являются составным элементом (компонентом) религиозных отношений. Межконфессиональные отношения являются важным и значимым фактором общественного развития. От того, каким образом складываются взаимоотношения между конфессиями, в каком ракурсе (позитивном или негативном) верующие различных конфессий будут воспринимать друг друга, во многом зависит стабильность развития общества.

Цель данного исследования: определить характерные черты и особенности отношений между конфессиями на территории БССР в 1920-е гг.

Общая характеристика конфессий

В 1920-е гг. на территории Беларуси наиболее влиятельными и представительными были четыре конфессии: православие, католичество, протестантизм и иудаизм.

В середине 1920-х гг. усугубился раскол внутри Русской православной церкви. Традиционную церковь, стоявшую на позициях патриарха Тихона, на территории Беларуси с 1922 г. возглавлял митрополит Минский и Белорусский Мельхиседек. Обновленцами, которые поддерживали советскую власть, в 1924 г. была создана Белорусская автономная православная церковь. Единственной церковной властью на всей территории БССР провозглашались Белорусский православный Священный Синод и окружные управления. Митрополитом был избран бывший епископ Витебский и Полоцкий Серафим (Мещеряков), а затем архиепископ Таганрогский Владимир [1, с.164]. Партийное и государственное руководство БССР использовало раскол, стремясь ослабить позиции православной церкви в целом. Средствам массовой информации было дано указание освещать раскол «как проявление разложения церкви», что должно было подорвать ее авторитет в глазах общественности и облегчить ведение антирелигиозной пропаганды. [2, с.90]. В 1927 г. Белорусская митрополия была провозглашена автокефальной церковью, и с этого момента в республике действовали три почти равных по количеству приходов течения православной церкви: обновленцы, тихоновцы (сергеевцы) и автокефалисты [3, с. 49]. В этот период во всех белорусских епархиях действовало 1129 православных храмов [4, с.22].

Внутрицерковные проблемы не могли не отразиться на уровне религиозности. Религиозность населения постепенно падала: количество православных верующих, посещавших церковь, варьировало от 1% до 30% в зависимости от региона.

Научный руководитель – Марзалюк И.А., доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой археологии и специальных исторических дисциплин Могилевского государственного университета имени А. Кулешова

Посещали церковь в основном женщины и пожилые мужчины. Так, например, в информационной сводке Полоцкого окружного отдела указывалось, что «церкви пустуют, богослужения совершаются редко, посты не соблюдаются, участились случаи заключения гражданских браков» [5, с.381].

Такая же ситуация наблюдалась и в целом по республике. Православное духовенство теряло авторитет. В архивных документах зафиксированы многочисленные факты пьянства священнослужителей, краж и других низкоморальных поступков. Кроме этого, в среде православного духовенства участились случаи снятия сана. Однако значительным препятствием в этом процессе являлись, с одной стороны, проблемы с получением разрешения, а с другой, – опасение остаться без средств к существованию из-за трудностей получения работы в других учреждениях. Еще в 1921 г. было принято постановление СНК РСФСР о порядке предоставления работы служителям культа. Последние не допускались в сферу народного образования, юстицию, рабочее-крестьянскую инспекцию, отделы управления и продовольствия [6, с.51]. Многие священники, сняв рясу, начали работать в сфере антирелигиозной пропаганды.

На территории БССР в середине 20-х гг. действовало 2 католических епархии: Минская и Могилевская, подчиненные Варшавскому архиепископу. С августа 1926 г. администратором Минской и Могилевской католических епархий был назначен Б. Слоскан. Необходимо отметить, что католическое духовенство не было идейно расколото и в целом уровень религиозности католического населения БССР был выше православного. Количество верующих католического вероисповедания практически не сокращалось, костелы посещались регулярно. Не зафиксировано случаев совершения церковных обрядов без ксендза [5, с.383].

С приходом Советской власти массовое распространение получил протестантизм. За период 1923–1925 гг. количество протестанских общин в БССР увеличилось на 40%, а к 1929 году достигло 89. В республике действовала 41 группа евангельских христиан, 27 групп баптистов, 6 групп адвентистов. Общее количество протестантов составляло 4754 человека [7, с.122]. По социальному составу эти группы являлись в основном середняцкими, по полу – преобладающее большинство – женщины преимущественно средних лет. По национальности – в основном белорусы, поляки и латыши (последние присоединялись к протестантским группам из-за отсутствия своих пастырей).

На территории Беларуси проживало большое количество представителей иудейской конфессии. По статистическим данным, в 1926 г. насчитывалось 405435 евреев, действовало 704 синагоги, в которых работал 271 раввин [7, с. 122]. Практически во всех городах на территории Беларуси, насчитывающих значительное количество еврейского населения, существовали религиозные общины. Первоначально они создавались как союзы прихожан той или иной синагоги. Инициатива в создании и деятельности данных религиозных общин принадлежала не только раввинам, но и общественным деятелям. Росту уровня религиозности еврейского населения содействовала благотворительная деятельность (так называемая «экономическая работа») иудейских общин. Однако иудейская конфессия не была единой. Еще с XVIII века на территорию Беларуси с Валыни начинает проникать новое мистическое течение иудаизма – хасидизм. Хасидские лидеры, в отличие от раввинов, считались посредниками между верующими и Богом, пророками и чудотворцами. Между хасидами и представителями ортодоксального раввинского иудаизма развернулась борьба. Большевики всячески поощряли раскол внутри иудейской конфессии. С 1927 г., благодаря скрытым действиям властей, тихая вражда между этими направлениями переросла в

острую борьбу. В результате этого противостояния происходило «заметное и непрерывное понижение религиозных настроений еврейского верующего населения», что полностью соответствовало желаниям партийного руководства [5, с. 848].

Межконфессиональные отношения

В середине 20-х годов XX века Беларусь находилась в тяжелом экономическом положении. Общий экономический кризис, аграрная перенаселенность, высокий уровень малоземелья и безработицы привели к межнациональной и межконфессиональной напряженности.

Кроме социально-экономических факторов на развитие межконфессиальных отношений оказывали влияние и общественно-политические факторы, в том числе и различное отношение органов советской власти к представителям разных конфессий. По мнению исследователя истории Русской православной церкви Д.В. Поспеловского, главной и первоочередной задачей советского режима было уничтожение православия. Чтобы выполнить поставленную задачу, власти стремились заключить соглашение с другими конфессиями. Пропагандировалась идея, что новое государство ведет борьбу не против религии, а против социальных элементов, пользовавшихся привилегиями при старом режиме. Ряду национально-конфессиональных групп были даны даже некоторые политические привилегии. Например, вопрос о закрытии синагог решался исключительно еврейской секцией местной партийной организации, в то время как православные храмы могли закрывать и партийные, и советские, и комсомольские организации всех уровней [8, с.61]. Это не могло не вызывать возмущение у православных. В политдонесениях Витебского окружного отдела ГПУ о состоянии морально-политической обстановки в округе в связи с проведением коллективизации (1929 г.) зафиксированы высказывания православных крестьян Лиозненского района о том, что у них насильно закрыли церкви, сняли колокола, посадили попов и не дают молиться, в то время как синагоги не закрывают [9, с.327].

Необходимо отметить, что отношения между религиозными общинами во многом определялись отношениями между представителями различных этнических групп. Враждебность к другим религиозным группам находилась в зависимости от того, в какой мере религиозные различия связаны с экономическими, политическими и национальными интересами. Межнациональная и межконфессиональная неприязнь чаще всего возникала на экономической почве. Латыши, литовцы, эстонцы в основной своей массе являлись либо зажиточными крестьянами, либо середняками. Поляков также традиционно воспринимали как «шляхцичей». Белорусские крестьяне, наоборот, были бедняками. По этой причине возникало много национальных конфликтов. В отчетах агитационно-пропагандистских отделов окружкомов КП(б)Б зафиксированы следующие высказывания белорусов в адрес латышей и представителей других национальностей: «Вы кулаки, вас надо отсюда гнать на свою родину и отобрать землю» – и ответные реплики в адрес белорусов: «Вы лодыри, дураки, не хотите работать» [10].

Ощущалась напряженность во взаимоотношениях христиан и иудеев. Как и в предыдущие исторические периоды, это было связано не только с отношением белорусского, русского и польского населения к еврейскому народу, но и с теми обстоятельствами, что евреи продолжали оказывать достаточно сильное влияние на экономическую и политическую жизнь края [11, с.58]. В докладной записке, посвященной сионизму и борьбе с ним (1926 г.), указывалось, что отрицательное отношение к евреям связано с тем, что много евреев находиться на советской службе, при этом они не довольствуются работой на низших постах, а стремятся занять командные должности, получить высшие оклады, в Красной армии также нет евреев среди рядового состава и т.д. [12, с.4]

Негативное отношение христиан к иудеям косвенно подтверждает и тот факт, что наименьшим авторитетом из числа протестантских групп пользовались адвентисты, так как они проповедовали празднование субботы, а в «глазах белорусского крестьянина празднование субботы ассоциируется с представлением об иудейской религии, которая не пользуется большой популярностью»[13, с.87].

Но, несмотря на это, зафиксированы случаи смешанных браков между иудеями и православными, что, по мнению партийных органов, являлось показателем снижения религиозного и национального антагонизма [14, с.245]. В то же время существуют и другие факты. В 1929 г. в Минске произошло 2 убийства евреев самими же евреями, за то что они нарушили религиозные традиции: еврей женился на белоруске и еврейка вышла замуж за русского [15, с.112].

Особое отношение было у советской власти к протестантизму. В. Ленин и некоторые иные руководители партии видели в сектантстве, как в то время называли протестантские течения, тактического союзника в борьбе с традиционными вероисповеданиями. В протестантских доктринах так же, как и в идеях коммунистов, присутствовала идея социального и экономического равенства. Таким образом, отдельные протестантские группировки могли рассчитывать на сотрудничество или мирное сосуществование с коммунистами. Лидеры протестантов часто обращались с жалобами на действия местных властей непосредственно к В.И. Ленину, который давал личные указания удовлетворять требования баптистов и евангельских христиан. Так, например, исполком Витебской губернии получил указание отменить практику испрашивания разрешения на проведение молитвенных собраний евангельских христиан-баптистов [7, с.117].

Отношения православного и католического населения с представителями протестанских «сектанских» вероучений складывались не просто. В партийных документах для характеристики взаимоотношений представителей протестантизма и православных используются такие термины, как «отрицательное», «враждебное, но пассивное», «враждебное, но действия скрытые» и т.д. Возникали и конфликтные ситуации. Связаны они в основном были с борьбой за верующих [13, с.34].

Активная миссионерская деятельность сектантов оценивалась православным духовенством негативно. Учитывая наступательное движение сектанства против православия и его влияние на верующих людей, Миссионерский Совет при обновленческом Священном Синоде предложил епархиальным советам принять в основу противосектанской работы следующий план. Приходским священникам, на которых была возложена вся тяжесть противосектанской работы, рекомендовалось:

1. Ознакомиться с историей и вероучением местных сект. Раскрывать лжеучение сектантов, их нехристианские приемы пропаганды, нехристианский характер их морали.

2. Знать православное разрешение вопросов вероучения, пререкаемых сектантами. По отношению к колеблющимся в православии прихожанам священник должен был «прибегать к увещеванию таких лиц» как лично сам, так и через доверенных лиц из числа прихожан. Такие же методы увещевания священник должен был применять и к сектантам, посещая их на дому.

3. Знать основы церковного проповедничества.

Собрания благочинных также должны были быть в курсе положения сектанства в округе и оказывать помощь приходским священникам путем организации торжественных богослужений, выездных диспутов и т. д. Благочинные должны были периодически информировать епархиальные управления о проделанной работе [16, с.107].

Информация, касающаяся взаимоотношений между различными протестанскими направлениями весьма противоречива. Большинство сект поддерживали дружеские отношения. Проповедники и баптистов, и евангелистов бывали на собраниях друг у друга, заключали договоры о совместной деятельности. Но существуют и другие дан-

ные, свидетельствующие о борьбе за верующих, о том, что каждая из сект ревностно охраняет свое учение. В отчете о сектанском движении в Слуцком округе записано следующее: «Взаимоотношения обоих сект между собой внешне не выражается в каких-либо враждебных отношениях, но замечается тенденция со стороны баптистов к привлечению на свою сторону евангелистов и наоборот. Стремления к объединению нет» [13, с.86].

Отношения между традиционными христианскими конфессиями Беларуси изменились. Если ранее они характеризовались как сложные и противоречивые, то в данный исторический период главной целью и православия, и католицизма была борьба с Советской властью за существование. Тем не менее, зафиксированы факты межрелигиозных конфликтов, связанных с борьбой за религиозные здания или верующих. Например, в информационной сводке Калининского окружкома о состоянии дел в округе присутствует следующая информация: «Католические священники, желая отнять у православных церковь под костел и зная, что имя Ленина очень популярно среди крестьян, говорят следующее: Ленин был очень хороший человек, и даже когда умирал, то сказал, что все церкви, которые раньше были костелами, обязательно должны быть превращены опять в костелы. Крестьяне в это искренне верят» [10, с.127]. Учитывая это Священный Синод православных церквей в СССР рекомендовал Белорусскому Священному Синоду обратить «самое серьезное внимание на работу римо-католичества и сообщать о всех событиях в его жизни и об отношении к православию» [16, с.73].

В архивных документах зафиксированы факты, свидетельствующие о попытках католического духовенства завербовать православных священнослужителей. Во время беседы католического епископа с обновленческим архиепископом Алексеем (заместителем митрополита Иосифа), когда коснулись вопроса о материальной стороне обновленческого духовенства, католический епископ сказал следующее: «Христос не изменен, благовествовать его можно с одинаковым успехом будучи представителями различных христианских вероучений. Святейший папа знаком с русским обновлением. Ничего против него не имеет и готов с радостью принять обновленческих епископов в сущем сане и с содержанием 150 рублей от папского двора» [17, с.26].

Необходимо отметить, что отношение католического населения к своей вере и духовенству значительно отличалось от отношения православных: все антирелигиозные мероприятия против католиков и критика духовенства воспринималась верующими резко негативно. Очень показательно в этом отношении высказывание бедняка – католика Н. Подхоменко, которое зафиксировано в документах Полоцкого окружного отдела: «Мы, католики, лучше держим свою религию, чем русские. Вот к нам приехал бискуп, так мы как один прихожанин его встретили, и действительно было кого встречать. А вы, русские, плохо себя ведете, ваше священство ни черта не стоит, а способно только на пьянство, и своим поведением развращает религию, чем играет на руку коммунистам» [5, с.905].

Заключение

Таким образом, в 20-е годы XX века наблюдалась определенная напряженность во взаимоотношениях различных национально-конфессиональных групп. Причинами являлись как ранее возникшие сложности и противоречия, так и новые социально-экономические и политические условия. Ситуацию усугубляло различное отношение органов советской власти к представителям разных конфессий, а также зависимость религиозных отношений от отношений между этническими группами.

Взаимоотношения христиан и иудеев, как и в предыдущие исторические периоды, оставались напряженными, это было связано с тем, что евреи продолжали оказывать сильное влияние на экономическое и политическое развитие Беларуси.

Сложными оставались отношения между православной и протестантской конфессиями. Активная миссионерская деятельность «сектантов» оценивалась православным духовенством негативно.

Отношения между традиционными христианскими конфессиями Беларуси изменились. Борьба за верующих и храмы отошла на второй план, главной целью и православия и католицизма была борьба с Советской властью за существование.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Канфесіі на Беларусі (к.18–20 ст.)./ В.В. Грыгор'ева [и др.]. – Мінск : ВП «Экаперспектыва», 1998. – 340 с.

2. Пурышева, Н.М. Религиозно-конфессиональная политика государства в середине 20-х гг. XX в. (на материалах БССР). – Религия и общество: актуальные проблемы современного религиоведения : сб. науч. Трудов / под общ. ред. В.В. Старостенко. – Могилев : МГУ им. А.А. Кулешова, 2006. – 324 с.

3. Янушкевич, И.И. Политика Советского государства по отношению к Русской православной церкви в БССР в 1917–1941гг. / И.И. Янушкевич // Беларуская думка. – 2009. – №3. – С. 44–49.

4. Переписка со Священным Синодом Русской православной церкви. – Фонд 2786. Белорусский православный Синод. – Оп.1. – Д.133. 1926–1927гг. // Национальный исторический архив Беларуси далее НИАБ.

5. Информационные сводки Полоцкого окружного отдела ГПУ о политическом настроении масс в округе. 1926–1927 гг. // Государственный архив Витебской области далее (ГАВО) – Фонд 10061. Полоцкий окружной комитет. – Оп.1. – Д.454.

6. Православная церковь на Витебщине (1918–1991) : документы и материалы. – Минск: НАРБ, 2006 – 365с.

7. Янушкевич, И.И. Конфессиональная политика советского государства / И.И. Янушкевич. – Минск : Белорусский государственный университет, 2005. –141.

8. Поспеловский, Д.В. Русская православная церковь в XX веке / Д.В. Поспеловский – М. : Республика, 1995. – 511с.

9. Политдонесения окротдела ГПУ окружкому партии о состоянии морально-политической обстановки в округе в связи с проведением коллективизации и ликвидации кулачества как класса. 1930 г. // Государственный архив Витебской области далее (ГАВО) – Фонд 10050. Витебский окружной комитет. – Оп.1. – Д.747.

10. . Отчеты о работе огитационно-пропагандистских отделов окружкомов КП(б)Б. 1925–1926гг. // Национальный архив Республики Беларусь далее (НАРБ) – Фонд 4п. Центральный комитет Коммунистической партии (большевиков) Беларуси. – Оп.1. – Д.2325

11. Линкевич В.Н. Межконфессиональные отношения в Беларуси. (1861–1914 гг.) / В.Н. Линкевич. – Гродно : ГрГУ, 2008. – 105с.

12. Переписка с ЦИК, НКВД БССР, Центральной комиссией по отделению церкви от государства. // Национальный архив Республики Беларусь далее (НАРБ). – Фонд 4п. Центральный комитет Коммунистической партии (большевиков) Беларуси. – Оп.1. – Д.2424.

13. НАРБ. – Фонд 4п. Центральный комитет Коммунистической партии (большевиков) Беларуси. – Оп.1. – Д.2429. Документы о сектанском движении в округах БССР. 1925г.

14. Доклады, обзоры, информации о роли духовенства и религиозных сект в деревне. 1925г. // Национальный архив Республики Беларусь далее (НАРБ). – Фонд 4п. Центральный комитет Коммунистической партии (большевиков) Беларуси. – Оп.1. – Д.2196.

15. Пушкін, І.А. Нацыянальныя меншасці БССР у грамадска- палітычным і культурным жыцці (20-я гады XX ст.) / Ігар Пушкін. – Магілеў : МДУ, 2004. – 167с.

16. Переписка Синода со Священным Синодом православных церквей в СССР. Сведения о состоянии белорусских епархий и количестве православных церквей всех ориентаций. 1928г. // Национальный архив Республики Беларусь далее (НАРБ). – Фонд 2786. Белорусский православный Синод. – Оп.1. – Д.323.

17. Дело о предоставлении епархиальными управлениями в Синод сведений о числе священно- и церковнослужителей и количестве церквей в епархиях. 1929г. // Национальный архив Республики Беларусь далее (НАРБ). – Фонд 2786. Белорусский православный Синод. – Оп.1. – Д.404.

***Dauhiala N.V.* Interconfessional relations in the territory of Belarus in the 20ts of the XXth century**

In article the condition of four the most influential faiths in the territory of Belarus in the 20ts of the XXth century, namely Orthodoxy, Catholicism, Protestantism and Judaism is characterised. Characteristic lines of relations are defined between faiths. Social and economic, political and ethnic factors are designated and affected on character interconfessional relations.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 02.04.2010

УДК 930 (476)+357.71

І.І. Шаўчук

ПЕРАЎТВАРЭННЕ ІНБЕЛКУЛЬТА Ў БЕЛАРУСКУЮ АКАДЭМІЮ НАВУК

У артыкуле на падставе шматлікіх матэрыялаў, як уведзеных у навуковы ўжытак, так і неапублікаваных, рэканструюецца працэс стварэння Беларускай акадэміі навук. Разглядаюцца некалькі спробаў яе арганізацыі. Аналізуюцца іх прычыны, сярод якіх палітычныя, сацыяльна-эканамічныя і ўласна навуковыя. Робяцца высновы аб аб’ектыўна пазітыўным характары навукова-арганізацыйнага будаўніцтва ў рэспубліцы, нягледзячы на пазанавуковую матывацыю працэсаў, што аналізуюцца.

Гісторыя Інстытута беларускай культуры (ІБК), пераўтварэння яго ў Беларускую акадэмію навук (БАН, БелАН) знайшла адлюстраванне ў шэрагу публікацый. Гэтай тэме прысвяцілі свае даследаванні М.У. Токараў, У.М. Міхнюк, Р. Лінднэр і інш. [1; 2; 3; 4; 5]. Адлюстравана яна і ў калектыўных працах [6; 7]. У дадзеным шэрагу выдзяляюцца па змястоўнасці фактаграфічнага матэрыялу аб’ёмныя артыкулы У.М. Ігнатоўскага [8] і П.Ц. Петрыкава [9]. Тым не менш усе названыя працы, за выключэннем публікацыі У.М. Ігнатоўскага, аб’ядноўвае адзіны канцэптуальны падыход. Ён заключаецца ў існаванні быццам бы плана паступовага, паэтапнага стварэння БАН: арганізацыя Навукова-тэрміналагічнай камісіі, на яе базе – Інбелкульта, потым – Акадэміі навук. Аб тым, што такая схема ўяўляецца сумнеўнай, аўтар дадзенага артыкула ўжо пісаў [10].

Падаецца апраўданым казаць аб сталым жаданні, якое прысутнічала з пачатку 1920-х гадоў, найхутчэйшага стварэння Акадэміі навук. Аднак рэаліі абумовілі адносную пралангіраванасць дадзенага працэсу. Чарговым крокам у развіцці ІБК, які пачаў фактычнае існаванне ў 1921 г., стала палажэнне, абмеркаванае на пасяджэнні ЦВК, дзе старшынёй быў А.Р. Чарвякоў, сакратаром – У.М. Ігнатоўскі, і юрыдычна аформленае пастановай ЦВК і СНК БССР 25 ліпеня 1924 г. Тут не толькі нармаваліся арганізацыйныя пытанні функцыянавання інстытута, але і абвяшчалася, што ІБК з’яўляецца «вышэйшай дзяржаўнай навуковай установай у Беларусі, уваходзячай у склад Наркамасьветы БССР» [11].

Праз некалькі месяцаў, 8 кастрычніка 1924 г. А.В. Баліцкі на пасяджэнні СНК публічна агучыў думку: «... ІБК разгортваецца ў стала дзейнічаючую ўстанову з тэндэнцыяй паступовага пераўтварэння ў беларускую акадэмію навук». Для ўмацавання пазіцыі аб неабходнасці пашырэння дзейнасці ІБК і падвышэння яго статусу ў выступленні былі выкарыстаны і палітычныя матывы: «Далучэнне Усходняй Беларусі і практычнае правядзенне нацыянальнай палітыкі павялічваюць ролю і значэнне ІБК. Ён павінны стаць цэнтрам навуковай думкі ... сачыць за тым, каб беларуская культура развівалася ў адным рэчышчы, а для гэтага павінна быць створана аўтарытэтная навуковая ўстанова, да якой прыслухоўваліся б усе навуковыя арганізацыі не толькі ва Усходняй Беларусі, але і ў Заходняй.» У выступленні намесніка наркама асветы фармулююцца накірункі працы: «Асноўныя задачы *рэарганізаванага ў Акадэмію навук Інстытута беларускай культуры* (тут і далей курсіў аўтара) будуць па першым часе заключацца ... у вырашэнні дзвюх праблем – вывучэнне мовы і гістарычнага мінулага» [12, арк. 69, 73–76]. Прадстаўлена тут і праграма арганізацыйнай будовы. Прапаноўвалася на чале ІБК паставіць партыйнага навукоўца, а да наяўнай колькасці супрацоўнікаў камандзіраваць 2–3-х сталых работнікаў і 4–5 вучоных «высокай кваліфікацыі (ак. Карскі, праф. Доўнар-Запольскі,

праф. Растаргуеў, праф. Сонцаў, праф. Любаўскі, этнограф Сержпутоўскі і інш.)». У той самы дзень, калі быў зроблены даклад, пастанова СНК зацвердзіла практычна ўсе прапановы, якія ўтрымліваліся ў ім [12, арк. 78; 7, с. 12–13]. У лістападзе 1924 г. 3-я сесія ЦВК БССР прыняла рэзалюцыю, якая змяшчала наступны пункт: «Прызнаць патрэбным рэарганізаваць ІБК у пастаянную дзяржаўную вышэйшую навукова-даследчую, *па тыпу Акадэміі навук* установу, якая павінна заняцца сістэматычнай і планавай апрацоўкай пытанняў навукі і культуры, датычных БССР» [8, с. 15]. Дарэчы, расійскі даследчык Ф. Перчанок адзначаў: «Яшчэ ў 1924 г. кіраўнікі ІБК паставілі перад урадам Беларусі пытанне аб пераўтварэнні ІБК у БелАН» [13].

Прыведзеныя факты паказваюць, якія рэальныя думкі існавалі наконт навукова-арганізацыйнага будаўніцтва ў нацыянальных дзеячаў савецкай Беларусі. І словы А.В. Баліцкага, і рашэнні ЦВК сведчаць аб жаданні найхутчэйшага стварэння Акадэміі навук.. Падаецца, менавіта абмежаванасць інтэлектуальных рэсурсаў у сярэдзіне 1920-х гадоў не дазволіла прыступіць непасрэдна да арганізацыі Акадэміі навук. Тое, што такія планы ўжо фактычна «авалодалі масамі», пацвярджае, здавалася б, нязначны факт публікацыі ў ліпені 1925 г. прывітання пражскага Крывіцкага культурнага таварыства Інбелкульту як найвышэйшай беларускай навуковай установе, якое заканчвалася заклікам: «Няхай Інбелкульт у борздым часе стане Беларускай Акадэміяй Навук!» [14].

Такім чынам, стварыць Беларускую акадэмію навук метадам «кавалерыйскай атакі» не ўдалося. Беларускае кіраўніцтва мяняе тактыку і пераходзіць да паступовай метадычнай «аблогі»: побач з пашырэннем структуры ІБК, уцягненнем у яго дзейнасць усё большага кола прафесійных навукоўцаў і аматараў (у сакавіку 1925 г. ІБК налічваў 97 штатных і няштатных членаў, а ўсяго ў яго працу было ўцягнута 300 чалавек [15, арк. 9; 9, с. 62]) у цэнтральных органах СССР увесь час будзіруецца пытанне аб рэспубліканскай акадэміі. Так, 17 студзеня 1926 г. ІІІ канферэнцыя Галоўнавук саюзных рэспублік у сваім пратаколе адзначыла адносна ІБК: «... мяркуецца ў будучым рэарганізаваць у Беларускую Акадэмію Навук» [16, арк. 12].

Становішча ІБК як адной са шматлікіх устаноў Наркамата асветы ў свой час, магчыма, аблягчала правядзенне ўнутрыінстытуцкіх рэканструкцыйных мерапрыемстваў, не патрабуючы абавязковага ўзгаднення з маскоўскімі цэнтральнымі ўстановамі. Але ж гэтае становішча, па ўсёй бачнасці, звужала поле дзейнасці пры наяўным імкненні далейшых арганізацыйных зменаў. Менавіта таму, як падаецца, у лютым 1926 г. урад Беларусі павышае статус Інбелкульта, калі вывадзіць яго з падпарадкавання НКА і робіць самастойнай установай пры СНК БССР. Для гэтага, дарэчы, быў прыклад – АН СССР, годам раней перападпарадкаваная з НКА ў ЦВК. Адначасова старшынёй прэзідыума інстытута зноў быў зацверджаны У. Ігнатоўскі, які ёй жа па ўласным жаданні вызваляўся ад абавязкаў наркама асветы [17].

Павышэнне статуса ІБК абумовіла павышэнне ўзроўню органаў улады, якія сталі вырашаць яго лёс. Так, ЦВК СССР 1 чэрвеня 1926 г. (паводле У. Ігнатоўскага – 4 чэрвеня [8, с. 17], паводле аўтараў «Інстытута беларускай культуры» 18 чэрвеня [7, с. 17–18]) у рэзалюцыі па дакладу беларускага ўрада адзначыў, што ІБК павінны стаць БАН [17, арк. 332]. Тое самае канстатавала ліпеньская пастанова СНК БССР: «... лічыць неабходным з 1926–1927 акадэмічнага года надаць ІБК напрамак да паступовага пераўтварэння яго ў Беларускую Акадэмію Навук ...» [19]. Зразумела, без канчатковага ўхвалення партыйнымі органамі падобныя мерапрыемствы не маглі быць ажыццёўлены. Аб узгадненні пытання паміж ЦК ВКП(б) і рэспубліканскай партарганізацыяй сведчыць снежаньская (1926 г.) пастанова бюро ЦК КП(б)Б аб неабходнасці змяншэння культурна-грамадскай работы ІБК і надання ёй больш акадэмічнага накірунку. Цалкам раскрывае партыйна-дзяржаўныя планы пасяджэнне бюро ЦК Кампартыі Беларусі ў студзені 1927 г., на якім фактычна паўтораны асноўныя

палажэнні ліпеньскай (1926 г.) пастановы СНК аб пераўтварэнні ІБК у БАН. У.М. Ігнатоўскі, пішучы пра гэтае пасяджэнне, якое мела месца 15 студзеня, засяроджвае ўвагу на адным з яго рашэнняў, а менавіта аб несвоечасовасці ў «дадзены момант» рэарганізацыі Інбелкульта ў Акадэмію навук [8, с. 21]. У 1999 г. М.У. Токараў, дэталізуючы канстатацыю папярэдняй публікацыі [7, с. 18], адзначаў: «Пра тэрміны ператварэння Інбелкульта ў акадэмію існавалі дзве думкі. Адна адлюстроўвала пункт погляду вышэйшых органаў кіравання рэспублікі, а менавіта: не спяшацца, а паступова падводзіць інстытут да рэарганізацыі ў акадэмію; другая – і гэта было жаданне кіраўніцтва Інстытута беларускай культуры – не адкладаючы, ужо ў канцы 1926 г. абвясціць пра стварэнне Беларускай акадэміі навук» [1, с. 8]. Тое ж ён сцвярджаў і пазней [3, с. 30]. Падобны падыход, але з іншымі акцэнтамі можна сустрэць у Г. Нямігі. Паводле яго меркавання, таксама існавалі дзве групы. Першая – «сьвядомы беларускі актыў», згрупаваны ў ІБК, які адцягваў пераўтварэнне ў БАН, таму што пачнецца «апаноўваньне... бальшавіцкімі элементамі, з насаджэньнем бальшавіцка-русіфікацыйнага зьместу... дзейнасьці ўстановы...». Другая – нацыянал-бальшавікі, згрупаваная ва ўрадавых колах, – прыспешвала такое пераўтварэнне [26, с. 36]. Аднак у матэрыялах сакрэтнага аддзела ЦК утрымліваецца інфармацыя аб тым, што бюро ЦК палічыла неабходным «...здзейсніць гэта перайменаванне ў сувязі са святкаваннем 10-годдзя Кастрычніцкай рэвалюцыі. З аднаго боку, гэты факт будзе гаварыць аб адным з нашых дасягненняў, з іншага боку, ён звязвае БАН з імем Кастрычніка. БАН будзе першай, пакуль адзінай акадэміяй, якая створана рукамі Камуністычнай партыі і Савецкай улады, акадэміяй, якая не мае традыцыі дакастрычніцкага часу» [18, арк. 333].

Чарговая спроба стварэння Акадэміі навук аказалася, тым не менш, беспаспяховай. І гэта зразумела. Нягледзячы на 323-працэнтны рост фінансавання Інбелкульта з 1924 па 1927 г. (ад 77 906 да 329 530 рублёў) [20, арк. 75], праблема заключалася выключна ў навукова-кадравым патэнцыяле, у яго недастатковасці. Так, у 1925 г. адпаведна «Раскладу сапраўдных членаў ІБК па секцыях» з агульнай колькасці прыведзеных 57 прозвішчаў супрацоўнікаў 18 былі задзейнічаны ў адной секцыі, 35 – у двух і 4 – у трох [21, арк. 4]. Звярнуўшы ўвагу на персаналіі, адзначым намінальнасць удзелу ў працы ІБК многіх асобаў: Я.А. Адамовіч (старшыня СНК БССР), А.Р. Чарвякоў (старшыня ЦВК БССР і сустаршыня ЦВК СССР), А.І. Крыніцкі (сакратар ЦК КП(б)Б), З.Хв. Жылуновіч (кіраўнік Галоўархіва), А.В. Баліцкі (нам. наркама асветы), Я.П. Каранеўскі (заг. Галоўсацвыхавання НКА), А. Успенскі (заг. Галоўпрафадукацыі НКА), М.І. Мароз (заг. Белдзяржвыдавецтва), П. Растаргуеў (вядомы расійскі мовазнаўца, у Беларусі не жыў і не працаваў), А.К. Сержпутоўскі (супрацоўнік этнаграфічнага аддзела Рускага музея ў Ленінградзе, бываў у Беларусі наездамі, за 20 міжваенных гадоў наведаўся з навуковымі мэтамі 20 разоў [22, с. 13]) і інш. Але праблема заключалася не толькі ў намінальнасці ўдзелу. Сярод названых «Раскладам ...» людзей прафесійныя навукоўцы (паводле адукацыі і сферы дзейнасці) складалі нязначную меншасць – 10–12 чалавек, уключаючы двух апошніх.

Выказаная думка аб немагчымасці стварыць акадэмію з прычыны адсутнасці неабходнага кадравага патэнцыялу пацвярджаецца шэрагам фактаў. У прыватнасці, у канцы 1926 г. сацыяльна-эканамічная секцыя налічвала ў сваім складзе 34 асобы, сярод якіх былі прадстаўнікі ад ЦК КП(б)Б, СНК і ЦВК БССР, Наркаматаў земляробства, унутранага гандлю, фінансаў, рабоча-сялянскай інспекцыі, ЦСУ, Дзяржплана і яшчэ васьмі арганізацый, у тым ліку асобна пазначаны Інбелкульт і Цэнтральнае бюро краязнаўства [23, арк. 88], у той час як у секцыі планавалася на гэты год наяўнасць усяго аднаго штатнага супрацоўніка [24, арк. 79 адв.–80]. Такім чынам, і ў канцы 1926 і, напэўна, у 1927 г. ІБК усё яшчэ не пазбавіўся сваіх грамадскіх функцый. Нягледзячы на шэраг партыйна-ўрадавых рашэнняў аб наданні інстытуту выключна навуковага

характару, ён уяўляў своеасаблівы навукова-грамадскі цэнтр, у якім распрацоўваліся тыя ці іншыя мерапрыемствы, што тычыліся розных бакоў жыцця рэспублікі, і прымаліся адпаведныя рашэнні, амаль да кадравых прызначэнняў, прынамсі ў дачыненні да навукі і адукацыі. Магчыма, усё гэта мелася на ўвазе, калі палітбюро ЦК ВКП(б) 27 кастрычніка 1927 г. пастанавіла адкласці вырашэнне дадзенага пытання [3, с. 32].

Праца па стварэнні Акадэміі навук, тым не менш, не спынілася. Працягам яе стала юрыдычнае афармленне працэсу, што выявілася ў прыняцці прынцыпова новага статута Інбелкульта, створанага па аналогіі з адпаведнымі дакументамі Акадэмій навук СССР і Украіны. У акадэмічным статуце ІБК, зацверджаным СНК БССР 29 чэрвеня 1927 г. [25], вызначаліся прынцыпы арганізацыйнай будовы ўстановы, кадравай складовай і прадугледжвалася значнае пашырэнне абсягу навукова-даследчай дзейнасці. Цяпер інстытут быў падзелены на два аддзелы: прыроды і гаспадаркі і гуманітарных навук, нацыянальныя аддзелы сталі называцца сектарамі, больш дакладна фармуляваліся кваліфікацыйныя патрабаванні да супрацоўнікаў, далейшае нарматыўнае афармленне атрымала сістэма падрыхтоўкі маладых навукоўцаў – аспірантура.

Зразумела, перыядычныя структурныя перабудовы не з’яўляліся самамэтай, а мелі на ўвазе спрыянне пашырэнню і аптымізацыі навукова-даследчай працы ў рэспубліцы. Як сведчаць даследаванні і дакументальныя матэрыялы, менавіта з другой паловы 1920-х гадоў Інбелкульт пачынае ўсё больш упэўнена заяўляць пра сябе як аб беларускім цэнтры навуковай думкі. Няўдалая спроба арганізацыі Акадэміі навук да дзесяцігоддзя Кастрычніцкай рэвалюцыі мела і станоўчы бок – прыняцце акадэмічнага статута. З сакавіка 1928 г. думка аб своечасовасці рэарганізацыі ІБК у АН, адзначаў У.М. Ігнатоўскі, «будзе спатыкацца цяпер часта, як на Беларусі, так і ў СССР». І далей: «Паступова яна ўсё больш і больш будзе пашырацца і захапліваць як партыйную, так і беспартыйную грамадскасць» [8, с. 24]. Пры такім развіцці падзей пераўтварэнне – перайменаванне, як часта пісалі ў той час, – ІБК у БелАН станавілася справай часу. Нагодай для яго даволі хуткага набліжэння стаў 10-гадовы юбілей заснавання БССР.

У культурнай палітыцы кампартыі можна выдзеліць два палітычныя моманты ўнутранага і міжнароднага характару: яе дзейнасць у накірунку развіцця культур раней прыгнечаных нацый, пры тым што на ўвазе мелася сусветная ці хоць бы ўсееўрапейская сацыялістычная рэвалюцыя, і рэальны прыклад для нацыянальных дзеячоў у Заходняй Беларусі, які дысанансаваў з палітыкай Польшчы на «ўсходніх крэсах». Поруч з’явіліся падставы і ўласна навуковыя, як адзначана вышэй, а наяўная акадэмічная структура, апрабаваная за паўтара года, аблягчала здзяйсненне такога пераўтварэння.

З пачатку кастрычніка, з рашэння бюро ЦК КП(б)Б [8, с. 25], пачынаецца правядзенне практычных мерапрыемстваў па юрыдычным афармленні рэарганізацыі ІБК у АН. Зразумела, усе яны былі ўхваленыя вышэйшымі дзяржаўнымі органамі – саюзнымі і рэспубліканскімі СНК і ЦВК. У гэтым кантэксце ўяўляецца не зусім адэкватнай тагачаснай рэчаіснасці думка М.У. Токарава аб нечаканасці заявы старшыні СНК М.М. Галадзеда на сумесным пасяджэнні СНК СССР і БССР 9 кастрычніка 1928 г. аб рашэнні ўраду рэспублікі (ад 4 кастрычніка) пра рэарганізацыю ІБК у БАН, якое ў той самы дзень было ўхвалена СНК СССР. Нечаканасць гэтая выводзіцца з таго, што даследчыкамі не выяўлены канкрэтныя архіўныя матэрыялы аб канкрэтных рашэннях адпаведных органаў улады [1, с. 10]. Неадэкватнасць такога падыходу, на наш погляд, вынікае з наступнага: па-першае, агульнавядома, што ЦК Кампартыі з’яўляўся «першым сярод роўных» у пераліку ўладных інстанцый і без яго ўхвалення ніякія мерапрыемствы, нават значна меншага маштабу, чым стварэнне Акадэміі навук, імі не ажыццяўляліся; па-другое, аўтар прыведзенага меркавання не звярнуў увагу на інфармацыю У.М. Ігнатоўскага аб рэзалюцыі Прэзідыума Савета нацыянальнасцяў

ЦВК СССР па дакладу ўраду БССР у сакавіку 1928 г.: «... лічыць своечасовым і мэтазгодным рэарганізацыю... Інстытута ў Акадэмію навук». Зразумела, дадзенае рашэнне папярэдне павінна было быць ухваленае партыйнымі органамі. Што гэта мела месца, ускосна пацвярджае пазнейшая публікацыя М.У. Токарава, дзе прыводзіцца дакумент, з якога вынікае, што ЦК КП(б)Б звярнуўся па дадзеным «пытанні ў вышэйшыя партыйныя інстанцыі краіны яшчэ раз у студзені 1928 г.» [3, с. 32].

Такім чынам, практычная прапрацоўка пытання на саюзным узроўні пачалася як мінімум з пачатку вясны. Падаецца, не мае падставы і спасылка М.У. Токарава на партыйнае рашэнне ад 12 кастрычніка. Ён засяроджваецца на фразе У.М. Ігнатоўскага: «У першых лічбах кастрычніка Бюро ЦК КП(б)Б ... аднагалосна прыняло пастанову аб своечасовасці рэарганізацыі ІБК у БАН.» [8, с. 25]. Не мае падставы таму, што кіраўнік установы гаворыць менавіта пра «першыя лічбы», а не пра другую дэкаду ці сярэдзіну месяца, а таксама таму, што на тым пасяджэнні была прынятая да ведама пастанова ЦК ВКП(б), аб чым піша сам М.У. Токараў абзацам ніжэй [1, с. 10]. Відавочна, апошнія практычныя рашэнні прымаліся якраз на пачатку кастрычніка і былі агучаныя ў дакладзе М.М. Галадзеда, аб чым, відаць, «прагаварыўся» (а не «памыліўся» [3, с. 33]) партыйны друкаваны орган – газета «Зьвязда», датуючы пастанову чацвёртым днём кастрычніка. «Нечаканасці» ў падобных справах не маглі заканчвацца паспяхова. Так, няўдалай аказалася спроба арганізацыі Акадэміі навук у Грузіі, хоць ў верасні 1930 г. абвяшчалася аб яе адкрыцці і зацвярджаўся першы склад акадэмікаў. Нязгода Масквы пахавала гэту ідэю [27]. Відаць, цэнтральныя саюзныя ўлады не хацелі цяпер сваімі рукамі ствараць чарговае нацыянал-дэмакратычнае «кубло». Толькі праз два гады быў заснаваны Грузінскі філіял АН СССР, а Акадэмія адкрыта ў лютым 1941 г. [28, ст. 838] Такім чынам спыняліся спробы арганізацыі нацыянальных акадэмій «знізу», і, выглядае, Беларусь паспела ў апошні момант выцягнуць свой «шчаслівы білет».

Сігналам да непасрэдных дзеянняў паслужыла задавальненне Цэнтральным камітэтам ВКП(б) хадайніцтва бюро беларускага ЦК аб перайменаванні ІБК у БАН, прынятае да ведама апошнім 12 кастрычніка 1928 г. У той самы дзень бюро ЦК пастанавіла 14 кастрычніка апублікаваць у друку пастанову СНК Беларусі аб перайменаванні, праект якой даручылі скласці Корку, Чарвякову, Стасевічу [2, с. 14; 1, с. 10; 29, арк. 505]. Апублікаваная ў гэты дзень пастанова ЦВК і СНК ад 13 кастрычніка прадугледжвала заканчэнне рэарганізацыі ІБК у БАН да 1 студзеня 1929 г. [30].

Першымі правадзейнымі членамі (з тых, хто жыў і працаваў у БССР) трэцяй у СССР Акадэміі навук былі прызначаны 22 чалавекі, прычым дамінавалі прадстаўнікі гуманітарных дысцыплін – 14 асоб (64%), у тым ліку С.Я. Вальфсон, М.М. Дурнаво, З.Хв. Жылуновіч, І.І. Замоцін, У.М. Ігнатоўскі, В.Ю. Ластоўскі, Я.Ю. Лёсік, І.Д. Луцэвіч, С.Ю. Матулайціс, К.М. Міцкевіч, С.М. Некрашэвіч, У.І. Пічэта, Б.А. Тарашкевіч, А.М. Ясінскі.

Такім чынам, уяўляецца магчымым меркаваць, што з усталяваннем савецкай улады і пачаткам навукова-арганізацыйнага будаўніцтва ў рэспубліцы у тагачасных кіраўнікоў з'яўляецца думка аб стварэнні Акадэміі навук. Аднак рэальныя магчымасці, як фінансавыя, так і навуковыя, не спрыялі стварэнню БАН непасрэдна ў 1921 і 1927 гг. Тым не менш, дзякуючы велізарным намаганням, дадзеная ідэя ўсё ж набыла фактычнае ўвасабленне ў 1929 г. Тым самым быў створаны падмурак комплекснага развіцця навуковага сектара Беларусі, перспектыўнасць чаго спраўджана часам.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. Токараў, М. Нараджэнне Беларускай Акадэміі навук / М. Токараў // Штогоднік Інстытута гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук ; рэдкал. М.П. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 1999. – С. 6–12.

2. Токарев, Н.В. Академия наук Белорусской ССР: годы становления и испытаний (1929–1945) / Н.В. Токарев ; под. ред. В.А. Полуяна. – Минск : Наука и техника, 1988. – 182 с.

3. Токараў, М. Усевалад Ігнатоўскі і стварэнне Беларускай Акадэміі навук / М. Токараў // Беларускі гістарычны часопіс. – 2006. – № 4. – С. 28–34.

4. Михнюк, В.Н. Становление и развитие исторической науки Советской Белоруссии (1919–1941 гг.) / В.Н. Михнюк ; под ред П.Т. Петрикова. – Минск : Наука и техника, 1985. –286 с.

5. Лінднэр, Р. Гісторыкі і ўлада: нацыятворчы працэс і гістарычная палітыка ў Беларусі XIX–XX ст. / Р. Ліндэр ; нав. рэд. Г. Сагановіч. – СПб. : Неўскі прасцяг, 2003. – 540 с.

6. Академия наук Белорусской ССР / Н.И Голенчик [и др] ; редкол.: Н.А. Борисевич (председатель) [и др.]. – Минск : БелСЭ, 1979. – 600 с.

7. Інстытут беларускай культуры / М.П. Касцюк [і інш.] ; рэдкал. : М.А. Барысевіч [і інш.]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993. – 255 с.

8. Ігнатоўскі, У. Старонка з гісторыі культурнага будаўніцтва ў БССР / У. Ігнатоўскі // Бальшавік Беларусі. – 1928. – № 12. – С. 10–27.

9. Петрыкаў, П.Ц. Інстытуту беларускай культуры – 70 гадоў / П.Ц. Петрыкаў // Весці АН РБ. – Сер. гуманітар. навук. – 1992. – № 5–6. – С. 52–70.

10. Шаўчук, І.І. Арганізацыя навукі Беларусі ў пачатку 1920-х гадоў / І.І. Шаўчук // Беларускі гістарычны часопіс. – 2006. – № 8. – С. 15–20.

11. Палажэньне аб ІБК : паст. ЦВК і СНК БССР ад 25 ліпеня 1924 г. // ЗЗ БССР. – Аддз. І. – 1924. – № 18. – Арт. 161.

12. Материалы о работе Инбелкульта, Белорусской государственной и университетской библиотеки и Белорусского государственного академического театра (постановления, положения, циркуляры, доклады и др.) 18 января – 24 декабря 1924 г. // Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Фонд 42. – Воп. 1. – Спр. 535.

13. Анастасьин, Д. Начало трёх национальных академий // Д. Анастасьин, И. Вознесенский [Ф.Ф. Перченок] // Память. Исторический сборник. [Электронный ресурс]. – Москва, 1981; Париж: La Presse Libre, 1982. – Вып. 5. – С. 165–225 – Режим доступа : http://litcatalog.al.ru/periodics/Pamiat/Vyp05.html. – Дата доступа : 09.12.2007.

14. Прывітаньне Інстытуту Беларускае Культуры // Савецкая Беларусь. – 1925. – 14 ліп. – С. 3.

15. Протоколы научного совета и общих собраний членов института (1925 г.) // Цэнтральны навуковы архіў НАН Беларусі (ЦНА НАНБ). – Фонд 67. – Спр. 12.

16. НАРБ. – Ф. 42. – Воп. 1. – Спр. 1254. Протоколы III конференции Главнаук союзных республик, тезисы докладов на 2-й Всероссийской конференции по среднему медицинскому образованию, устав Академии наук БССР и список учебных заведений УССР. 7 декабря 1925 г. – 20 сентября 1926 г.

17. Аб рэарганізацыі Інстытуту Беларускае Культуры : пастанова СНК БССР ад 12 лютага 1926 г. // ЗЗ БССР. – Аддз. І. – 1926. – № 51. – Арт. 189.

18. Выписки из протоколов заседаний политбюро и оргбюро ЦК ВКП(б), бюро ЦК КП(б)Б [докладные записки ЦК КП(б)Б в ЦК ВКП(б) о рассмотрении проекта Конституции БССР, политическом положении и мероприятиях по обеспечению

обороноспособности республики, увеличению ассигнований по госбюджету БССР и др. вопросам, описи секретных документов, возвращённых из ЦК КП(б)Б ЦК ВКП(б) после использования]. 1 февраля 1926 г. – 20 октября 1927 г. // НАРБ. – Ф. 4-п. – Воп. 1. – Спр. 3034.

19. Аб Інстытуце Беларускае Культуры : пастанова СНК БССР ад 10 ліпеня 1926 г. // ЗЗ БССР. – 1926. – № 29. – Арт. 106.

20. Сведения о состоянии народного образования БССР в 1926 г. // НАРБ. – Фонд 42. – Воп. 1. – Спр. 321.

21. Протоколы Президиума и секций Института Белорусской Культуры (1925 г.) // ЦНА НАНБ. – Фонд 67. – Спр. 9.

22. Фядосік, А.С. Ілюзорнасць і сапраўднасць: «Белыя плямы»ў гісторыі фальклорыстыкі 20-30-х гг. / А.С. Фядосік. – Мінск : Навука і тэхніка, 1991. –77 с.

23. Ведомости на выдачу зарплаты работникам института (1926 г.) // ЦНА НАНБ. – Фонд 67. – Спр. 13.

24. Протоколы Президиума Центрального бюро краеведения (1926 г.) // ЦНА НАНБ. – Фонд 67. – Спр. 16.

25. Статут Інстытуту Беларускай Культуры : паст. СНК БССР ад 29 чэрвеня 1927 г. // ЗЗ БССР. – Аддз. I. – 1927. – № 31. – Арт. 158.

26. Няміга, Г. Інстытут беларускай культуры – Беларуская Акадэмія навук – Акадэмія навук Беларускай ССР / Г. Няміга. – Мюнхен, 1957. – 162 с.

27. Перченок, Ф.Ф. "Дело Академии наук" и "великий перелом" в советской науке / Ф.Ф. Перченок // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР [Элетронный ресурс]. – 1995. – Режим доступа : http://russcience.chat.ru/perch95f.htm. – Дата доступа : 05. 02. 2006.

28. Стуруа, Н.И. Грузинская ССР / Н.И. Стуруа, Э.В. Хоштариа // Советская историческая энциклопедия : в 16 т. – М., 1963. – Т. 4. – С. 838.

29. НАРБ. – Фонд 4-п. – Воп. 1. – Спр. 3754. Протоколы № 48–54 заседаний бюро ЦК КП(б)Б, документы к ним. 12 октября – 9 ноября 1928 г.

30. 30. Аб рэарганізацыі Інстытуту Беларускае Культуры ў Беларускую Акадэмію Навук : пастанова ЦВК і СНК БССР ад 4 кастрычніка 1928 г. // Зьвязда. – 1928. – 14 кастр. – С. 1.

Shauchuk I. **Transformation of the Institute of Belarusian Culture into the Belarusian Academy of Sciences**

The paper deals with the Belarusian Academy of Sciences formation. The problem is considered on basis of numerous sources both put into scientific circulation and unpublished ones. For the first time attention is paid to see attempts of the Academy of Sciences foundation, namely in 1921, 1927 and 1928/29. At that various reasons of such developments are analyzed, primarily political, socioeconomical and proper scientific ones. In conclusion there is accentuated objectively positive character of scientific-organizational structuring in the republic despite possible unscientific character motivation of the processes under consideration.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 25.02.10

УДК 94(47+57) «1941/45» + 719(476)

Т.П. Савчук

ЭВОЛЮЦИЯ ПАМЯТНИКОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НА ТЕРРИТОРИИ БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ (1940-е – 1980-е гг.)

В данной статье анализируется деятельность партийных и государственных органов, общественных организаций по увековечению событий Великой Отечественной войны на территории Брестской области в советский период. Автором предложена периодизация строительства и функционирования военных памятников, рассмотрены характерные черты и особенности того или иного этапа. Изложенный материал в основном базируется на данных Национального архива Республики Беларусь, Государственного архива Брестской области. Большинство использованных источников введено в научный оборот впервые.

Введение

С первых дней Великой Отечественной войны Брестская область стала местом ожесточённых боёв. На её территории в разное время действовали 30 партизанских бригад, 1 партизанский полк, 27 партизанских отрядов и 2 партизанские спецгруппы [1, с. 106]. В результате военных действий и оккупационного режима Брестчина понесла значительные людские потери. Так, за время оккупации в Пинске было уничтожено около 60 тыс. мирных жителей и военнопленных, в Барановичах – 31 тыс., в Столине – 8 тыс., в Леснянском лагере смерти (Барановичский район) более 88 тыс., в Колдычевском лагере смерти (Барановичский район) – 22 тыс., возле деревни Бронная Гора (Берёзовский район) – более 50 тыс. Помимо этого, за годы войны пострадало население 102 деревень области, 5 из которых не возродилось [2, с. 26].

Тема памятников Великой Отечественной войны представлена как в советской, так и в современной белорусской историографии. Некоторые аспекты монументального строительства на территории Брестской области нашли отражение в первую очередь в «Своде памятников истории и культуры Белоруссии. Брестская область» [2], а также на страницах историко-документальных хроник «Памяць», справочного издания «Памяць. Беларусь. Рэспубліканская кніга» [3]. Основные направления процесса увековечения обозначены в статьях А.А. Ковалени, М.А. Журавкова, К.И. Козака [4]. Несмотря на это, на сегодняшний день отсутствует сводная работа, в которой была бы представлена систематизированная информация по проблеме. Целью данной публикации является анализ деятельности партийных и государственных органов, общественных организаций по мемориализации событий Великой Отечественной войны на территории Брестской области в 1940-е – 1980-е гг.

Основные направления материального воплощения памяти о войне

Основным способом увековечения памяти о событиях Великой Отечественной войны в советском государстве стало строительство мемориальных объектов, а также установление судеб погибших участников войны, что вылилось в широкую поисковую деятельность.

Научный руководитель – В.В. Зданович, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой истории Беларуси Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

В течение 1940–1980-х гг. политика и практика монументального строительства претерпевала изменения, что нашло отражение в эволюции от простейших художественных форм первых послевоенных лет к сложным архитектурно-скульптурным ансамблям 1960–1980-х гг. Генезис идейно-тематической концепции, функционального содержания и средств выразительности позволяет выделить несколько этапов проектирования, сооружения и функционирования памятников:

I этап – 1941–1945 гг.;

II этап – сер. 1940-х – сер. 1950-х гг.;

III этап – втор. пол. 1950-х – сер. 1960-х гг.;

IV этап – втор. пол. 1960-х – 1980-е гг.

В годы войны на братских могилах, местах гибели военнослужащих Советской Армии и партизан начали возводиться первые памятники. Активное участие в создании мемориальных знаков принимало местное население. В основном это были простейшие по форме надгробия из необожжённого кирпича либо витиеватые кресты из гнутых металлических труб. В это же время были организованы первые конкурсы проектов на создание памятников героям Великой Отечественной войны [5, с. 29].

Второй этап сооружения памятников, охватывающий первое послевоенное десятилетие, характеризуется непосредственной связью между проектированием и сооружением памятников и работой по восстановлению и реконструкции городов. 3 июля 1945 г. Верховный Совет БССР принял Закон «Об ознаменовании победы и увековечении памяти воинов Красной Армии и партизан, павших в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в период Великой Отечественной войны Советского Союза» [6, с. 328]. Согласно данному Закону 3 июля был объявлен Днём освобождения белорусского народа от немецко-фашистских захватчиков. Верховным Советом БССР также было принято решение об установке памятников на могилах погибших воинов и партизан, памятника Победы в г. Минске. Что касается руководства вопросами увековечения, то решением правительства БССР от 14 мая 1946 г. № 827–333/7 первоначально оно было возложено на Управление по делам архитектуры при Совете Министров БССР, в структуре которого был создан отдел по охране памятников архитектуры, а затем на Комитет по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров [7]. Благоустройство кладбищ, братских и индивидуальных могил, охрана и наблюдение за их содержанием были отнесены к компетенции областных, городских и районных Советов депутатов трудящихся, комитетов КПБ.

За период с 1945 г. по 1949 г. вопросы, связанные с увековечением, неоднократно обсуждались на заседаниях Брестского областного Совета депутатов трудящихся. Так, 9 марта 1946 г. облисполком принял развёрнутое решение «по вопросу благоустройства могил воинов Советской Армии и партизан и увековечении знаменательных мест и событий, связанных с Великой Отечественной войной на территории Брестской области». На исполнительные комитеты районных Советов был возложен учёт всех воинских захоронений, установление имён и званий погибших, а также перенос индивидуальных могил в братские. Местными органами были созданы специальные комиссии для организации указанных работ. В процессе деятельности комиссии находились в тесном контакте с военными комиссариатами, воинскими частями, партийными и комсомольскими организациями, отделами культурно-просветительной работы [8, л. 7]. Если на начало 1949 г. в области числилось 263 индивидуальные могилы, то в результате проведённых мероприятий по переносу отдельных захоронений на военные или гражданские кладбища, а также их объединения в братские могилы на 15 ноября 1949 г. на Брестчине осталось 34 индивидуальные могилы [9, л. 30]. В это же время на территории Пин-

ской области числилось 204 братские и 1 031 индивидуальная могилы, в Барановичской – 239 братских могил и кладбищ, 773 одиночных захоронения [9, л. 38, 41].

Одним из направлений деятельности государственных органов по сохранению памяти о войне в рассматриваемый период явилось создание специальных фотоальбомов. В соответствии с постановлением от 20 марта 1947 г. «Об отпуске средств на изготовление фотоальбомов памятников» областными отделами культурно-просветительной работы было проведено фотографирование выявленных памятников. По результатам деятельности все имеющиеся фотографии объединили в альбом, который впоследствии был передан на хранение в военно-исторический музей г. Кобрина [8, л. 7; 9, л. 29].

Что касается идейного содержания монументального искусства первого послевоенного десятилетия, то основной акцент был сделан на изображении темы Победы, «торжества справедливости и дружбы между народами, скреплённой в огне боёв». В это время в Беларуси доминировали памятники конкретным героям войны. Так, в 1949 г. в г. Барановичи был установлен бронзовый бюст дважды Героя Советского Союза С.И. Грицевца. В кон. 1940-х – нач. 1950-х гг. памятные знаки были установлены на могилах участников партизанского движения на Брестчине: А.Д. Дмитрука (г. Жабинка, 1949 г.), П.Г. Сохащика (д. Гошево Дрогичинского района, 1951 г.), В.С. Клютко (д. Яглевичи Ивацевичского района, 1950 г.) и др. [2, с. 87, 166, 179, 216].

Большинство созданных в этот период мемориальных объектов характеризовалось однотипностью и простотой художественного исполнения. Многие из памятников уже тогда трактовались как временные, впоследствии их заменили сооружения из более прочных материалов. Нехватка капитальных материалов и проблемы, связанные с их доставкой в отдельные районы, обусловливали необходимость обращения к имевшемуся повсеместно материалу – дереву. Происходило своеобразное копирование форм каменных монументов, хотя особенности дерева сказывались на общем решении [10, с. 44]. Серьёзным фундаментом в деле сооружения памятников стал разработанный Управлением по делам архитектуры при Совете Министров БССР «Альбом эскизных проектов намогильных памятников воинам Красной Армии, партизанам и мирному населению, погибшим в Великую Отечественную войну 1941–1945 гг., и мемориальных досок» [11], в который вошли эскизные решения с подробными чертежами и рекомендациями.

Что касается объектов мемориализации, то основное внимание уделялось сохранению и монументальному оформлению могил военнослужащих Советской Армии и партизан. Проблема сохранения памяти о погибших мирных жителях к середине 1950-х гг. не была окончательно решена. Кроме того, совершенно не затрагивалась тема первых трагических дней Великой Отечественной войны. Неспроста в шестом томе Большой Советской энциклопедии, увидевшем свет в 1951 г., Брестская крепость не упоминалась даже в контексте исторических событий. «История, подобная защите Цитадели Брестской крепости, получила бы широкую огласку в любой другой стране, – писал Пауль Карель. – Но смелость и героизм защитников Бреста остались не воспетыми. До смерти Сталина Советы просто не обращали внимания на героическую оборону крепости. Крепость пала, и многие солдаты сдались. Это в глазах сталинистов было позором, поэтому в Бресте не было героев. Глава из военной истории была просто вырвана…» [12, с. 133].

Смерть И.В. Сталина, XX съезд КПСС и начало «хрущёвской оттепели» положили начало новому периоду во всех сферах жизнедеятельности советского общества. 29 июня 1956 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР

«Об устранении последствий и грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных и членов их семей». В июле по решению Министерства обороны в Центральном доме Советской Армии в Москве был организован торжественный вечер, посвящённый пятнадцатилетию подвига гарнизона Брестской крепости. 8 ноября 1956 г. состоялось открытие Музея героической обороны крепости при гарнизонном доме офицеров [12, с. 134].

В марте 1956 г. было принято решение увековечить память героев Брестской крепости, превратив Цитадель в мемориальный музей, а на её территории воздвигнуть монумент. Кроме того, в обозначенный период значительно расширяется спектр устанавливаемых мемориальных знаков. Намного смелее по сравнению с предыдущим десятилетием стали увековечивать места гибели мирного населения – жертв фашизма. В зависимости от объекта мемориализации можно выделить следующие группы памятников: 1) памятники жертвам фашизма; 2) памятники павшим воинам и партизанам; 3) памятники на местах сражений и героических событий; 4) памятники в честь борьбы белорусского народа в тылу врага; 5) памятники-символы землякам, погибшим за пределами Беларуси [13, с. 172].

Помимо сооружения памятников на территории Брестской области в это время одним из основных направлений деятельности по увековечению продолжало оставаться выявление и учёт воинских захоронений, перезахоронение индивидуальных могил и их благоустройство. К примеру, в течение 1956 г. было перезахоронено 202 отдельных захоронения, а также установлено 29 каменных памятников [14, л. 5].

Апогеем советской политики мемориализации явилась сер. 1960-х – 1980-е гг. «Именно в этот период складывается официальный ритуал, связанный с освоением и трансляцией идеологических смыслов войны и победы, с оправданием жертвы и установками на дальнейшее мирное развитие… Постепенно отдельные изобразительные типы и составляющие памятника складываются в стандартный мемориальный «тезаурус», …оформляется канон изображения и трактовки солдатского подвига, человеческой жертвы и победы советской идеологии» [15, с. 248].

Вторая половина 1960-х гг. явилась той вехой, которая положила начало качественно новому этапу увековечения, обусловленному рядом факторов. Во-первых, празднование двадцатилетия Победы в Москве было впервые развёрнуто на широчайшем военном материале с использованием различных символических форм и ритуалов, таких как «Минута молчания», «Вечный огонь», праздничный парад, а также произведений литературы, искусства, кино и, конечно, монументальной пропаганды. Во-вторых, постановление ЦК КПБ от 17 января 1966 г. «О дальнейшей работе по увековечению героических подвигов советских людей в период Великой Отечественной войны» [16, с. 150–152] и постановление ЦК КПБ и Совета Министров БССР от 17 мая 1968 г. «О дальнейшем развитии и пропаганде монументального искусства в республике» положили начало широкомасштабному и повсеместному строительству грандиозных памятников и мемориальных комплексов [17, с. 12]. В 1971 г. состоялось открытие мемориального комплекса «Брестская крепость-герой», в 1971–1972 гг. под Барановичами на месте гибели 3 тыс. чехословацких граждан был создан мемориал «Урочище Гай», в 1975 г. – «Здитовская оборона» (Берёзовский район), в 1982 г. – «Дремлёво» (Жабинковский район) [2, с. 53, 85, 119, 181]. Широкое распространение в это время получили курганы Славы (Бессмертия) и курганы Памяти. Наиболее значительными из них на Брестчине являются курганы Славы в урочище Меловая Гора (Малоритский район), в д. Миничи (Ляховичский район).

Кроме того, постановлением 1966 г. была создана Республиканская комиссия по увековечению героических подвигов советских людей в период Великой Отечественной войны, чтобы «ничто достойное не осталось без внимания и было должным обра-

зом отмечено» [16, с. 152]. 26 декабря 1969 г. Верховный Совет БССР утвердил Закон «Об охране памятников культуры» [18, с. 41], который стал первым общегосударственным актом в области охраны культурно-исторического наследия.

В-третьих, в 1965 г. в соответствии с постановлением ЦК КПБ и Совета Министров БССР от 19 июня 1965 г. № 306 было создано Белорусское добровольное общество охраны памятников истории и культуры [19, с. 66]. В 1970–1980-е гг. общество представляло собой реально действующую и многочисленную по составу общественную организацию, одной из приоритетных задач которой являлась реализация государственной политики в области увековечения памяти о Великой Отечественной войне.

Постановлением Брестского областного исполнительного комитета и Бюро областного комитета КПБ от 24 июля 1965 г. № 430/17 было организовано Брестское отделение общества охраны памятников истории и культуры [20]. 15 июня 1966 г. состоялась областная учредительная конференция, в ходе которой был избран совет областного отделения данной организации, президиум совета и ревизионная комиссия [21, л. 8]. Согласно многочисленным справкам, отчётам, докладным запискам руководящих лиц областного и районных отделений общества деятельность в сфере сохранения памяти о войне осуществлялась в следующих направлениях: 1) сооружение, реконструкция, охрана памятников боевой славы; 2) поиск, установление имён и судеб погибших участников Великой Отечественной войны; 3) выявление, благоустройство и учёт воинских захоронений; 4) пропаганда и популяризация военных мемориалов, использование их в деле военно-патриотического воспитания молодёжи. На 1 сентября 1966 г. по Брестской области на учёте состояло 179 памятников, 172 обелиска, 89 мемориальных досок, 57 надгробных плит, 3 кургана боевой Славы, 12 мемориальных парков [22, л. 2]. В течение 1966–1968 гг. с помощью общества был сооружён 241 памятник, на протяжении 1968 г. заложено 42 мемориальных парка [23, л. 2]. Большинство сооружённых объектов представляли собой памятники с фигурой воина или «Скорбящей матери», по-прежнему были широко распространены обелиски.

Все памятники и, в особенности, братские могилы закреплялись в порядке шефства за первичными организациями и коллективами общества, за сельскими и поселковыми Советами, школами, предприятиями.

Однако приходится констатировать, что качество возведённых монументов оставляло желать лучшего. Во многом это было обусловлено тем, что значительное количество памятников было построено по тиражированным проектам либо по проектам местных «умельцев» без утверждения квалифицированными художественными советами и согласования с Министерством культуры БССР, с управлениями культуры местных Советов. В итоге получалось, что в одном сельсовете устанавливали по 2–3 памятника-близнеца, которые, в основном, представляли собой четырёхгранные обелиски – пирамиды со звездой на верхушке и высотой 2–3 метра [23, л. 22].

В связи с этим, в 1970–1980-е гг. государственными органами и общественными организациями были приложены значительные усилия по реконструкции и замене памятников, выполненных на низком художественном уровне или из непрочных материалов. Руководствуясь решением Брестского областного совета депутатов трудящихся от 17 июля 1972 г. № 364 «О замене низкохудожественных и ремонте памятных знаков на могилах советских воинов и партизан» за период 1972–1977 гг. местные власти произвели замену 59 некачественных мемориальных объектов [24, л. 2].

В 1974 г. из бюджета областного и районных советов общества на ремонт и перестройку памятников было выделено 7 552 руб. Из них 7 470 руб. затрачено на реконструкцию памятника Герою Советского Союза И.К. Кабушкину в Баранович-

ском районе [25, лл. 28–30]. Всего же с 1972 г. по 1977 г. из средств организаций общества на реставрацию и сооружение памятных знаков было направлено 63 тыс. руб., перечислено в Республиканский фонд реставрации памятников – 165 тыс. руб. [24, л. 3].

Нельзя не отметить широкую популярность поискового движения, которое, зародившись в первые послевоенные годы как народная инициатива, в 1980-е гг. приобрело массовый характер. В 1980 г. в области более 150 тыс. комсомольцев и школьников участвовали в поисковой работе в ходе операции «Летопись народной славы». При областном штабе Всесоюзного похода по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа была создана секция по проведению операции «Долг». Кроме того, в большинстве школ действовали отряды «Красных следопытов», которые также занимались установлением судеб земляков – участников Великой Отечественной войны [26, л. 27].

Заключение

Имеющиеся в исследовании факты позволяют сделать следующие выводы:

1. После окончания Великой Отечественной войны на территории Беларуси в целом и Брестской области в частности развернулась деятельность по её увековечению.

2. Разработка, идеологическая направленность и координация политики мемориализации была прерогативой центральных государственных и партийных органов, а её реализация была возложена на местные органы власти. Значительная роль в деле строительства, сохранения и популяризации военных памятников во второй половине 1960–1980-е гг. принадлежала Белорусскому добровольному обществу охраны памятников истории и культуры.

3. Основным направлением материального воплощения памяти о войне в советском государстве явилось сооружение памятников. В сфере строительства и функционирования памятников можно выделить четыре основных этапа, каждый из которых характеризуется своей идейно-тематической концепцией, функциональным содержанием и средствами выразительности.

4. Главный акцент в политике увековечения делался на сооружении мемориальных объектов, посвящённых теме Победы. В меньшей степени подлежала сохранению память о страданиях и потерях белорусского народа.

5. Помимо сооружения памятников, усилия местных государственных и партийных органов, Брестского отделения Белорусского добровольного общества охраны памятников истории и культуры были направлены на выявление и учёт воинских захоронений, перезахоронение индивидуальных могил и их благоустройство, установление имён и судеб погибших земляков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шомоди, В.Э. Маршрутами народной славы / В.Э. Шомоди. – Минск : Полымя, 1984. – 190 с.

2. Свод памятников истории и культуры Белоруссии. Брестская область / АН БССР, Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора, Белорус. Сов. Энцикл. ; Редкол.: С.В. Марцелев (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БелСЭ, 1990. – 424 с.

3. Памяць. Беларусь. Рэспубліканская кніга / Беларус. Энцыкл. ; Б.І. Сачанка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1995. – 624 с.

4. Коваленя, А. Памятники, обелиски, мемориалы / А. Коваленя // Беларуская думка. – 2007. – № 6. – С. 4–11; Коваленя, А.А. Память о героической борьбе советских людей в годы Великой Отечественной войны – бессмертна / А.А. Коваленя // 1941 г. : трагедия, геро-

изм, память : материалы междунар. науч. конф., посв. 65-й годовщине нач. Великой Отечеств. войны, Брест, 22–23 июня 2006 г. / М-во образования Респ. Беларусь, Брест. гос. ун-т им. А.С. Пушкина ; НАН Беларуси, Ин-т истории НАН Беларуси ; редкол.: М.Э.Чесновский [и др.]. – Брест, 2007. – С. 15–28; Журавков, М.А. Увековечение памяти защитников Отечества и жертв фашизма в учебно-воспитательном процессе в учреждениях образования / М.А. Журавков // Великая Победа : героизм и подвиг народов : материалы междунар. научн. конф (Минск, 28–29 апреля 2005 г.) : в 2 т. Т. 2. / Ин-т истории НАН Беларуси ; редкол.: А.А. Коваленя [и др.]. – Минск, 2006. – С. 175–178; Козак, К.І. Мемарыялізацыя вайны: сацыяльныя аспекты / К.І. Козак // другая сусветная вайна: новыя аспекты даследаванняў: матэрыялы міжнароднага навуковага семінара 1 верасня 2003 г., Мінск ; адк. рэд. В.Ф. Балакіраў. – Мінск : НАРБ, 2004. – 208 с.

5. Программа на составление эскиза-идеи памятника героям Отечественной войны, 3 сентября 1942 г. // Увековечение памяти защитников Отечества и жертв войн в Беларуси 1941–2008 гг. : док. и материалы / сост. : В.И. Адамушко [и др.]. – Минск : НАРБ, 2008. – 304 с.

6. Об ознаменовании Победы и увековечении памяти воинов Красной Армии и партизан, павших в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в период Великой Отечественной войны Советского Союза : Закон БССР, 3 июля 1945 г. // Сбор Законов БССР и Указов Президиума Верховного Совета БССР, 1938–1955 гг. – Минск : Изд-е Президиума Верховного Совета БССР, 1956. – 346 с.

7. О благоустройстве могил воинов Красной Армии и партизан и увековечении знаменательных мест и событий, связанных с Великой Отечественной войной на территории БССР : постановление Совета Министров БССР и ЦК КП(б)Б, 14 мая 1946 г., № 827–333/7 // Збор Законаў БССР. – 1946. – № 2. – Ст. 19; О мерах улучшения охраны памятников культуры : постановление Совета Министров СССР, 14 окт. 1948 г., № 3898 // Советское законодательство о памятниках истории и культуры. Сборник документов и материалов (1917–1972 гг.) / Ф.Б. Борисевич [и др.]; под ред. И.Ф. Климова. – Минск : Полымя, 1972. – 472 с.

8. Отчёты министерств и исполкомов о выполнении постановлений Президиума Верховного Совета БССР, об увековечении памяти погибших солдат и партизан, 1949 г. // Национальный архив Республики Беларусь (далее НАРБ). – Ф. 968. – Оп. 1. – Д. 154.

9. О благоустройстве могил воинов Советской Армии, партизан и советского населения, погибших в период Великой Отечественной войны на территории БССР, 1949 г. // НАРБ. – Ф. 790. – Оп. 1. – Д. 152.

10. Сергачёв, С. Первые памятники в честь павших героев / С. Сергачёв // Архитектура и строительство. – 2004. – № 2. – С. 42–44.

11. Альбом эскизных проектов намогильных памятников воинам Красной Армии, партизанам и мирному населению, погибшим в Великую Отечественную войну 1941–1945 гг., и мемориальных досок / Управление по делам архитектуры при Совете Министров БССР. – Минск, 1946. – 69 с.

12. Бешанов, В.В. Брестская крепость / В.В. Бешанов. – Минск : Беларусь, 2004. – 158 с.

13. Никитина, В.Б. Военные мемориалы в Белоруссии / В.Б. Никитина, Ю.А. Якимович // История СССР. – 1970. – № 3. – С. 172–178.

14. Отчёты о работе по охране памятников, списки археологических и исторических памятников, 1957 г. // НАРБ. – Ф. 974. – Оп. 1. – Д. 406.

15. Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре // Русский журнал [Электронный ресурс]. – 2005. – № 2–3. – Режим доступа : http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/. – Дата доступа : 02.12.2008.

16. О дальнейшей работе по увековечению героических подвигов советских людей в период Великой Отечественной войны : постановление ЦК КПБ, 17 янв. 1966 г. // Увековечение памяти защитников Отечества и жертв войн в Беларуси 1941–2008 гг. : док. и материалы / сост. : В.И. Адамушко [и др.]. – Минск : НАРБ, 2008. – 304 с.

17. Лапцевич, Л.Г. Ленинский план монументальной пропаганды в Белоруссии / Л.Г. Лапцевич. – Минск : Полымя, 1984. – 29 с.

18. Об охране памятников культуры : Закон БССР, 26 дек. 1969 г. // Советское законодательство о памятниках истории и культуры. Сборник документов и материалов (1917–1972 гг.) / Ф.Б. Борисевич [и др.]; под ред. И.Ф. Климова. – Минск : Полымя, 1972. – 472 с.

19. О создании Белорусского добровольного общества охраны памятников истории и культуры : постановление ЦК КПБ и Совета Министров БССР, 19 июня 1965 г., № 306 // Советское законодательство о памятниках истории и культуры. Сборник документов и материалов (1917–1972 гг.) / Ф.Б. Борисевич [и др.]; под ред. И.Ф. Климова. – Минск : Полымя, 1972. – 472 с.

20. Постановление Бюро обкома КПБ и исполкома Брестского облсовета депутатов трудящихся от 24 июля 1965 г. № 430/17 «О создании областного отделения Белорусского добровольного общества охраны памятников истории и культуры» // Государственный архив Брестской области (далее ГАБО). – Ф. 155. – оп. 1. – Д. 1.

21. Протокол областной учредительной конференции облотделения общества охраны памятников от 15 июня 1966 г. и материалы к нему // ГАБО. – Ф. 155. – Оп. 1. – Д. 3.

22. Информация о работе по увековечению героических подвигов советских людей в годы Великой Отечественной войны// ГАБО. – Ф. 155. – Оп. 1. – Д. 4.

23. Справки об обследовании состояния памятников истории и культуры за 1969 г. на территории области // ГАБО. – Ф. 155. – Оп. 1. – Д. 24.

24. Акт, справки, сведения областного совета общества по обследованию состояния памятников истории и культуры, о памятниках героям-комсомольцам, установленным на территории области и др. за 1977 г. // ГАБО. – Ф. 155. – Оп. 1 – Д. 107.

25. Отчёты, справки подведомственных организаций о подготовке достойной встречи 30-летия освобождения Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков, 1974 г. // НАРБ. – Ф. 492. – Оп. 1. – Д. 76.

26. Справки, информации областного совета общества о состоянии памятников истории и культуры, итогах работы организаций общества, шефской работе над памятниками и др. за 1981 г. // ГАБО. – Ф.155. – Оп. 1. – Д. 164.

Savchuk T.P. **Evolution of Great Patriotic War memorials in the territory of Brest Area (1940–1980s)**

The present article contains the analysis of the activity of party and state authorities and public organizations directed at the immortalization of the events of Great Patriotic War on the territory of Brest area in Soviet period. The author proposed the periodic approach to the development of erection and functioning of war memorials, analyzed characteristic features and peculiarities of its individual period. The applied materials are based mainly on the information from the National Archive of the Republic of Belarus and State Archive of Brest Area. The majority of sources were applied in scientific turnover for the first time.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 02.12.09

УДК 008 (438+476) "17/18" + 78.071.1 (438+476)(091)

И.М. Шумская

РОЛЬ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ М. ОГИНСКОГО И С. МОНЮШКО В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПОЛЬШИ И БЕЛАРУСИ

Анализируется специфика развития музыкальной культуры на белорусских и польских землях в период XVIII – XIX столетий, важную роль в которой сыграло творческое наследие М. Огинского и С. Монюшко. Отмечается, что характерными особенностями музыкально-творческой деятельности в данном культурном ареале того времени были усиление тенденций романтизма и повсеместное обращение к народным песням. Раскрываются основные вехи жизнедеятельности композитора Михала Клеофаса Огинского в его усадьбе в Залесье, где им был создан значительный пласт разнообразных фортепианных пьес. Выявляются ключевые этапы творчества основоположника славянской оперной школы Станислава Монюшко, создавшего ,jkmijt количество произведений, своей тематикой и проблематикой тесно связанных с белорусским краем и отечественной культурой.

Введение

В настоящее время, принимая во внимание этническую и духовную близость белорусского и польского народов, а также общие исторические и геополитические аспекты развития, мы считаем целесообразным вести речь о необходимости более интенсивного развития межкультурного диалога и укрепления единого культурного пространства, весомый вклад в формирование которого внесли не только государственные деятели, но и незаурядные творческие люди. Белорусская земля, щедрая на талантливых людей, дала миру многих выдающихся деятелей, достижения которых по праву принадлежат сразу нескольким культурам и народам. Наиболее ярко тенденцию тесного культурного взаимодействия двух народов – польского и белорусского, равно как и идею существования общего культурного пространства, можно проиллюстрировать на примере деятельности незаурядных композиторов и музыкантов, в числе которых – Михал Клеофас Огинский и Станислав Монюшко. В подавляющем большинстве источников Михала Клеофаса Огинского и Станислава Монюшко безоговорочно относят к числу польских композиторов, а между тем их жизнь и творчество были неразрывно связаны с Беларусью, ввиду чего их по праву можно считать и ярчайшими представителями белорусской культуры периода конца XVIII – начала XIX столетий. Переоценка значимости их творческого наследия представляется нам весьма актуальной в связи с заметным расширением социокультурных контактов с Польшей.

Культурное пространство Польши и Беларуси

Под культурным пространством обычно понимается форма существования культуры в сознании ее представителей. Культурное пространство воспринимается как система регулятивных оснований человеческой деятельности и ее знаково-символического содержания, воплощенного в многообразных продуктах культурной практики. Культурное пространство формируется совокупностью всех индивидуальных и коллективных пространств представителей данной культурно-национальной общности и воплощает образную модель окружающей действительности. Каждое культурное пространство предстает как органическое целое, где все составные части объединены общими ценностями. Именно в культурном пространстве возможно сосуществование прошедших и современных пластов культуры.

В Беларуси на протяжении всей ее истории происходил очень интенсивный процесс взаимодействия культур. Многие общественно-культурные процессы накладывались на местные традиции, тем самым обогащая традиционную культуру и расширяя ареал культурного пространства. На белорусских и польских землях, которые в разное время входили в состав Великого Княжества Литовского, Речи Посполитой и Российской империи, музыка всегда была одним из важнейших и наиболее распространенных видов искусства. Основами музыкальной культуры в вышеупомянутый период в той или иной мере владел каждый образованный человек. К примеру, для женщин из благородных семейств умение играть на каком-либо музыкальной инструменте и петь считалось почти обязательным. Музыка звучала в салонах местной шляхты, преподавалась в учебных заведениях, исполнялась на концертах профессиональных музыкантов и любителей. Крупные города в то время обычно имели свои профессиональные оркестры. В поместьях магнатов действовали также крепостные оркестры и капеллы. Широкое распространение имели тогда на территории Беларуси, равно как и Польши, произведения западноевропейских композиторов, но вместе с тем популярностью и почитанием пользовались сочинения местных авторов.

Место творчества Михала Клеофаса Огинского в европейской музыкальной культуре

Важной особенностью отечественной музыкальной культуры в период конца XVIII – середины XIX вв. стало усиление интереса к белорусским народным песням. Композиторы все чаще обрабатывали их и использовали в концертной деятельности. Некоторые музыкальные сборники той поры назывались, например, так: «Несколько мелодий белорусов, записанных и составленных фортепианным товариществом», «Сборник малорусских и белорусских песен, записанных для голоса под аккомпанемент фортепиано». Наряду с этим, для музыкального творчества той эпохи было характерно усиление тенденций романтизма, которые наиболее ярко проявились в фортепианной музыке.

Именно в этом жанре создал большинство своих произведений, отличающихся лиризмом, мелодичностью и тесной связью с народно-песенными истоками, Михал Клеофас Огинский. На основе национальных танцев он написал не только полонезы, но и марши, вальсы, мазурки. Его принципы сочинения «полонеза не для танца» легли в основу романтизации национальных танцевальных жанров.

Представитель старинного княжеского рода, Михал Клеофас Огинский (1765–1833) уже при жизни приобрёл широкую европейскую известность как композитор. Род Огинских был очень одарённым в музыкальном плане: значительное композиторское наследие оставил дальний родственник Михала Клеофаса, великий гетман Великого Княжества Литовского – Михал Казимир Огинский, который, в частности, усовершенствовал арфу и написал статью об этом инструменте для «Энциклопедии» Дидро. В резиденции великого гетмана в белорусском городе Слониме, куда часто приезжал молодой Огинский, был театр с оперной, балетной и драматической труппами, оркестр, ставились польские, итальянские, французские и немецкие оперы. Также сочинительством музыки занимались сын Михала Клеофаса Франтишек Ксаверий и дочь Амелия, внуки и правнуки князя.

На наш взгляд, Михал Клеофас Огинский был не только блестящим композитором, но и подлинным патриотом своего Отечества. В мемуарах он отмечал: «Происходя из литвинского рода, я родился за семь миль от Варшавы… Гордые своим происхождением, литвины, хотя и соединили свои провинции с Польшей, но сохранили свои обычаи, свой общественный кодекс, свои учреждения, и до последнего раздела Речи Посполитой сеймы проходили по очереди в Варшаве и Гродно, было войско польское и

литвинское… Литвины, сохраняя свой Статут, сохранили право своих отцов, право обычаев и морали народа» [1, с. 90].

Несмотря на то, что Михал Клеофас Огинский родился в Польше, весьма значительный отрезок своей жизни он провел в белорусской деревне Залесье, которая стала культурно-просветительским центром края. Именно здесь на свет появились сын и три дочери М. Огинского. Постоянно в усадьбе проводились художественные выставки, литературные чтения, музыкальные вечера. Погостить сюда часто приезжали профессора Виленского университета, почётным членом которого М. Огинский являлся благодаря своей активной меценатской деятельности. Содействовало постоянному наплыву гостей и удачное расположение имения рядом с почтовыми дорогами Петербург-Варшава и Вильно – Минск. Многие известные отечественные и зарубежные политические и культурные деятели останавливались тут отдохнуть на несколько дней и даже недель. Местное общество с гордостью называло усадьбу Огинских «Северными Афинами» [2, с. 78].

Данный период творчества самого М. Огинского чрезвычайно богат и разнообразен. Кроме знаменитого полонеза «Прощание с Родиной», премьера которого как раз тут и состоялась, в это время были созданы различные фортепианные пьесы, мазурки, марши, менуэты, романсы и вальсы, изданные в двух томах в Вильно в 1816 году. Именно в Залесье М. Огинский написал своё самое крупное музыкальное произведение – оперу «Зелида и Валькур, или Бонапарт в Каире». Кроме этого в имении был подготовлен исторический трактат «Письма о музыке» и начаты мемуары, охватывающие период с 1788 по 1815 годы. «Все, что я имею, — отмечал композитор в своих «Письмах о музыке», — это хорошее ухо, глубокое чувство гармонии и вкус, которые я воспитал в себе, слушая и часто занимаясь хорошей музыкой. Если мне удалось несколько раз сочинить какие-то мелочи, отмеченные похвалами любителей музыки и знаменитыми артистами, если они пару раз взволновали чувствительное сердце… — я не могу это приписать ни выдающимся способностям, которых я никогда не имел, ни глубокому знанию музыки» [3].

В своем творчестве М. Огинский ориентировался на широко распространенные в Европе того времени французскую и итальянскую музыкальные традиции. При этом музыкальный язык его вокальных произведений объединил черты западноевропейской оперной лексики с характерной белорусской напевностью [4, с. 50]. Однако М. Огинский не только находился под воздействием общеевропейской музыкальной культуры, но и сам оказал на нее существенное влияние. В частности, в ряде произведений таких композиторов, как Габриэль Грубер, Роберт Шуман, Ференц Лист, Фредерик Шопен, Михаил Глинка, Петр Чайковский, отчетливо прослеживается связь с творчеством Михала Клеофаса Огинского, которая в некоторых случаях принимает форму явных цитат.

В 1822 году М. Огинский был вынужден переехать в Италию. Итогом этого стал постепенный упадок имения в Залесье, которое надолго утратило своё культурно-просветительское значение. Только лишь в 2000 году усадьба в Залесье стала филиалом Государственного музея истории театральной и музыкальной культуры Республики Беларусь. Теперь здесь нередко можно услышать чарующие звуки произведений Михала Клеофаса Огинского, которому небезосновательно приписывается авторство марша Домбровского, более известного под названием «Jeszcze Polska nie zginęła» и ставшего впоследствии польским национальным гимном. А около двух десятков известных сегодня романсов незаурядного борца и творца, «гордого своим происхождением литвина», заключают в себе дух и атмосферу целой эпохи.

Станислав Монюшко – родоначальник славянской оперной школы

На белорусской земле, в поместье Убель (Червенский район), родился и вырос также и основоположник славянской оперной школы Станислав Монюшко (1819–1872). Начальное музыкальное образование Станислав получил под руководством матери, которая хорошо пела, играла на фортепиано и была ученицей известного минского музыканта и композитора Петра Карафа-Корбута, игравшего на 24 инструментах. Белорусские песни сопровождали С. Монюшко с детства. Настоящими праздниками для него в юные годы были сельские вечеринки, особенно певческие соревнования хоров сельской молодежи, которые проводились в Смиловичах, в усадьбе дяди С. Монюшко – Юзефа [5, с. 29]. В годы учёбы в Минской городской мужской гимназии он начал параллельно заниматься музыкой под руководством Доминика Стефановича – дирижёра Минского городского симфонического оркестра. Именно под его влиянием Станислав окончательно решил избрать музыку своей профессией.

При создании романсов, используя польскоязычные версии белорусских песен, записанных этнографом Яном Чечотом в белорусской крестьянской среде, С. Монюшко перевел их из фольклорного вида в академический. Сочинив более трехсот песен на белорусские темы, С. Монюшко фактически изменил бытовой и концертный музыкальный фон Польши, который до того времени был ориентирован преимущественно на итальянские, французские и немецкие музыкальные произведения. Вопреки бытовавшей в Польше моде композитор нередко использовал в своем творчестве характерные приемы белорусского народного музицирования. В частности, он нарушал правила польского языка, сознательно допуская несовпадение сильной доли в стихах и музыке, что является достаточно распространенным явлением в белорусском фольклоре.

Первые водевили, музыкальные комедии и комические оперы Монюшко также тематически связаны с Беларусью («Конторские служащие», «Лотерея», «Рекрутский набор» и др.). Одно из наиболее ярких достижений в творчестве С. Монюшко – опера «Галька», сюжет которой повествует о молодой крестьянской девушке, обманутой знатным барином. Искренность и теплота музыки, мелодическое богатство сделали эту оперу популярной и любимой в среде польской и белорусской шляхты того времени. «Галька» была поставлена в Вильно в 1848 г. Ее успех сразу принес известность автору, однако только спустя 10 лет опера в новой, значительно усовершенствованной редакции была поставлена в Варшаве.

В 1852 году С. Монюшко вместе с В. Дуниным-Марцинкевичем и К. Кржижановским осуществил постановку «Селянки» – оперы, которой отводится особое место в развитии белорусского музыкального искусства, ведь это первое произведение в истории данного жанра, в котором со сцены зазвучала белорусская речь. Поставленная в Минске опера с успехом шла на белорусском и польском языках также и в Бобруйске, Слуцке, Несвиже, Глуске.

С нашей точки зрения, центральное место среди опер, написанных С. Монюшко в Варшаве, занимает «Страшный двор» («Зачарованный замок») (1865). Этот своего художественный манифест, написанный в ответ на подавление восстания К. Калиновского и запрещенный царскими властями Российской империи, заключал в себе не только белорусские народные мотивы, но и новую трактовку предания о старинных курантах замка, которую С. Монюшко слышал у родственников в Смиловичах.

В целом композитором создано большое количество произведений, своей тематикой и проблематикой связанных с белорусским краем и культурой. Историю музыкального театра Беларуси, историю белорусского камерного, симфонического и религиозного пластов музыки невозможно сегодня представить без личности этого талантливейшего музыкального деятеля. Известный белорусский фольклорист Григорий Ширма отмечал, что в музыке С. Монюшко «…такое богатство песенных и танцеваль-

ных народных интонаций, что порой складывается впечатление, будто ты где-то под Слуцком или Минском присутствуешь на народном празднике» [6], а современный белорусский оперный певец Виктор Скоробогатов неоднократно называл композитора классиком белорусской музыки романтического периода.

Значение композиторского творчества для развития музыкальной культуры Беларуси

Довольно интенсивная музыкальная жизнь в Беларуси содействовала тому, что музыкальное творчество постепенно, но уверенно стало вставать на путь высокого профессионализма, в котором национальные черты переплетались с интернациональными. Позднее, в период конца XIX – начала XX вв., на развитие музыкальной жизни Беларуси огромное влияние оказала также деятельность композиторов Флориана Миладовского (1819–1889), Михаила Ельского (1831–1904), Константина Горского (1859–1924), Мечислава Карловича (1876–1911), Людомира Роговского (1881–1954), Симона Рак-Михайловского (1885–1938), которые, продолжая традиции творчества М. Огинского и С. Монюшко, активно внедряли в свои произведения белорусские народные мелодии, тем самым содействуя популяризации местного мелоса на уровне общеевропейской музыкальной культуры. В частности, одна из сюит для симфонического оркестра Л. Роговского почти целиком была построена на белорусском материале, включая написанный им в 1910 г. гимн на стих классика отечественной литературы Я. Купалы «А хто там ідзе?» [7, с. 173].

Несмотря на усиленное противодействие царских властей Российской империи развитию на наших землях национальной культуры, прогрессивные представители польской творческой интеллигенции продолжали оказывать всестороннюю поддержку своим белорусским коллегам, что было крайне важно, поскольку установление тесных контактов с западноевропейскими творческими кругами помогло отечественным композиторам заложить достойную основу для будущего развития музыкальной культуры Беларуси.

Заключение

На основе проделанного нами анализа можно сделать следующие выводы. Прежде всего, следует отметить, что белорусская музыкальная культура находится в контексте общеевропейских культурных процессов [8, с. 108]. Ввиду этого мы полагаем, что ее длительная относительная изолированность от соседа западного и подчиненное положение по отношению к соседу восточному, не может быть признано эффективной моделью межкультурного взаимодействия. Кроме того, в рамках исследования данной проблемы мы считаем необходимым подчеркнуть мысль о том, что именно музыкальное творчество порой более точно, нежели язык и антропологические характеристики, отображает степень близости и родства народов и закладывает основу для становления единого культурного пространства.

В целом в последние годы в Беларуси заметно вырос интерес к творчеству М. Огинского и С. Монюшко, творческое наследие которых ранее считалось атрибутом исключительно польской культуры. Проведенный нами сравнительный анализ различных сфер музыкальной жизни в ее историческом развитии и рассмотрение жизнедеятельности персоналий знаменитых композиторов в данном культурном пространстве, позволяет утверждать, что творческие достижения этих и многих других известных композиторов в равной степени принадлежит как полякам, так и белорусам.

Таким образом, исторический и социокультурный аспекты проблемы указывают на то, что музыкальные связи Польши и Беларуси многоуровневые и разнообразные. Но вместе с тем современная отечественная музыка недостаточно хорошо известна за

пределами своей страны, равно как и польская музыка в нашей республике. В связи с этим мы считаем, что в данном направлении нужно проделать еще много работы для того, чтобы музыкальное творчество стало полноправным средством межкультурного диалога и эффективной формой сближения между нашими народами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дадзіёмава, В.У. Міхал Клеафас Агінскі / В.У. Дадзіёмава // Нарысы гісторыі музычнай культуры Беларусі / В.У. Дадзіёмава. – Мінск, 2001. С. 88–103.
2. Залуский, А. Время и музыка Михала Клеофаса Огинского / Анджей Залуский. – Минск : Четыре четверти, 1999. – 191 с.
3. Таупекка, Х. Об аллегориях и прощании с родиной / Х. Таупекка // Информационный бум [Электронный ресурс] – 2008. – Режим доступа : http://ezhe.ru/ib/issue891.html. - Дата доступа: 18.11.2009.
4. Сасноўскі, З. Гісторыя беларускіх музычных уплываў / З. Сасноўскі. – Мінск : Медысонт, 2009. – 139 с.
5. Рудзинский, В. Монюшко./ В. Рудзинский; под ред. О. Левтоновой, – М. : Гос. муз. изд-во, 1960. – 284 с.
6. Сімакович, Л. Новае неба Станіслава Манюшкі / Л. Сімаковіч // Падзеі класічнай музыкі [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа: http://www.parter.by/archive.php?data=2008-02. – Дата доступа: 20.09.2009.
7. Лыч, Л. Гісторыя культуры Беларусі / Л. Лыч, У. Навіцкі. – Мінск : НКФ «Экаперпектыва», 1996. – С. 453.
8. Шумская, И.М. Музыкальное творчество как социокультурное явление : монография / И.М. Шумская. – Минск : Изд-во БНТУ, 2006. – 120 с.

***Shumskaya I.M.* A role of creative legacy of M. Oginsky and S. Moniushko in the cultural space of Poland and Belarus**

The article «A role of creative legacy of M. Oginsky and S. Moniushko in the cultural space of Poland and Belarus» by I.M. Shumskaya is devoted to the specifics of musical culture development in the Belarusian and Polish lands during XVIII - XIX centuries. The author notes that features of musical creativity in this cultural area in that time were based on the trend of neo-romanticism. Except it, the source of Oginsky's and Moniushko's melodies and rhythmic patterns often lies in Belarusian musical folklore. And now Michal Kleofas Oginsky and Stanislav Moniushko are being recognized as important figures of not only Polish, but also Belarusian culture.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 12.01.10

УДК 314.151.5 (476)

А.А. Носова

ОРГАНИЗАЦИЯ РЕПАТРИАЦИИ И СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ-СИРОТ В БССР

В статье рассматривается деятельность органов власти БССР по послевоенной репатриации детей. Автором анализируются основные нормативные документы, определявшие и регулировавшие механизм их перевозки в БССР и распределения по учреждениям республики. Исследуются вопросы медицинского обслуживания, организации питания на сборно-пересыльных, приемно-распределительных пунктах. Приводятся данные об их устройстве в дома младенцев, детдома, передаче подростков в распоряжение Управления трудовых резервов, направлении в школы фабрично-заводского обучения, ремесленные училища и их трудоустройстве. Также освещаются условия проживания детей-сирот в детдомах ряда областей БССР. Рассматриваются вопросы удочерения либо усыновления, оформления на опекунство, патронат возвращенных на родину сирот. Приводятся статистические сведения о количестве репатриированных детей, а также по их дальнейшему распределению.

Введение

Вопрос репатриации советских детей из-за границы не стал предметом специального исследования. В российской и белорусской историографии эта тема затрагивается в статьях, раскрывающих проблемы послевоенного возвращения граждан СССР при анализе документов, определявших механизм репатриации отдельных групп советских граждан [1]. Некоторые статистические данные по данной теме содержатся в книге «Белорусские остарбайтеры» [2]. Исторические же исследования по проблеме устройства детей-сирот обращены главным образом в дореволюционное прошлое и лишь бегло затрагивают советский период. Интересные данные в этой связи представлены в статье российского историка М.Р. Зезиной, которая анализирует причины детской беспризорности в РСФСР в 1945–1955 годы, передачу детей в приемные семьи, условия их проживания в детдомах республики [3]. В целом историография не располагает специальными работами о деятельности советских военных, государственных и партийных органов по организации репатриации детей, их приема, последующего устройства.

Цель статьи: рассмотреть процесс послевоенной репатриации детей, осветить работу органов власти БССР по организации их приема, устройства в специальные детские учреждения республики, условия их проживания, определение дальнейшей судьбы, а также направление подростков на обучение в школы фабрично-заводского обучения (ФЗО).

К концу 1945 года 630 тысяч советских детей, из которых более 22 тысяч были сиротами, находились за пределами СССР [4, с. 76]. В отчете отдела по делам переселения и репатриации Совета Министров БССР за 1946 год имелись сведения о том, что из республики было угнано 33 244 ребенка [5, л. 117]. Многие оказались вывезенными в результате карательных операций, облав, которые устраивали на оккупированной территории Беларуси немецкие войска. Были угнаны на работу в Германию и другие страны тысячи воспитанников детдомов БССР. Многие подростки оказались за границей и в результате многочисленных вербовочных кампаний. Кроме того, дети рождались в лагерях, в немецком плену.

Научный руководитель – Э.С. Ярмусик, кандидат исторических наук, доцент, декан факультета истории и социологии Гродненского государственного университета имени Я. Купалы

Следует также отметить тот факт, что за годы Великой Отечественной войны в БССР по неполным данным было расстреляно и сожжено заживо 150 886 детей начиная с грудных и до 16-летнего возраста [6, с. 14]. Репатриация детей, таким образом, имела большое значение для будущего страны в целом, её демографического, социального, экономического благосостояния. Особого внимания требовали дети без родителей, оказавшиеся за пределами Родины, и те, кто остался на территории БССР.

Государство начало решение этой проблемы ещё в годы войны. В соответствии с Постановлением СНК БССР и ЦК КП(б)Б от 12 октября 1943 года «Об устройстве детей, оставшихся без родителей» исполком Белостокского областного Совета депутатов трудящихся принял решение «Об открытии детских приемников-распределителей НКВД в г. Гродно и г. Волковыске» [7, с. 76]. Приемник в Гродно был рассчитан на 50, в Волковыске – на 30 человек. Открытие их было назначено на 5 сентября 1944 г. Полоцкий областной детский приемник-распределитель мог одновременно принять 40 детей [8, с. 96]. Подобные приемники были созданы во всех областях республики. С началом репатриации детей-сирот из приемно-фильтрационных пунктов (ПФП) также начали направлять в детраспределители [9, л. 6].

Органы репатриации занимались поиском белорусских детей, вывезенных из республики в годы оккупации, их родственников, людей, потерявших друг друга, способствовали соединению семей. На имя заведующего Волковысским ПФП НКВД поступали письма от матерей с просьбой найти своих детей: «…Прошу Вас удовлетворить мою просьбу, состоящую в следующем: 13 июня 1944 г. немцы перед бегством угнали моего малолетнего сына 1931 г. рожд. Владимира (Вова) Филипповича Лукьянова. Отец его Филипп Артемович 1897 г. убит в бою с немцами. Брат Николай Филиппович 1924 г. ранен и лежит в госпитале в городе Чкалов. Осталась одна я, его мать Анна Петровна Лукьянова, изнывающая от тоски. Наведите справки среди живых и убитых о сыне Вове» [9, л. 17]. Женщина оставила свой адрес. На письме стояла пометка, что ответ на него был дан 8/XII-44 г. Но, к сожалению, сам текст ответа не сохранился.

За весь период работы ПФП БССР с 12 сентября 1944 года по 20 января 1946 года (по Волковысскому ПФП имеются данные за период с 12.09.44 г. по 31.12.45 г., когда он был закрыт; по Брестскому − с 1.12.45 г. по 20.01.46 г.) через пункты прошли 95 547 советских детей [10, л. 68].

7 февраля 1945 года на пункты скопления репатриантов была разослана инструкция санитарного отдела Управления Уполномоченного СНК СССР о порядке репатриации детей, потерявших родителей, и сирот. Инструкция предусматривала размещение их отдельно от взрослого населения группами по 20–25 человек в помещениях, отвечающих санитарно-гигиеническим нормам. Медработники проводили тщательный осмотр каждого ребенка. Инфекционных больных и нуждающихся в лечении госпитализировали или временно изолировали в боксах. Проводилась санитарная обработка всех детей. Для сопровождения группы детей в возрасте до 5 лет выделялась 1 медсестра и 4 няни. Для детей от 5 до 14 лет − 1 воспитательница и 2 няни [11, л. 167].

Управление Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации заблаговременно ставило в известность Наркомздрав СССР и Наркомпросы союзных республик о каждом предстоящем направлении в их распоряжение эшелона с детьми-сиротами из фронтовых или других сборных пунктов, чтобы государственные органы могли подготовиться к их приезду. Прием и распределение прибывших со сборных пунктов сирот проводились органами Наркомздрава (детей до 4-х лет) и органами Наркомпроса (детей от 4-х до 14 лет). Дети старше 14 лет поступали в распоряжение Управления трудовыми резервами [11, лл. 166-167об].

Ответственными за обеспечение четкой организации репатриации детей-сирот из Германии и оккупированных ею стран являлись: за границей − представители Упол-

номоченного СНК СССР по делам репатриации; на сборных пунктах, расположенных в полосе фронтов и в пути следования до мест вселения − начальники отделов по репатриации граждан СССР при Военных Советах фронтов; в местах вселения – Наркомздравы и Наркомпросы союзных республик и представители Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации при СНК союзных республик [11, лл. 167 об].

Питание Следует отметить, что дети, репатриированные из неволи, требовали много внимания и особого питания. При этом в отчете о работе приемно-распределительных пунктов БССР за 1945 год сообщается, что специального детского питания на пунктах не было [10, л. 58].

На сборно-пересыльних пунктах Брестской области были организованы специальные детские кухни, выделено по 10 дойных коров, что вполне обеспечивало детей молочными продуктами [12, с. 428]. В Гродненской области для питания детей всем пунктам было передано 200 коров. При этом детей продолжали кормить одинаковой пищей со взрослыми [12, с. 402].

Медицинское обслуживание В докладной записке председателя Брестского облисполкома Сикорского С.И. Председателю СНК БССР Пономаренко П.К. «По вопросам репатриации советских граждан по Брестской области» от 27 октября 1945 года сообщалось, что на 315-м СПП, и особенно на 317-м, не было регулярного осмотра детей, наблюдение за новорожденными не велось, не был организован уход за младенцами. На других СПП области была аналогичная ситуация. К примеру, 23 сентября 1945 года на территории пункта № 310 были обнаружены два трупа детей грудного возраста. По недосмотру медперсонала сборно-пересыльного пункта № 310 были отправлены на родину 10 женщин на девятом месяце беременности, которые рожали в пути в поезде. Только в одном эшелоне было 6 таких случаев [12, с. 429, 430].

Осенью 1945 года в Гродненской области была проведена проверка, которая показала, что в сборно-пересыльних пунктах было много детей в возрасте до 5 лет. У части из них была дизентерия, тиф, корь и другие заболевания. Высокой была детская смертность (5 случаев в 309 лагере Волковыска за один месяц) [12, с. 402]. За 1945 год только на всех 12 ПРП республики умерли 11 детей в возрасте до 4-х лет и 8 детей от 4 до 15 лет [10, л. 55].

Следует отметить, что негативными факторами также были общее физическое и психологическое истощение репатриированных детей, плохие бытовые условия в пути следования из-за границы и на пунктах БССР, отсутствие нормального, сбалансированного питания, подходящей одежды и др.

Направление репатриированных сирот в детдома БССР. Большинство детей-сирот и детей, временно утерявших родителей, согласно инструкции санитарного отдела Управления Уполномоченного СНК СССР по репатриации из Германии и оккупированных ею стран, размещали в детдомах тех областей, где они проживали до угона. Братьев и сестер независимо от возраста определяли в одно учреждение, не разъединяя их [11, л. 167 об]. В соответствии с «Планом устройства детей-сирот, прибывающих в порядке репатриации на территорию БССР» от 1 августа 1945 года репатриированных сирот планировалось разместить в детдомах Молодеченской, Барановичской, Брестской, Гродненской, Пинской и Минской областей [8, с. 246].

В статье «Пять тысяч белорусских детей возвращаются из немецкой неволи», опубликованной 26 мая 1945 года в «Советской Белоруссии» сообщалось, что только за последний месяц из Германии было репатриировано более 200 белорусских детей, которые размещены в детдомах Брестской и Гродненской областей [8, с. 176, 177]. Всего же из репатриированных за 1945 год в БССР детей-сирот 13 были устроены в детских домах младенцев, 849 − в детдомах [10, л. 39].

В Молодеченской области в 1945 году репатриированные дети размещались в

12 детдомах. Большинство из них было расположено в сельской местности, за исключением двух (Ошмяны, Поставы), где детдома находились в городе. Здания детдомов в большинстве случаев требовали капитального ремонта (Вязынский, Куренецкий, Михайловский, Воложинский) [12, с. 397, 398].

В 1947 году в Гродненской области действовало 19 детдомов, рассчитанных на проживание в них 1 666 человек, но уже в мае в них находилось 1 827 детей [13, л. 35]. Областной отдел народного образования планировал открыть в IV квартале 1947 года ещё 2 детдома на 200 человек – в г. Лида и в Волковысском районе, но по вине местных властей они открыты не были.

Из 19 детдомов 3 были полностью не подготовлены к зиме. Помещения требовали капитального ремонта. Плохо был поставлен вопрос с обеспечением детдомов топливом. Ухудшалось снабжение продуктами питания. Торгующие организации несвоевременно выписывали наряды на продукты питания и выдавали их в меньших объемах, чем это было положено по нормам. Так, Гродненский детский дом № 3 за сентябрь 1947 года недополучил: жиров – 36,5 кг, яиц – 1605 шт., крупы – 100 кг, сыру – 6 кг, сухофруктов – 6 кг. Не хватало мебели, постельного белья, одежды для детей. На протяжении 5 месяцев детдома области не получали мыла [13, л. 36].

После репатриации большое количество детей-сирот забирали на воспитание их родственники, некоторых находили родители (существовало понятие «дети, временно утерявшие родителей»). В итоговом докладе «О состоянии приема и трудоустройства репатриированных советских граждан, прибывших из немецкой неволи в Гродненскую область за период 1945–1947 гг.» сообщалось, что, например, «из числа детей устроенных в детские дома, трое были разысканы отцом-инвалидом Отечественной войны». Детей отправили к отцу в Чкаловскую область. Их обеспечили новой одеждой, обувью, бельем по 2 смены, продовольствием на путь следования и деньгами [14, л. 36]. Всего же в БССР к 1 января 1947 года лишь 22 ребенка были найдены родителями [15, л. 8]. Из прошедших через СПП № 321 г. Гродно с 1 января по 28 ноября 1950 года 42 детей-сирот у 5 нашлись родители [12, с. 569].

Дети-сироты в приемных семьях. Существовали также различные формы передачи детей в приемные семьи: опека, попечительство, патронат, усыновление. Ребенку до 14 лет назначался опекун, подростку с 14 до 18 лет, когда он получал право самостоятельно распоряжаться заработком и вкладом в сберкассу, нести ответственность перед законом, – попечитель [3, с. 136].

Патронат, введенный в СССР в 1936 году, предусматривал заключение договора государственных органов попечительства с семьей о воспитании приемного ребенка и выплату семье пособия. Как ни мало было пособие, в условиях того времени оно служило известным стимулом для многих. Российский историк М.Р. Зезина считает, что существовало множество фактов, когда патронат оформлялся исключительно для получения дополнительного дохода. Дети при этом нередко оставались без надзора, обреченные на полуголодное существование, промышляли нищенством и мелким воровством. По этой причине практика патроната постепенно стала сворачиваться. Таким образом, опыт воспитания детей-сирот в приемных семьях на договорных условиях не прижился. Патронат был вытеснен опекунством и усыновлением, основанными на традиционных семейно-родственных отношениях приемных родителей и детей [3, с. 131].

Как правило, опекунами (попечителями) становились родственники ребенка, которыми двигали преимущественно чувства, а не материальный расчет. Пособие опекунам обычно не выплачивалось. Предполагалось, что средства на содержание ребенка давала пенсия или страховка после смерти родителей, личный заработок или стипендия, если подросток работал или учился [3, с. 131].

По данным облисполкомов, из 1 767 детей-сирот, репатриированных в БССР к

1 января 1946 года, на патронат и опеку были оформлены 241 человек [10, л. 39]. К 1 января 1947 года из 1 921 ребенка на 19 был оформлен патронат [15, л. 8]. Этим детям оказывалась материальная помощь через органы гособеспечения, а также единовременная денежная помощь Отдела СНК БССР по делам переселения и репатриации в размере 300 рублей на человека на общих основаниях. Только за 1945 год 15 детям-сиротам было выдано 4 500 рублей [10, л. 39].

Усыновлений сразу после войны было немного. Это можно объяснить тем, что многие дети не верили в гибель своих родителей и продолжали их ждать. Но всё-таки наблюдалась положительная динамика количества усыновленных. Если к 1 января 1946 года только 1 репатриированный ребенок был усыновлен, то к 1 января 1947 года – уже 41 [10, л. 39; 15, л. 8]. Дети старше 14 лет поступали также в распоряжение Управления трудовых резервов. К примеру, из репатриированных в БССР к 1 января 1947 года были туда переданы 26 детей-сирот [15, л. 8]. Их направляли на обучение в ремесленные училища, школы фабрично-заводского обучения либо трудоустраивали на предприятиях республики.

Направление репатриированных детей на обучение. Ремесленные, железнодорожные училища и школы ФЗО были созданы ещё в довоенный период на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 октября 1940 года «О государственных трудовых резервах СССР». Они вели организованную подготовку квалифицированных рабочих из числа городской и сельской молодежи для промышленности, строительства, транспорта и других отраслей народного хозяйства.

В «Докладной записке» в Совмин БССР от 2.03.1948 г. с пометкой «секретно» говорилось, что «первое время очень трудно было с устройством репатриантов в школах ФЗО, ремесленных училищах» [16, л. 1]. К примеру, в 1947 году необходимо было трудоустроить 290 воспитанников детдомов Гродненской области, из них 116 девочек. В ФЗО и ремесленные училища было определено только 12 человек [13, л. 36]. О наборе учащихся из детдомов с 1 декабря 1947 года сообщало только Гродненское специальное ремесленное училище. Другие учреждения и предприятия области отказались принимать детей-переростков из детдомов из-за отсутствия общежитий [13, л. 36].

В итоговом отчете отдела переселения и репатриации Витебского облисполкома о проделанной с 1945 по июль 1947 года работе говорилось, что за этот период в школы трудовых резервов направлено 20 репатриированных детей-сирот [12, с. 521].

Вопросами трудоустройства подростков занимались на областном уровне. Зачастую, чтобы устроить молодого человека, различные структуры вели достаточно длительную переписку и сталкивались с различными трудностями. К примеру, в СПП № 312 г. Гродно прибыл Мальчевский Эдуард Константинович, 1933 года рождения. Из документов у него было удостоверение ПФК МВД СССР и характеристика. Комендант СПП направил данные о нем заведующему отделом переселения и репатриации Гродненского облисполкома, который 23 февраля 1949 года переадресовал их начальнику управления трудовых резервов [17, л. 1, 2]. Мальчевский был направлен на работу на Гродненский суконный комбинат, но от неё отказался. 31 марта 1949 года данное дело вновь было адресовано начальнику управления трудовых резервов Гродненского облисполкома [17, л. 4, 6, 7]. В итоге Эдуард Мальчевский после получения паспорта был направлен в ФЗО в г. Ленинград [16, л. 27].

В школах ФЗО подростки находились на полном государственном обеспечении, при поступлении им выдавали одежду. По окончании все молодые рабочие получали паспорта и аттестаты, им присваивались разряды. За выполненные в процессе производственного обучения работы выплачивалась зарплата. Предприятия, на которые их направляли, брали на себя расходы по проезду к месту работы, обеспечивали общежитием и выдавали аванс [18, л. 14, 14об].

Заключение

Таким образом, советские органы власти уделяли достаточно много внимания вопросам репатриации детей-сирот. Вместе с тем по ряду объективных и субъективных причин существовали значительные сложности с организацией питания, медицинского обслуживания репатриированных детей. После возвращения на родину детей разыскивали родители либо забирали на воспитание их родственники. В ряде случаев оформлялась опека, попечительство, распространены были усыновление и удочерение.

Детей-сирот направляли в детдома тех областей, откуда они были угнаны в Германию. Условия проживания их были сложными: здания, как правило, требовали капитального ремонта, существовали проблемы с питанием и медицинским обслуживанием воспитанников. Кроме того, большинство детдомов были перегружены. Выпускники детдомов, а также репатриированные дети старше 14 лет поступали в распоряжение Управления трудовыми резервами, которое направляло их на обучение, трудоустраивало.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Земсков, В.Н. Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1944−1956) / В.Н. Земсков // Социологические исследования. – 1995. − № 5. − С. 3−13.

2. Белорусские остарбайтеры : ист.-аналит. исслед. / Г.Д. Кнатько [и др.] ; под ред. Г.Д. Кнатько. – Минск : НАРБ, 2001. – 336 с.

3. Зезина, М.Р. Социальная защита детей-сирот в послевоенные годы (1945−1955) / М.Р. Зезина // Вопросы истории. − 1999. − № 1. − С. 127−136.

4. Будко, А.А. Из истории военной медицины. Медицинское обслуживание военнопленных и интернированных граждан в конце Второй мировой войны / А.А. Будко, Г.А. Грибовская, К.А. Хороший // Военно-медицинский журнал. − 2002. − № 7. − С. 76−78.

5. Материалы о репатриации и переселении граждан (докладные записки, справки, списки) 29.01−19.12.1947 г. // Национальный архив Республики Беларусь. Фонд 7. − Оп. 3. − Д. 1930.

6. Шевяков, А.А. Жертвы среди мирного населения в годы Отечественной войны / А.А. Шевяков // Социологические исследования. – 1992. − № 11. − С. 3−17.

7. Гродненская область в документах и материалах (1944–1995) / сост. Л.И. Юнина [и др.]. − Слоним : ГОУПП «Слоним. Тип.», 2004. – 432 с.

8. Белорусские остарбайтеры : документы и материалы : в 3 кн. / сост. : Г.Д. Кнатько [и др.] − Минск : НАРБ, 1998. − Кн. 3, ч. 1 : Репатриация (1944−1951). − 368 с.

9. Документы о направлении детей-сирот, поступающих на ПФП г. Волковыска январь 1945 г. // Государственный архив Гродненской области. Фонд 375. − Оп. 1. − Д. 32.

10. Отчет о работе отдела репатриации за 1945 г., донесения о количестве граждан, возвратившихся на родину и статистические сведения о количестве граждан, насильственно угнанных в Германию. // Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 787. − Оп. 1. − Д. 20.

11. Государственный архив Гродненской области. – Фонд 1171. − Оп. 1а. − Д. 13. Постановления Совета Народных Комиссаров БССР и ЦК КП(б)Б Белоруссии 6.01.45–18.04.45 гг.

12. Белорусские остарбайтеры : документы и материалы : в 3 кн. / сост. : Г.Д. Кнатько [и др.] − Минск : НАРБ, 1998. − Кн. 3, ч. 2 : Репатриация. (1944−1951). − 310 с.

13. Справка о состоянии естественного движения населения, о работе по учету и устройству детей-сирот, о наличии автопарка Гродненской области и др. 3.01−24.12.1947 г. //

Государственный архив Гродненской области. Фонд 1171. – Оп. 1. – Д. 58.

14. Переписка по вопросам переселения и репатриации советских граждан 16.01–22.10.1947 г. // Государственный архив Гродненской области. – Фонд 1171. – Оп. 1. – Д. 59.

15. Отчетные доклады о репатриации 3.01–17.08.47 г. // Национальный архив Республики Беларусь. Фонд 787. – Оп. 1. – Д. 36.

16. Отчеты о трудовом и бытовом устройстве репатриированных граждан, прибывших в Гродненскую область 2.03.1948–18.08.1949 гг. // Государственный архив Гродненской области. Фонд 1171. – Оп. 1а. – Д. 72.

17. Списки и сведения о репатриированных советских гражданах, прибывших в БССР 23.02.1949–1.12.1950 гг. // Государственный архив Гродненской области. – Фонд 1214. – Оп. 2. – Д. 26.

18. Протоколы заседаний экзаменационной комиссии по аттестации учащихся, окончивших школу ФЗО № 44 г. Гродно. и документы о направлении на работу молодых рабочих (акты, списки, х-ки и т.д.) 17.04–20.06.1949 г. // Государственный архив Гродненской области. Фонд 945. – Оп. 2. – Д. 40.

Перечень принятых обозначений и сокращений

БССР –	Белорусская Советская Социалистическая Республика
МВД –	Министерство внутренних дел
НКВД –	Народный комиссариат Внутренних дел
ПФК –	проверочно-фильтрационная комиссия
ПФП –	проверочно-фильтрационный пункт
РУ –	ремесленное училище
СМ –	Совет министров
СНК –	Совет народных комиссаров
СССР –	Союз Советских Социалистических Республик
ФЗО –	фабрично-заводское обучение
ЦК КП(б)Б –	Центральный Комитет Коммунистической партии большевиков Беларуси

Nosova A.A. **The organization of the repatriation and social security of orphans in BSSR**

The article « is to consider the problem of the repatriation of orphans. The author analyzes the basic normative documents, which defined and adjusted the mechanism of their transportation to BSSR and distribution on establishments of the republic. Data about their device in houses of babies, children's homes, a direction to schools of factory training are cited. Conditions of residing of orphans in children's homes of BSSR are illustrated. Questions of adoption, guardianship, patronage of the orphans are considered. Statistical data on quantity of the repatriated children and on their further distribution are resulted.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 02.12.09

УДК 930. 1 (09) (БЕИ)

А.А. Савіч

НАЦЫЯНАЛЬНА-ВЫЗВАЛЕНЧЫ РУХ У ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ 1921–1939 гг. У БЕЛАРУСКАЙ САВЕЦКАЙ ГІСТАРЫЯГРАФІІ 1920-х – ПЕРШАЙ ПАЛОВЫ 1950-х ГАДОЎ

У артыкуле на падставе шырокага кола гістарыяграфічных крыніц даследуецца працэс вывучэння пытанняў нацыянальна-вызваленчага руху ў Заходняй Беларусі 1921–1939 гг. у 1920-х – першай палове 1950-х гадоў. У гэты перыяд, асабліва ў 1920–1930-я гады, гістарыяграфія праблемы, акрамя навуковых задач, актыўна вырашала ідэалагічныя патрэбы бальшавіцкага кіраўніцтва, паступова падпарадкоўвалася партыйна-дзяржаўнаму апарату. Таму асвятленне пытанняў нацыянальна-вызваленчага руху мела відавочна тэндэнцыйны і схематычны характар, залежала ад змен грамадска-палітычнай сітуацыі ў БССР, звязаных з асаблівасцямі развіцця нацыянальна-вызваленчага руху, адносін да заходнебеларускай праблемы з боку савецкага кіраўніцтва, палітычных рэпрэсій у БССР у дачыненні да гісторыкаў і былых удзельнікаў беларускага нацыянальна-вызваленчага руху ў Заходняй Беларусі.

Уводзіны

Вядома, што пасля польска-савецкай вайны Савецкая Расія вымушана была пайсці на падпісанне Рыжскага мірнага дагавора, згодна з якім заходняя частка Беларусі адышла да Польшчы. Рыжскі мір быў рэзка адмоўна ўспрыняты беларускім народам, прадстаўнікамі беларускіх палітычных партый, якія заяўлялі пра свае рашучыя намеры змагацца за яго адмену як несправядлівага, заключанага без удзелу беларусаў. Першая Усебеларуская канферэнцыя (1921 г., Прага) прыняла рэзалюцыю «Аб Рыжскім трактаце». У ёй гаварылася, што беларускі народ вёў, вядзе і будзе весці змаганне за незалежнасць і непадзельнаць Беларусі. Усе актыўныя беларускія сілы заклікаліся да рашучай рэвалюцыйнай барацьбы супраць падзелу Беларусі, ворагам беларускага народа лічыўся кожны, хто згодзіцца прызнаць Рыжскі трактат. Яго не прызнала і Другая Усебеларуская канферэнцыя, якая адбылася ў кастрычніку 1925 г. у Берліне [31, с. 144–145]. Вядома, што беларускія дзеячы, арыентаваныя на незалежнасць і тэрытарыяльную цэласнасць Беларусі, рыхтавалі і праводзілі значныя кампаніі палітычнага і нават ваеннага характару, гераічнай старонкай якіх з’яўляецца так званая заходнебеларуская партызанка.

Савецкае кіраўніцтва таксама не магло пагадзіцца з вынікамі польска-савецкай вайны і разглядала знаходжанне заходняй часткі Беларусі ў складзе Польшчы як часовае становішча. Напрыклад, кіраўнік савецкай дзяржавы У.І. Ленін яшчэ ў красавіку 1920 г. перспектывы ўз’яднання беларускага народа бачыў у развіцці рэвалюцыйнага руху ў самой Польшчы. «Вырашэнне пытання аб Беларусі, – пісаў ён, – мы прадугледжваем не сілай зброі, а выключна толькі шляхам развіцця барацьбы ўнутры Польшчы» (Ленин В.И. Речь на съезде рабочих и служащих кожевенного производства // Полн. собр. соч. – Т. 41. – С. 319). Такім чынам, вырашэнне лёсу Заходняй Беларусі звязвалася з развіццём класавай, рэвалюцыйнай нацыянальна-вызваленчай барацьбы – здзяйсненне на практыцы ідэі сусветнай рэвалюцыі.

Ідучы па шляху рэалізацыі гэтых планаў, савецкае кіраўніцтва актыўна праводзіла працу па інспірацыі і падтрымцы антыпольскіх настрояў у Заходняй Беларусі. Найбольш яркім прыкладам праяўлення такіх захадаў была арганізацыя партызанскіх груп на тэрыторыі БССР з наступнай перасылкай іх на Заходнюю

Беларусь, дзе ўзгаданыя партызанскія фарміраванні абрасталі мясцовым насельніцтвам і дастаўлялі шмат клопату польскім уладам.

Гістарыяграфія беларускага нацыянальна-вызваленчага руху ў Польшчы 1921–1939 гг.: станаўленне і развіццё ў 1920-х – першай палове 1950-х гадоў

Для забеспячэння максімальнага поспеху прадпрымаемых з боку кіраўніцтва СССР і БССР захадаў па развіццю масавага антыпольскага, антыакупацыйнага руху ў Заходняй Беларусі ўзнікала неабходнасць ідэалагічнай падтрымкі ўзгаданых мерапрыемстваў. Найважнейшымі ў гэтым сэнсе былі дзеянні па выкрыванню ў перыядычным друку рознага кшталту мерапрыемстваў польскіх уладаў у Заходняй Беларусі, тым больш што палітыка Польшчы ў дачыненні да беларусаў на «крэсах» была ў канчатковым выніку скіравана на іх паланізацыю.

Таму ўжо ў пачатку 1920-х гадоў у перыядычным друку БССР з’явіліся артыкулы, прысвечаныя заходнебеларускай праблематыцы [5]. Аўтары ўзгаданых прац у сваіх публікацыях уздымалі пытанні знаходжання Заходняй Беларусі ў складзе Польшчы, давалі ацэнку эканамічнаму і палітычнаму становішчу, якое складвалася ў той час на «крэсах», разглядалі актуальныя пытанні рэвалюцыйнай барацьбы, задачы, тактыку і лозунгі кампартыі. Акрамя таго, што ўзгаданыя публікацыі разам з рэзалюцыямі партыйных з’ездаў, канферэнцый і пленумаў ЦК Кампартыі Польшчы (КПП) і Кампартыі Заходняй Беларусі (КПЗБ) з’яўляліся кіраўніцтвам да дзеяння камуністаў, першым марксісцкім асвятленнем тагачаснай гісторыі Польшчы і Заходняй Беларусі, яны вырашалі і чыста ідэалагічныя задачы. Сутнасць гэтых задач была ў тым, каб давесці да ведама шырокай грамадскасці інфармацыю пра тэрор і гвалт польскіх уладаў у дачыненні да мясцовага беларускага жыхарства, а зыходзячы з гэтага, даказаць справядлівасць і неабходнасць разгортвання рэвалюцыйнай барацьбы ў Заходняй Беларусі за сацыяльнае і нацыянальнае вызваленне і ўз’яднанне з БССР. Такім чынам, публікацыі ў перыядычным друку павінны былі садзейнічаць уздыму рэвалюцыйнага руху ў краі, аказаць маральна-палітычную падтрымку яго ўдзельнікам у змаганні з польскім рэжымам.

Але пасля таго, як партызанскі рух у Заходняй Беларусі паступова пайшоў на спад і да канца 1925 года быў згорнуты, спадзяванні на вырашэнне заходнебеларускай праблемы з дапамогай збройнай сілы не апраўдалі сябе. У гэтых умовах узгаданая вышэй публіцыстычная праца не магла задаволіць савецкае кіраўніцтва, якое вельмі ўважліва сачыла за становішчам у Заходняй Беларусі. Выразна выявілася неабходнасць стварэння ўстаноў, якія б на навуковым узроўні вывучалі і аналізавалі сітуацыю ў Заходняй Беларусі, выказваючы свае навукова абгрунтаваныя думкі. Такімі навуковымі і выдавецкімі цэнтрамі ў 20-30-я гады XX стагоддзя былі Камісія па вывучэнню Заходняй Беларусі, заходні сектар Інстытута гісторыі партыі пры ЦК КП(б)Б, Інстытут польскай пралетарскай культуры [1; 2; 8]. Гэтыя ўстановы праводзілі значную працу па вывучэнню і асвятленню ў друку пытанняў гісторыі Заходняй Беларусі. Аднак іх дзейнасць была таксама карысна ДПУ-НКУС і яе рэзідэнцыям, што дзейнічалі ў Заходняй Беларусі, аб чым справядліва сказаў В. Астрога. «Патрэбная інфармацыя, якая паступала ў аддзел вайсковай выведкі Дзяржпалітупраўленьня, павінна была дапамагчы зарыентавацца ў грамадзкім ды палітычным жыцьці суседняе краіны, дасканала ведаць заходнебеларускую спэцыфіку. Бо тое, пра што хлусілі маскоўскія ды менскія газэты пра быццам бы надыходзячую ў Польшчы пралетарскую рэвалюцыю, зусім не адпавядала рэчаіснасьці. Каб весьці эфэктыўную шпіёнскую ды падрыўную дзейнасьць на «крэсах», неабходна была дакладная аналітычная інфармацыя» [2, с. 164]. Пра палітычную абумоўленасць дзейнасці КЗБ гаворыць і І.І. Шаўчук, які наступным чынам вызначыў яе задачы: «Даследаваць эканамічную і сацыяльную

структуру Заходняй Беларусі, палітычнае жыццё, гэта значыць праграмы, тактыкі, уплывы, структуры варожых партый, дзейнасць рэвалюцыйных арганізацый і ў першую чаргу КПП і КПЗБ; вывучаць Заходнюю Беларусь як плацдарм вайны, якая рыхтуецца польскім імперыялізмам і беларускім нацыянал-фашызмам супраць СССР; весці масавую прапагандысцкую працу. Асаблівае месца займала сувязь камісіі з цэнтрамі беларускай рабочай эміграцыі ў Еўропе і Амерыцы» [45, с. 46–47].

Падзеі нацыянальна-вызваленчага руху ў Заходняй Беларусі атрымалі ў 1920–1930-я гады адлюстраванне ў шматлікіх перыядычных выданнях КПП, КПЗБ, Беларускай сялянска-работніцкай грамады (БСРГ), арганізацыі «Змаганне» і Таварыства беларускай школы (ТБШ), а таксама Міжнароднай арганізацыі дапамогі рэвалюцыянерам (МОПР) Заходняй Беларусі [15; 23]. Значную працу па асвятленню ў прапагандысцка-агітацыйным рэчышчы пытанняў названай праблемы праводзіў часопіс «Бальшавік Беларусі». На яго старонках у 1920–1930-я гады была надрукавана вялікая колькасць артыкулаў, дакументальнах матэрыялаў, прысвечаных пытанням эканамічнага і палітычнага становішча ў Заходняй Беларусі, унутрыпартыйнага жыцця КПЗБ, яе ўдзелу і ролі ў рэвалюцыйным руху [29; 40].

Аднак неабходна адзначыць, што названыя вышэй публікацыі ў перыядычным друку не мелі навуковага характару. Яны, з’яўляючыся правадніком афіцыйных поглядаў адпаведных партыйных і грамадскіх арганізацый на падзеі жыцця ў Заходняй Беларусі, утрымлівалі шматлікія суб’ектыўныя ацэнкі і сёння ўяўляюць цікавасць як крыніцы.

Што тычыцца непасрэдна вывучэння пытанняў гісторыі нацыянальна-вызваленчага руху ў Заходняй Беларусі, то ў 1920–1930-я гады былі сфармуляваны асноўныя накірункі даследавання названых праблем. Да найбольш распаўсюджаных тэм у гістарычнай літаратуры, прысвечаных заходнебеларускай тэматыцы, адносіліся пытанні палітычнага і сацыяльна-эканамічнага становішча беларускага народа ў Заходняй Беларусі. Пры іх разглядзе назіралася, што зразумела, адзінадушша аўтараў у адносінах да ацэнкі тых ці іншых пытанняў узгаданых праблем. Увага акцэнтавалася на сацыяльным, эканамічным прыгнёце з боку польскіх уладаў, палітычным бяспраўі беларускага народа ў Заходняй Беларусі. Аўтары падкрэслівалі, што эканоміка ў Заходняй Беларусі мела характар каланіяльны, аграрна-сыравінны, які дапаўняўся малазямеллем сялян, насаджэннем асадніцтва, камасацыі, закрыццём беларускіх школ, праваслаўных цэркваў і іншым [6; 9; 24; 27, 28; 35; 44; 46; 47].

Гэткім чынам павінна была вырашацца ідэалагічная задача – давесці да насельніцтва думку пра тое, што жыхары Заходняй Беларусі пакутуюць пад «ярмом» польскіх паноў, у той час як людзі ў БССР жывуць намнога лепш, чым іх адзінакроўныя браты ў Заходняй Беларусі. Такія высновы павінны былі прывесці да думак аб неабходнасці разгортвання рэвалюцыйнай барацьбы супраць польскіх улад, за сацыяльнае і нацыянальнае вызваленне беларускага народа. Пры гэтым ад імя заходнебеларускага насельніцтва выказвалася надзея на дапамогу ў вызваленні з боку Савецкага Саюза.

Неабходна адзначыць, што аўтары, якія закраналі пытанні рэвалюцыйнага і нацыянальна-вызваленчага руху, ацэньвалі развіццё рэвалюцыйнай барацьбы ў Заходняй Беларусі як працэс узрастаючы, даводзілі, што рух за сацыяльнае і нацыянальнае вызваленне мацнеў і ахопліваў усё больш шырокія колы насельніцтва Заходняй Беларусі, прычым Кампартыі Заходняй Беларусі бясспрэчна адводзілася авангардная роля ў гэтай барацьбе. «У Заходняй Беларусі элементы грамадзянскай вайны, нарастаючы з кожным днём, могуць хутка перарасці ў адкрыты бой з фашызмам і кіраўніцтва гэтым боем належыць КПЗБ», – пісаў Л. Якаўлеў у 1931 г. [48, с. 86].

Зыходзячы з вышэйадзначанага палажэння ў гістарычнай літаратуры, аўтары значную ўвагу надавалі асвятленню розных бакоў дзейнасці КПЗБ як галоўнай, авангарднай сілы, якая ўзначальвала рэвалюцыйную барацьбу насельніцтва Заходняй Беларусі. Напрыклад, аўтары брашуры «Аб клясавай барацьбе ў Заходняй Беларусі ў часы Беларускай Сялянска-Работніцкай Грамады» (Мінск,1932) далі наступны пералік спраў КПЗБ: наладжванне дэманстрацый салідарнасці прамысловага пралетарыяту з супрацьпадаткавым змаганнем сялян, змаганне за права нацый на самавызначэнне, аж да аддзялення, арганізацыя змагання з камасацыяй, дэмаскаванне польскага імперыялізму ў падрыхтоўцы вайны з СССР, вядзенне барацьбы супраць праследавання беларускіх школ, беларускага настаўніцтва, беларускіх служачых, няўхільнае тлумачэнне масам здрадніцкай контррэвалюцыйнай ролі правадыроў згодніцкіх арганізацый у Заходняй Беларусі і іншае.

Гістарыяграфічная сітуацыя ў БССР рэзка змянілася ў пачатку 1930-х гадоў пасля гучных палітычных спраў «Саюза вызвалення Беларусі» (1930 г.) і «Беларускага нацыянальнага цэнтра» (1933 г.). Ахвярамі палітычных рэпрэсій сталі не толькі дзеячы беларускага нацыянальнага руху, у тым ліку ў Заходняй Беларусі (кіраўніцтва БРА, БСРГ, ТБШ), але і вучоныя, якія займаліся распрацоўкай заходнебеларускай гісторыі [1; 2, с. 257; 45, с. 47]. Таму не дзіўна, што з гэтага часу пачынаюць рэзка мяняцца фармулёўкі. Напрыклад, у гістарычнай літаратуры ў пачатку 1930-х гадоў у адносінах да стварэння КПЗБ з'явіўся тэзіс аб тым, што КПЗБ утварылася з арганізацый КПРП, якія праводзілі сваю працу ў буйных гарадах Заходняй Беларусі яшчэ да стварэння КПЗБ. Такім чынам, гэтак званая тэорыя «двухкарэннасці» КПЗБ, згодна з якой КПЗБ утварылася з арганізацый КПРП, Беларускай рэвалюцыйнай арганізацыі (БРА) і некаторых дробнабуржуазных нацыяналістычных арганізацый, абвяргалася [7, с. 3–4].

Заўважым, што гэтая выснова была зроблена пасля рэпрэсій з боку савецкіх уладаў у адносінах да былых кіраўнікоў БРА, якія разам з іншымі актыўнымі ўдзельнікамі рэвалюцыйнага руху ў Заходняй Беларусі выехалі ў БССР у выніку абмену палітвязнямі паміж СССР і Польшчай. Да гэтага часу дзейнасць БРА не падвяргалася крытыцы. Пасля вышэйузгаданых рэпрэсій у беларускай гістарычнай літаратуры былі зроблены высновы пра тое, што КПЗБ, прымаючы ў свае шэрагі БРА цэлай арганізацыяй, зрабіла вялікую палітычную памылку, таму што разам з часткай сапраўдна па-камуністычнаму настроеных элементаў такім шляхам пралезла ў КПЗБ група буржуазных нацыяналістаў, якія ўступілі ў кампартыю з мэтай узначалення рэвалюцыйнага руху і разгрому яго знутры [38, с. 265–266]. У гэтых меркаваннях лёгка заўважыць спробу апраўдання рэпрэсій у адносінах да былых ўдзельнікаў нацыянальна-вызваленчага руху ў Заходняй Беларусі, што зрабіць трэба было зноў жа па ідэалагічных прычынах. Трэба было растлумачыць грамадскасці тэрор і гвалт над яе прадстаўнікамі.

Не маглі даследчыкі пакінуць убаку пытанне аб нацыянальнай фракцыі ў КПЗБ, гэтак званай «сэцэсіі». Не ўдаваючыся ў падрабязнасці справы, аўтары публікацый спяшаліся без прывядзення сур'ёзных аргументаў абвінаваціць «сэцэсію» і яе ўдзельнікаў у правядзенні антыпартыйнай, падрыўной працы, якая заключалася ў патрабаванні стварэння самастойнай, незалежнай ад Кампартыі Польшчы, Камуністычнай партыі Заходняй Беларусі з большым ухілам у бок нацыянальна-вызваленчых, а не леварадыкальных, пралетарскіх мэтаў.

Яшчэ больш жорсткім характарыстыкам у БССР і падпольным камуністычным друку пачала падвяргацца «сэцэсія» пасля рэпрэсіяў у БССР у адносінах да былых членаў БРА. Адзначалася, што “пралезшыя ў КПЗБ буржуазныя нацыяналісты з БРА хутка паспрабавалі правесці раскол у партыі і захоп кіраўніцтва пад выглядам г. зв. «сэцэсіі». «Сэцэсія была контррэвалюцыйнай групай, арганізаванай правакатарскімі

элементамі, якія пралезлі ў партыю і працавалі пад кіраўніцтвам польскай дэфензівы (ахранкі) і буржуазных нацыяналістаў па абодва бакі мяжы (Ігнатоўскі, Гурын-Маразоўскі). Асноўны касцяк «Сэцэсіі» складалі выхадцы з БРА (Сталевіч, Радзевіч, Капуцкі, Гарбацэвіч і інш.). Ідэалогія «Сэцэсіі» поўнасцю вырастала з ідэалогіі БРА [38, с. 266]. Прыблізна такога кшталту высноў вымушаны быў прытрымлівацца і былы лідэр БРА І.К. Лагіновіч (П. Корчык) у сваім артыкуле, прысвечаным пытанням БРА і «Сэцэсіі» [26] і іншыя [33; 40].

Значную ўвагу даследчыкаў у другой палове 1920-х – 1930-я гады прыцягнула гісторыя ўзнікнення Беларускай сялянска-работніцкай грамады, пераўтварэнне яе ў масавую рэвалюцыйную арганізацыю, сацыяльна-палітычны характар БСРГ, яе роля і значэнне ў развіцці рэвалюцыйна-вызваленчага руху ў Заходняй Беларусі [3; 5; 20]. У працах, прысвечаных Грамадзе, гэтая арганізацыя характарызуецца як самая ўплывовая ў Заходняй Беларусі. Аўтары, знаёмячы з асноўнымі пунктамі праграмы Грамады, даводзілі, што ў ёй і дзеяннях арганізацыі пераважала не рабочая, а сялянская ідэалогія, адзначалі дробнабуржуазны, некамуністычны характар БСРГ, але пры гэтым падкрэслівалі, што Грамада бліжэй за іншыя палітычныя арганізацыі стаіць да партыі пралетарыяту.

Абавязковай бадай што для ўсіх прац была прысутнасць выкрывання «правакацыйных» заяў польскага буржуазнага друку і прадстаўнікоў беларускіх нацыянальна-дэмакратычных партый і арганізацый аб «як быццам бы існуючай сувязі Грамады з камуністычным рухам, удзельнікі якога атрымалі магчымасць легальнай працы». «Дзейнасць і хуткі рост уплыву Грамады ўстрывожыў польскі буржуазны ўрад і грамадскую думку. Увесь польскі буржуазны друк, не выключаючы і левай часткі, адкрыў жорсткую кампанію супраць Грамады, усяляк даказваючы, што гэта партыя з'яўляецца камуністычнай арганізацыяй, і калі прыняла іншую назву, то толькі для таго, каб атрымаць магчымасць легальнай працы.» Аўтары папракалі, напрыклад, БХД, якая «сама нямала садзейнічала распаўсюджанню ілжывых чутак аб апошняй (аб Грамадзе) і ўсяляк даказвала дачыненне Грамады да камуністычнага руху і яе антыдзяржаўнай дзейнасці» [21, с. 206, 211]. Публікацыі павінны былі маскіраваць відавочную ўжо на той час сувязь БСРГ з КПЗБ.

Паступова, па меры аддалення ад часу, калі існавала БСРГ, фармулёўкі пачалі крыху мяняцца. «БС-РГ, не зьяўляючыся камуністычнай арганізацыяй, як гэта ёй прыпісвала дэфензіўная ўлада і беларускія нацыянал-фашысты, але, аднак, яна была выяўнікам інтарэсаў шырокіх працоўных сялянскіх колаў Заходняе Беларусі», – адзначылі Я. Багданскі і Л. Баброўіч у сваёй працы [3, с. 23]. А ўжо ў кнізе «Политические партии в Польше, Зап. Белоруссии и Зап. Украине» прама гаварылася: «Пад кіраўніцтвам КПЗБ … вырастае стотысячная баявая нацыянальна-вызваленчая арганізацыя – Грамада» [38, с. 25]. Спрошчана і палітызавана падавалася дзейнасць Таварыства беларускай школы [32].

Значнае месца ў апісанні палітычнай сітуацыі ў Заходняй Беларусі адводзілася паказу дзейнасці беларускіх нацыянальна-дэмакратычных партый і арганізацый. Гэты працэс хутчэй за ўсё можна назваць шальмаваннем, бо дзейнасць гэтых арганізацый і яе членаў увесь час паказвалася рознымі сродкамі як варожая беларускаму народу, згодніцкая ў адносінах да польскіх уладаў [3; 7; 21; 33; 34; 38; 48]. Але неабходна адзначыць, што гэткім чынам шмат было зроблена і на карысць гістарычнай навукі. Азнаёміўшыся і прааналізаваўшы працы, у якіх асвятляліся розныя бакі дзейнасці такіх арганізацый, як Беларуская хрысціянская дэмакратыя, Беларускі сялянскі саюз, Беларуская санацыя і іншых, трэба адзначыць, што разам са шматлікімі ідэалагічнымі штампамі, накшталт «непрымірымыя ворагі рэвалюцыйнай барацьбы», «платныя арганізацыі», «палітычныя адбросы», «беларускія нацыянал-фашысты», «агенты

дэфензівы» і інш., у гэтых працах змешчана шмат карыснай для даследчыкаў інфармацыі, якая дае магчымасць азнаёміцца з асноўнымі праграмнымі ўстаноўкамі і палітычнай практыкай гэтых арганізацый. Галоўная ж думка такіх прац заключалася ў тым, што беларускія нацыянальна-дэмакратычныя партыі і арганізацыі з'яўляюцца злейшымі ворагамі КПЗБ, БСРГ, БССР і не маюць ўплыву сярод шырокіх пралетарскіх і сялянскіх мас.

З цягам часу надзеі савецкага кіраўніцтва на перамогу пралетарскай рэвалюцыі ў Польшчы пачалі згасаць, бо ў грамадска-палітычнай сітуацыі ў краіне ў цэлым і ў Заходняй Беларусі ў прыватнасці не было аб'ектыўных перадумоў для перарастання хваляў рэвалюцыйных выступленняў ва ўзброенае паўстанне, якое б вырашыла праблему Заходняй Беларусі. У такой сітуацыі заходнебеларускае пытанне магло быць вырашана іншымі спосабамі.

Больш за тое, у сярэдзіне 1930-х гадоў магутная хваля палітычных рэпрэсій у БССР захапіла сваім крылом і дзеячаў рэвалюцыйнага нацыянальна-вызваленчага руху Заходняй Беларусі. Не пазбеглі такога лёсу і кіраўнікі КПП і КПЗБ. Паступова ўвесь камуністычны рух у Польшчы быў скампраметаваны, што не магло не адбіцца на асвятленні ў друку пытанняў яе рэвалюцыйнага руху. Колькасць публікацый змяняецца ў бок памяншэння, у іх пакрыху пачынаюць знікаць назвы кампартый Польшчы і Заходняй Беларусі.

Выканкам Камінтэрна, які ў 1938 г. прыняў рашэнне аб роспуску КПП, знаходзіўся пад уплывам кіраўніцтва СССР. І. Сталін добра разумеў, што польскае, у тым ліку і заходнебеларускае, пытанне вырашыцца хутчэй за ўсё ў выніку рэалізацыі намераў Гітлера пашырыць жыццёвую прастору для «арыйскай» нацыі за кошт Польшчы. Як вядома, так яно і адбылося, прычым Савецкі Саюз прыняў самы актыўны ўдзел у ліквідацыі польскай дзяржавы, вярнуўшы Заходнюю Беларусь і Заходнюю Украіну. У гэтай сітуацыі мерапрыемствы па інспірацыі і падтрымцы рэвалюцыйнага і нацыянальна-вызваленчага руху ў Заходняй Беларусі, а таксама ідэалагічнае абгрунтаванне неабходнасці развіцця гэтай барацьбы адыходзілі на задні план.

Адзначым, што дзейнасць Інстытута польскай пралетарскай культуры, Камісіі па вывучэнню Заходняй Беларусі, а таксама Інстытута гісторыі партыі з заходнім сектарам была спынена менавіта ў другой палове 30-х гадоў. У 1936 г. замежная мінская частка цэнтральнай рэдакцыі КПЗБ поўнасцю згарнула сваю дзейнасць. Спынілася выданне тэарэтычнага часопіса ЦК КПЗБ «Бальшавік» [34, с. 209]. Гэтаксама неактуальнай і непатрэбнай станавілася вывучэнне дзейнасці КПП і КПЗБ.

Вынікам рашэння аб роспуску ў 1938 г. КПЗБ як складовай часткі КПП стала змяненне акцэнтаў і фармулёвак у беларускай гістарыяграфіі ў асвятленні пытанняў нацыянальна-вызваленчага руху. Гэтаму спрыяла ўз'яднанне восенню 1939 г. Заходняй Беларусі з БССР у выніку паходу Чырвонай Арміі. Пасля згаданых падзей гісторыя КПЗБ амаль не вывучалася, палітычнае і арганізацыйнае кіраўніцтва рэвалюцыйнай барацьбой з боку кампартыі ігнаравалася ў большасці публікацый [10; 19; 37].

Выключэннем з гэтага шэрагу з'яўляюцца кніга І.Ф. Лочмеля «Очерки истории борьбы белорусского народа против польских панов» (Мн., 1940) і калектыўная праца «Заходняя Беларусь пад панскім гнётам і яе вызваленне» (Мн., 1940). У апошняй, напрыклад, гаварылася: «У авангардзе рэвалюцыйных баёў ішоў нешматлікі рабочы клас Заходняй Беларусі. Рэвалюцыйнай барацьбой кіравала Камуністычная партыя Заходняй Беларусі, якая працавала ў надзвычай цяжкіх умовах падполля, была акружана шпіёнамі і правакатарамі і падвяргалася жорсткім рэпрэсіям» [22, с. 58].

Змяніліся погляды і на гісторыю БСРГ. Ва ўжо згаданай вышэй працы па пытанню стварэння Грамады сцвярджалася, што арганізацыя была створана з дазволу «ўрада акупантаў», які, садзейнічаючы гэтаму, «разлічваў узяць яе пад свой нагляд і

кіраўніцтва, абясшкодзіць масавы рух, разлажыць яго знутры і, нарэшце, разграміць, … паставіў на чале Грамады сваіх агентаў-правакатараў з лагера сваіх прыслужнікаў – беларускіх нацыяналістаў» [22, с. 56]. Што да пытання рэвалюцыйнага і нацыянальна-вызваленчага руху, то яго развіццё пасля роспуску КПЗБ у гістарычнай літаратуры паказвалася як стыхійны працэс, выкладалася павярхоўна, схематычна, напрыклад: «Працоўныя Заходняй Беларусі неаднаразова паўставалі супраць сваіх прыгнятальнікаў. … На чале гэтай барацьбы знаходзіўся беларускі пралетарыят. … Сяляне неаднаразова рознымі сродкамі вялі барацьбу супраць памешчыкаў і польскіх акупантаў» [19, с. 32, 34].

Такім чынам, нягледзячы на недахоп кваліфікаваных кадраў і маладаступнасць рэпрэзентатыўных крыніц, на значны, часцей за ўсё адмоўны, уплыў партыйна-дзяржаўнай ідэалогіі, супрацоўнікі навукова-выдавецкіх цэнтраў, партыйныя работнікі, удзельнікі нацыянальна-вызваленчага руху падрыхтавалі значную колькасць публікацый. Гэта патрабуе крытычных адносін да разгледжанай літаратуры. Яны напісаны галоўным чынам на фактах, якія давала само жыццё і якія былі зафіксаваны перыядычным друкам. І таму асвятленне гісторыі нацыянальна-вызваленчага руху ў Заходняй Беларусі ў значнай ступені было фрагментарным. Для работ 1920–1930-х гадоў характэрна больш эмпірычнае апісанне падзей, чым іх глыбокі навуковы аналіз на аснове шырокага кола дакументальных крыніц. Гэтыя артыкулы, брашуры, манаграфіі, падрыхтаваныя на небагатай крыніцазнаўчай базе, пазначылі галоўныя напрамкі даследавання праблем і раставілі навуковыя і палітычныя акцэнты згодна марксісцка-ленінскіх падыходаў пры асвятленні гістарычных з’яў. У работах, напісаных па гарачых слядах, пад дыктоўку тагачасных ідэалагічных і палітычных задач, падзеі нацыянальна-вызваленчага руху ацэньваліся тэндэнцыйна, з улікам іх карысці камуністычнаму руху, а фактычна бальшавіцкаму кіраўніцтву. У іх знайшлі адлюстраванне асобныя памылковыя погляды і вывады, якія былі тады ў КПЗБ, КПП і Камінтэрне, перабольшвалася правая небяспека ў кампартыі, сцвярджалася, што гэтак званыя беларускія буржуазныя нацыяналісты – галоўныя ворагі працоўных у іх барацьбе за сацыяльнае і нацыянальнае вызваленне, пераацэньвалася рэвалюцыйнасць мас на пэўных этапах класавай барацьбы.

Вялікая Айчынная вайна перарвала развіццё гістарычнай навукі БССР, у тым ліку і навуковую распрацоўку розных аспектаў гісторыі Заходняй Беларусі. З сярэдзіны 1940-х гадоў у перыядычным друку пачалі з’яўляцца артыкулы пераважна агітацыйна-прапагандысцкага характару [17; 25; 36]. Галоўнай іх мэтай было відавочнае імкненне падкрэсліць гаротнае жыццё беларускага народа ў складзе Польшчы, ухваліць паход Чырвонай Арміі ў Заходнюю Беларусь, а таксама поспехі сацыялістычнага будаўніцтва ва ўз’яднанай Беларусі.

Надзвычай актыўную працу па асвятленню пытанняў гісторыі Заходняй Беларусі 1921–1939 гг. правёў у 40-я гады Ц.С. Гарбуноў, які надрукаваў шэраг сваіх даследаванняў [11; 12; 13; 14; 16]. У іх аўтар рабіў акцэнт на разглядзе і канстатацыі цяжкага становішча працоўных Заходняй Беларусі, асвяціў вызваленчы паход Чырвонай Арміі ў верасні 1939 г., працу Народнага сходу Заходняй Беларусі. Аднак працы Ц.С. Гарбунова ўтрымлівалі цэлы шэраг вульгарызаваных ацэнак і высноў. Так, беларускі рэвалюцыйна-дэмакратычны накірунак вызваленчай барацьбы і яго кіраўнікі ацэньваліся як нацыяналістычныя, БСРГ, а значыць і яе лідэры, характарызаваліся як дробнабуржуазныя. У адной з сваіх прац Ц. Гарбуноў асобны параграф прысвяціў адлюстраванню дзейнасці беларускіх нацыянальных дзеячаў, назваў яго красамоўна «Здрадніцкая роля беларускіх нацыяналістаў». Прадстаўнікі беларускага руху агулам, без уліку партыйнай прыналежнасці, аб’яўляліся агентамі польскіх акупантаў. «Разграміўшы Беларуска-Сялянска-Работніцкую Грамаду і Таварыства беларускай

школы, пілсудчыкі наладзілі суд над усімі актыўнымі кіраўнікамі гэтых арганізацый, не выключаючы сваіх агентаў. Праўда, А. Луцкевіч, Р. Астроўскі былі ў хуткім часе вызвалены, але Рак-Міхайлоўскі, Б. Тарашкевіч, Мятла і іншыя былі прыгавораны да турэмнага зняволення разам з грамадоўцамі. Пілсудчыкі стваралі сваім агентам папулярнасць у массах, каб зноў выкарыстоўваць іх для гнуснай здрадніцкай працы» [16, с. 137].

Палітычнае, сацыяльна-эканамічнае і нацыянальнае жыццё жыхароў Заходняй Беларусі, развіццё рэвалюцыйнага руху, сацыялістычныя пераўтварэнні пасля верасня 1939 г. коратка асветлены ў брашурах Н.В. Каменскай «Уз'яднанне беларускага народа ў адзінай Беларускай Савецкай сацыялістычнай дзяржаве» (Мінск, 1948) і «10 год сацыялістычнага будаўніцтва ў заходніх абласцях БССР» (Мінск, 1949). Яны насілі прапагандысцкі характар і выйшлі ў друку да дзесятай гадавіны ўз'яднання беларускага народа.

Неабходна сказаць, што ў першай палове 1950-х гадоў паступова складваліся ідэйна-палітычныя і навукова-тэарэтычныя перадумовы паглыбленага вывучэння гэтых праблем. Яны былі звязаны з тым, што ў той час група маладых гісторыкаў звярнулася да навуковага аналізу вопыту сацыялістычных пераўтварэнняў у заходніх абласцях БССР у верасні 1939 – пачатку 1950-х гадоў і падрыхтавала шэраг кандыдацкіх дысертацый. Першай такой працай была кандыдацкая дысертацыя аб рэвалюцыйна-вызваленчым руху ў Заходняй Беларусі ў 1919–1939 гг. А.У. Царука, падрыхтаваная і абароненая ім у БДУ ў 1955 г. [43]. У іншых працах разглядаліся асобныя аспекты гісторыі рэвалюцыйнай вызваленчай барацьбы ў Заходняй Беларусі. Так, у дысертацыі К.І. Дамарада аналізаваліся сацыяльна-эканамічныя адносіны, стан сельскай гаспадаркі, становішча сялянства і абвастрэнне класавых супярэчнасцяў у заходнебеларускай вёсцы ў 1919–1939 гг.

Для далейшага даследавання праблем гісторыі рэвалюцыйнага нацыянальна-вызваленчага руху ў Заходняй Беларусі прынцыповае значэнне мела заява прадстаўнікоў ЦК камуністычных партый Савецкага Саюза, Балгарыі, Фінляндыі, Італіі і Польскай аб'яднанай рабочай партыі, якую яны зрабілі ў 1956 г. падчас працы ХХ з'езда КПСС. У заяве гаварылася, што абвінавачванне было лжывым, а роспуск партыі неабгрунтаваным. Давалася высокая ацэнка рэвалюцыйнай дзейнасці КПП, у тым ліку і КПЗБ. Аднаўленне гістарычнай справядлівасці ў адносінах да КПП і КПЗБ стварыла спрыяльныя ўмовы для навуковага асвятлення іх гісторыі, а таксама пытанняў нацыянальна-вызваленчага руху ў Заходняй Беларусі. Гэтыя падзеі адкрывалі ў даследаванні праблем гісторыі Заходняй Беларусі 1921–1939 гг. новы перыяд.

Заключэнне

Такім чынам, пачатак навуковага асвятлення праблем гісторыі нацыянальна-вызваленчага руху ў Заходняй Беларусі быў закладзены ў 1920–1930-я гады, калі дзейнічалі навуковыя ўстановы, якія займаліся распрацоўкай пытанняў гісторыі Заходняй Беларусі. Такімі ў той час з'яўляліся Камісія па вывучэнню Заходняй Беларусі пры Інбелкульце, а затым пры Беларускай Акадэміі навук, заходні сектар пры Інстытуце гісторыі партыі пры ЦК КП(б). Навуковая праца па згаданай праблематыцы праводзілася таксама і ў Інстытуце польскай пралетарскай культуры пры БАН.

Неабходна адзначыць, што на актыўнасць працы навуковых устаноў вялікі уплыў аказвала грамадска-палітычная сітуацыя ў краіне і цікавасць да становішча ў Польшчы з боку савецкага кіраўніцтва, якое лічыла знаходжанне Заходняй Беларусі ў складзе Польшчы часовым. Вывучэнне і асвятленне ў друку пытанняў гісторыі Заходняй Беларусі выконвала ў першую чаргу ідэалагічную задачу, якая заключалася ў тым, каб давесці да шырокіх пластоў насельніцтва інфармацыю пра гаротнае жыццё

народа ў Заходняй Беларусі і абгрунтаваць неабходнасць рэвалюцыйнай барацьбы супраць польскай улады.

Перыяд вывучэння акрэсленых праблем у 1921 – першай палове 1950-х гадоў можна назваць часам станаўлення, яго неабходна падзяліць на два этапы. Першы – ад 1921 года да пачатку 1930–х гадоў, другі этап – 1930-я – першая палова 1950-х гадоў. Гэтыя этапы адрозніваюцца, перш за ўсё, грамадска-палітычнымі ўмовамі правядзення навукова-даследчыцкай і выдавецкай працы. У пачатку 1930-х гадоў беларуская гістарычная навука была падвергнута жорсткім рэпрэсіям, што не магло не аказаць адмоўнага ўплыву на яе развіццё. У той час падвяргаліся рэпрэсіям былыя кіраўнікі і актыўныя ўдзельнікі нацыянальна-вызваленчага руху ў Заходняй Беларусі, якіх залічылі да «ворагаў народа», была распушчана як складовая частка КПП Кампартыя Заходняй Беларусі, а большасць яе членаў таксама падвергнуты праследам. Гэтыя акалічнасці аказалі вырашальны ўплыў на вывучэнне гісторыі Заходняй Беларусі і расстаноўку палітычных акцэнтаў. У сувязі з гэтым доўгі час азначаныя пытанні не падвяргаліся дастаткова грунтоўнаму навуковаму даследаванню.

Навуковую значнасць і важнасць публікацый зніжала адсутнасць у даследчыкаў магчымасці працаваць з дакументальнымі матэрыяламі. Архівы па гэтых праблемах не былі даступныя для гісторыкаў. Падобная тэматыка не ўключалася ў планы навукова-даследчыцкіх устаноў. Перыядычны друк асвятляў гэтыя сюжэты толькі ў агітацыйна-прапагандысцкім рэчышчы, павярхоўна, у схематычнай форме. Якасны зрух у вывучэнні гісторыі нацыянальна-вызваленчага руху ў Заходняй Беларусі пачаўся з радыкальным змяненнем палітычнай сітуацыі ў СССР у сярэдзіне 1950-х гадоў.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. Астрога, В. Вывучэнне польскай гісторыі на Беларусі (1921–1941 гг.) / В. Астрога // Берасцейскі храногРаф : зб. навук. прац. – Брэст : Выд. С. Лаўрова, 1999 : Вып. 2.– С. 254–255.

2. Астрога, В.А. «Шпіёнскае гняздо»: стварэньне і дзейнасьць Камісіі па вывучэньні Заходняе Беларусі / В.А. Астрога // Спадчына. – 1996. – № 6. – С. 156–167.

3. Багданскі, Я. Аб клясавай барацьбе ў Заходняй Беларусі ў часы Беларускай Сялянска-Работніцкай Грамады / Я. Багданскі, Л. Бабровіч. – Менск : Беларус. Акад. навук, Каміс. Заход. Беларусі, 1932. – 67 с.

4. Баравы, М. Жыцьцё вясковай моладзі ў Заходняй Беларусі / М. Баравы // Маладняк. – 1923. – № 1. – С. 60–63; Жылуновіч, З. Нельга маўчаць! / З. Жылуновіч // Сав. Беларусь. – 1923. – № 91; Жылуновіч, З. Панскае засяленне Заходняй Беларусі / З. Жылуновіч, // Сав. Беларусь. – 1921. – № 59 ; Жылуновіч, З. Як паны робяць з Беларусі Польшчу / З. Жылуновіч // Сав. Беларусь. – 1921. – № 88 ; Жыцень, Л. Водгулее з Заходняй Беларусі / Л. Жыцень // Сав. Беларусь. – 1923. – № 19 ; Зямельная справа ў Заходняй Беларусі // Сав. Беларусь. – 1923. – №34 ; Каты, каты! // Сав. Беларусь. – 1921. № 129 ; М.с. Будучыя соймавыя выбары і Заходняя Беларусь // Сав. Беларусь. – 1924. – № 37 ; У Заходняй Беларусі // Сав Беларусь. – 1923. – № 133, 141, 142, 148, 149, 150, 161, 168, 171, 180, 184, 186, 188, 196, 219, 237, 239; Югасюк. Заходняя Беларусь пад панскай Польшай (ад нашага варшаўскага карэспандэнта) / Югасюк // Сав. Беларусь. – 1923. – № 153.

5. Беларуская сялянска-работніцкая грамада. – Менск : Дзяржвыд., 1928. – 54 с.

6. Боген, Д. Преследование меньшинства в Польше / Д. Боген. – М., 1927.

7. Валевіч, І.Р. Першыя гады Кампартыі Заходняй Беларусі. Успаміны падпольшчыка. 1921–1925 гг. / І.Р. Валевіч. – Менск : Дзярж. выд-ва Беларусі, 1935. – 48 с.

8. Вахтомаў, Г.В. Станаўленне гістарыяграфіі рэвалюцыйнага руху ў Заходняй Беларусі / Г.В. Вахтомаў, У.М. Міхнюк // Весці АН БССР. Сер. грамадскіх навук. – 1988. – № 5. – С. 118–125.

9. Гарбацэвіч, П. Палёнізацыя Заходняй Беларусі / П. Гарбацэвіч. – Менск : Беларус. Акад. навук, камісія Заход. Беларусі, 1932. – 34 с.

10. Гарбуноў, Ц. Год пад сцягам саветаў / Ц. Гарбуноў. – Мінск : Дзярж. выд-ва пры СНК, Рэд. паліт. літ-ры, 1940. – 56 с.

11. Гарбуноў, Ц. Уз’еднаная Совецкая Беларусь / Ц. Гарбуноў. – Мінск : Дзяржвыдва БССР, 1945. – 40 с.

12. Гарбуноў, Ц. Уз’еднанне беларускага народа ў адзінай совецкай соцыялістычнай дзяржаве / Ц. Гарбуноў. – Мінск : Дзяржвыдва БССР, 1949. – 188 с.

13. Гарбуноў, Ц. Уз’еднанне беларускага народа ў адзінай совецкай соцыялістычнай дзяржаве / Ц. Гарбуноў. 2-е выд. – Мінск : Дзяржвыдва БССР, 1952. – 220 с.

14. Гарбуноў, Ц. Уз’яднанне беларускага народа ў адзінай Беларускай совецкай соцыялістычнай дзяржаве / Ц. Гарбуноў // Полымя. – 1948. – № 2. – С. 89–107; № 3. – С. 64–89.

15. Говін, С.В. Друк Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) / С.В. Говін. – Мінск : Выд-ва БДУ, 1974. – 95 с.

16. Горбунов, Т. Воссоединение белорусского народа в едином советском социалистическом государстве / Т. Горбунов. – М : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1948. – 232 с.

17. Граков, Н. Как жили трудящиеся Западной Белоруссии в панской Польше / Н. Граков // Сов. Белоруссия. – 1947. – 14 сент.

18. Доморад, К.И. Борьба Коммунистической партии за коллективизацию сельского хозяйства западных областей Белоруссии накануне Великой Отечественной войны (сентябрь 1939 – июнь 1941 гг.) : атореф. дис. ... канд. ист. наук / К.И. Доморад. Бел. гос. ун-т. – Минск, 1955. – 15 с.

19. Егоров, Г. Западная Белоруссия / Г. Егоров. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1939. – 40 с.

20. Западная Белоруссия на скамье подсудимых. Процесс Белорусской Крестьянско-Рабочей Громады. – Минск : Бел. гос. изд-во, 1929. – 263 с.

21. Западная Белоруссия : сб. ст. Кн. 1. – Менск : Бел. гос. изд-во, 1927. – 211 с.

22. Заходняя Беларусь пад панскім гнётам і яе вызваленне / пад рэд. Н.М. Нікольскага і І.Ф. Лочмеля. – Мінск : Выд. АН БССР, 1940. – 96 с.

23. Зелинский, П.И. Печать КПЗБ в борьбе за свободу / П.И. Зелинский, Н.А. Ракевич. – Минск : Изд-во БГУ, 1977. – 144 с.

24. Інтэрпэляцыі беларускіх паслоў у польскі сейм. 1922-1926 гг. – Менск: Бел. дзярж. выд., 1927. – 496 с.

25. Каменская, Н. Воссоединение белорусского народа в едином Белорусском Советском государстве / Н. Каменская // Сов. Белоруссия. – 1947. – 17 сент.

26. Корчык, П. Нацыянал-апартунізм у КПЗБ і ідэалагічная спадчына «Беларускай рэвалюцыйнай арганізацыі» / П. Корчык // Бальшавік Беларусі. – 1934. – № 7. – С. 35–43.

27. Краіна шыбеніц і карных экспедыцый : зб. фактаў і лічбаў. – Менск : Беларус. Акад. навук, Каміс. па вывучэньні Заходняе Беларусі, 1932. – 74 с.

28. Лучанін, М. Заходняя Беларусь пад панаваньнем Польшчы / М. Лучанін. – Менск : Бел. дзярж. выд-ва, 1926. – 56 с.

29. Матэлевіч, М. Другі пленум ЦК КПЗБ / М. Матэлевіч // Бальшавік Беларусі. – 1929. – № 4. – С. 20–27; Аб кіраўніцтве эканамічнымі баямі і задачы партыі ў прафруху : Рэзалюцыя V пленума ЦК КПЗБ // Бальшавік Беларусі. – 1931. – № 8/9. – С. 74–78; Задачы партыі ў галіне вызваленчай барацьбы прыгнечаных народаў:

(Рэзалюцыя V пленума ЦК КПЗБ) // Бальшавік Беларусі. – 1931. – № 8/9. – С. 64–73; Сталевіч А. Заявы III пленума ЦК КПЗБ // Бальшавік Беларусі. – 1929. – № 10–12. – С. 104; ён жа. Напярэдадні баёў за ўладу // Бальшавік Беларусі. – 1931. – № 8/9. – С. 14–19; Праткоўскі У. Змаганне супраць нацыянальнага прыгнёту / У. Праткоўскі // Бальшавік Беларусі. – 1932. – № 1–2. – С. 20–33; Корчык П. Вузлавы пункт нашай працы на вёсцы / У. Праткоўскі // Бальшавік Беларусі. – 1931. – № 4. – С. 22–33; / У. Праткоўскі // Бальшавік Беларусі. Вынікі фашысцкай выбарчай кампаніі ў Зах. Беларусі / У. Праткоўскі // Бальшавік Беларусі. – 1931. – № 1–2. – С. 7–18.

30. Матэрыялы і дакументы : Пастановы і адозвы парт. і камс. арг. Зах. Беларусі // Інфарм. бюл. / Беларус. акад. навук, Каміс. Зах. Беларусі. – 1932. – № 5/6. – С. 117–133.

31. Міхнюк, У. Рыжскі мір і Беларусь / У. Міхнюк // XX стагоддзе ў гісторыі палякаў і беларусаў : матэрыялы беларус.-польск. навук. канф., Мінск, 20–21 лістапада 2000 г., / адк. рэд. У. Міхнюк, П. Гарнцарэк. – Мінск : БДУ, 2001. – С. 137–145.

32. Мятла, П. Аб Таварыстве беларускае школы і яго барацьбе / П. Мятла. – Менск : Беларус. Акад. навук, Каміс. па вывучэньні Заходняе Беларусі, 1932. – 34 с.

33. Некрашэвіч, А. Беларускі нацыянал-фашызм і нацыянал-дэмакратызм / А. Некрашэвіч. – Менск, 1929. – 18 с.; ён жа. Беларускі нацыянал-фашызм і яго сабрат беларускі нацыянал-дэмакратызм / А. Некрашэвіч // Бальшавік Беларусі. – 1929. – № 10-12. – С. 83–90.

34. Орехво, Н.С. Дела и люди КПЗБ: воспоминания / Н.С. Орехво. – Минск : Беларусь, 1983. – 287 с.

35. Пад польскім ярмом. – Менск : Бел. дзярж. выд-ва, 1929. – 23 с.

36. Перцаў, В. Барацьба працоўных Заходняй Беларусі за сваё вызваленне ў перыяд польскай акупацыі (1921–1939 гг.) / В. Перцаў // Бальшавік Беларусі. – 1947. – № 12. – С. 30–38.

37. Пичета, В. Исторические судьбы Западной Украины и Западной Белоруссии / В. Пичета. – М. : Московский рабочий, 1939. – 40 с.

38. Политические партии в Польше, Зап. Белоруссии и Зап. Украине. – Минск : Изд-во Бел. Акад. наук, 1935. – 335 с.

39. Сталевіч, А. Беларускі нацыянал-фашызм. Яго вытокі, тэорыя і практыка / А. Сталевіч. – Менск : Бел. дзярж. выд-ва, 1930. – 88 с.

40. Сталевіч, А. Сялянскія партыі ў Заходняй Беларусі / А. Сталевіч // Бальшавік Беларусі. – 1928. – № 9. – С. 13–27, № 10. – С. 7–19, № 12. – С. 28–37; Сянкевіч А. Палітычныя групоўкі ў Заходняй Беларусі перад выбарамі ў Польскі сейм / А. Сянкевіч // Бальшавік Беларусі. – 1928. – № 1. – С. 15–19; Шнарскі, С. Эканамічнае становішча Заходняй Беларусі / С. Шнарскі // Бальшавік Беларусі. – 1928. – № 2. – С. 24–35.

41. Становішча рабочага класа на Заходняй Беларусі // Інфарм. бюл. / Беларус. акад. навук. Каміс. Зах. Беларусі. – 1932. – № 5/6. – С. 30–61; У лагеры фашызму // Інфарм. бюл. аб Зах. Беларусі. – 1933. – № 7. – С. 117–122 ; № 8. – С. 71–76; Фашысцкі тэрор // Інфарм. бюл. / Беларус. акад. навук. Каміс. Зах. Беларусі. – 1932. – № 5/6. – С. 62–102 ; 1933. – № 7. – С. 123–164, № 8. – С. 77–102; Гаспадарчае становішча Заходняй Беларусі // Інфарм. бюл. аб. Зах. Беларусі. – 1933. – № 7. – С. 11–34, № 8. – С. 14–21.

42. Тарашкевіч, Б. Заходняя Беларусь – пляцдарм імпэрыялістычнай інтэрвэнцыі / Б. Тарашкевіч. – Менск : Беларус. акад. навук, Каміс. па вывучэнні Заходняе Беларусі, 1931. – 20 с.

43. Царюк, А.В. Революционное освободительное движение в Западной Белоруссии (1919–1939 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А.В. Царюк ;Бел. гос. ун-т – Минск, 1954. – 22 с.

44. Шабсин, И. Как живут в Польше украинские и белорусские крестьяне / И. Шабсин. – М : Изд-во ЦК МОПР, 1926. – 15 с.

45. Шаўчук, І.І. Гуманітарныя навукі ў сацыяльнай гісторыі Беларусі (20–30-я гады ХХ ст.) : манаграфія / І.І. Шаўчук. – Брэст : Выд-ва БрДУ, 2007. – 279 с.

46. Шнейдэр, Я. Очерк размещения промышленности Западной Белоруссии / Я. Шнейдэр. – Мінск : Бел. АН, 1936. – 104 с.;

47. Шнейдэр, Я. Становішча сялянства Заходняй Беларусі / Я. Шнейдэр. – Мінск : Выд-ва. БелАН, 1935. – 15 с.

48. Якаўлеў, Л. Заходняя Беларусь / Л. Якаўлеў. – Менск : Бел. дзярж. выд-ва, 1931. –88 с.

***Savich A.A.* National liberation movement in Western Belarus in 1921–1939 in Byelarusian historiography of the 1920s–1950s.**

The article explores the research process of the national liberation movement in Western Belarus in 1921–1939 on the basic of historiographic sources. In this period, especialy in 1920s–1930s, historiography of the problem actively satisfied the necessities of the Bolshevik government besides solving scientific tasks and gradually submitted to the party-state machine. Therefore studying the guestions of national liberation movement had a rather schematic character. It dependent on the changing social and political situation in BSSR. In was also connected with the peculiar the national liberation movement, the soviet government's attitudes to Western- Belarusian problems and political repression's of historians and former participants of Byelarusian national liberation movement in Western Belarus.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 23.02.10

УДК 94(476) «1921/1939»

В.М. Мярчук

ПРАЦОЎНАЯ ЭМІГРАЦЫЯ НАСЕЛЬНІЦТВА ЗАХОДНЕБЕЛАРУСКІХ ЗЯМЕЛЬ У ФРАНЦЫЮ Ў 1920–1930-я гг.

У артыкуле акрэсліваецца заканадаўча-прававая база польска-французскіх эміграцыйных адносін, арганізацыйная структура і працэс афармлення эміграцыйнай дакументацыі, маштабы, дынаміка і сацыяльна-культурная адаптацыя рабочых-эмігрантаў у 20–30-я гг. XX ст. Аб'ектам дадзенага даследавання з'яўляюцца заходнебеларускія эмігранты, якія накіроўваліся ў гарады Францыі. У даследаванні падкрэсліваецца, што ў сувязі з зацікаўленасцю французскага рынку працы ў замежных рабочых і цяжкім сацыяльна-эканамічным становішчам заходнебеларускага насельніцтва ў 20–30-я гг. XX ст. распаўсюджваецца яго працоўная эміграцыя ў Францыю. У артыкуле зроблена выснова аб тым, што дзейнасць французскіх прадпрымальнікаў на працягу ўсяго міжваеннага перыяду адпавядала прынцыпам свабоднай эміграцыі. Для падтрымкі і распаўсюджання эміграцыйных плыняў уладамі абедзвюх краін былі распрацаваны эміграцыйныя канвенцыі і пагадненні, якія з'яўляліся асновай эміграцыі.

Уводзіны

У 20–30-я гг. XX ст. на фоне сусветных эканамічных крызісаў набывае распаўсюджанне працоўная эміграцыя ў Францыю, эканоміка якой была зацікаўлена ў прытоку дадатковай рабочай сілы з розных краін свету. У выніку адкрытай эміграцыйнай палітыкі ў Францыі апынулася вялікая колькасць замежных рабочых, якія паклалі пачатак зараджэнню шматлікіх нацыянальных дыяспар. Нягледзячы на гістарычную і дэмаграфічную значнасць французскай эміграцыі, у беларускай і замежнай гістарыяграфіі не надавалася належнай увагі эміграцыйнай праблематыцы. У айчыннай гістарыяграфіі пакуль не існуе прац, у якіх акрэсліваліся б накіраванасць, змест і сутнасць працоўнай эміграцыі 20–30-х гг. XX ст. з тэрыторыі Заходняй Беларусі ў Францыю. Прадстаўнікі польскай гістарыяграфіі разглядалі дадзенае пытанне толькі ў агульным кантэксце эміграцыі з міжваеннай Польшчы, не вывучалі асаблівасці эміграцыяў з заходнебеларускіх зямель [1 – 4]. Таму мэтай дадзенага артыкула з'яўляецца рэканструкцыя эміграцыйных працэсаў з Заходняй Беларусі ў Францыю ў 1920–1930-я гг. Навуковая навізна артыкула заключаецца ў тэматычнай накіраванасці працы. Упершыню праводзіцца аналіз працоўнай эміграцыі з заходнебеларускага рэгіёна ў Францыю, у навуковы ўжытак уводзіцца цэлы шэраг новых гістарычных крыніц.

Польска-французская эміграцыйная палітыка

Працоўная эміграцыя ў Францыю – частка сусветнага эміграцыйнага працэсу, які атрымаў распаўсюджанне ў рамках заходнееўрапейскага напрамку эміграцыі ў 20–30 гг. XX ст. Францыя прываблівала эмігрантаў высокім жыццёвым узроўнем, магчымасцю атрымаць працу і заробак. Для каардынацыі і рэалізацыі эміграцыйных працэсаў дзяржаўныя ўлады Польшчы і Францыі распрацавалі шырокую заканадаўчую базу. Першым крокам супрацоўніцтва з'явіліся перагаворы ў Парыжы 3 верасня 1919 г., пасля якіх у Варшаве была падпісана польска-французская «Канвенцыя па справах

Навуковы кіраўнік – А.М. Вабішчэвіч, кандыдат гістарычных навук, дацэнт, загадчык кафедры гісторыі славянскіх народаў Брэсцкага дзяржаўнага універсітэта імя А.С. Пушкіна

эміграцыі і іміграцыі», якая паклала пачатак польска-французскім эміграцыйным адносінам і з'яўлялася галоўным эміграцыйным дакументам на працягу ўсяго міжваеннага перыяду. У аснову канвенцыі быў пакладзены прынцып свабоднай эміграцыі, аднак у выпадку складанага сацыяльна-эканамічнага становішча адной з краін дапускалася абмежаванне эміграцыйных плыняў.

У выніку польска-французскіх перагавораў 3 лютага 1925 г. у Парыжы былі вызначаны новыя аспекты эміграцыйнай палітыкі Францыі. Адным з галоўных вынікаў перагавораў з'явілася дамоўленасць, згодна з якой у выпадку прызнання французскімі дактарамі эміграната хворым яму не дазвалялася накіроўвацца да месца працаўладкавання. Калі праз пэўны час эмігрант не станавіўся працаздольным, то ён падлягаў рэпатрыяцыі: польскае консульства выдавала бясплатную візу і грошы на зваротны шлях.

Пасля польска-французскіх перагавораў 14 лістапада 1920 г. была вызначана сацыяльная праграма па абароне эмігрантаў, яе галоўныя моманты былі замацаваны ў «Канвенцыі па пытаннях дапамогі і сацыяльнай абароны». Польскія эмігранты па пытаннях сацыяльнага страхавання і бальнічных лістоў ураўнаваліся з французскімі рабочымі, а ў выніку бесперапыннай 15-гадовай працы ў Францыі ім выдзяляліся пенсійныя выплаты з фонду сацыяльнага страхавання [1, с. 65]. Пытанні сацыяльнага забеспячэння шахцёраў і работнікаў горназдабываючай прамысловасці акрэсліваліся ў «Канвенцыі сацыяльнага страхавання шахцёраў» ад 29 снежня 1929 г. [5, л. 2]. У 1935 г. Міністэрствам працы і сацыяльнай абароны Польшчы быў падрыхтаваны законапраект «Генеральнай канвенцыі сацыяльнага страхавання», аднак ён не атрымаў далейшага ажыццяўлення.

Актывізацыю эміграцыйных рухаў у 20–30 гг. XX ст. выклікала сітуацыя на рынку працы ў Францыі: кан'юнктура яе рынку была зацікаўлена ў замежнай працоўнай сіле, сярод якой прадстаўнікі польскай працоўнай эміграцыі сталі займаць значнае месца. Паводле афіцыйных даных французскіх статыстычных улад, у 1929 г. у Францыю іміграваала 179321 чалавек, з якіх 81508 (45%) складалі польскія эмігранты [6, с. 66–67].

Як сведчаць афіцыйныя звесткі Упраўлення статыстыкі працы Польшчы, з заходнебеларускага рэгіёна ў Францыю эміграваала ў 1927–1938 гг. 19380 чалавек, што складала 12,1% еўрапейскай эміграцыі і 6% ад агульнай колькасці польскіх эмігрантаў у Францыю (гл. табліцу 1) [7, с. 424–425].

Табліца 1 – Статыстычныя паказчыкі міжваенай эміграцыі (1927–1938 гг.).

Эміграцыя / Тэрыторыя	**Эміграцыя ў Францыю (тыс. чалавек)**	**Эміграцыя ў еўрапейскія краіны (тыс. чалавек)**	**Агульная кол-ць эмігрантаў**
Заходняя Беларусь	19380	111747	201480
Польшча	326628	918897	1320723

Заўвага – Табліца складзена паводле даных: Gawryszewski, A. : Ludność Polski w XX wieku. – Warszawa : Instytut Geografii i Przestrzennego Zagospodarowania im. Stanisława Leszczyńskiego PAN, 2005. – S. 424–425.

У канцы 1920-х гг. французская эканоміка знаходзілася ў складаным эканамічным становішчы, што выклікала рэзкае павелічэнне ўзроўню беспрацоўных і паніжэнне колькасці рабочых-імігрантаў. Так, у 1927–1928 гг. з тэрыторыі Навагрудскага ваяводства ў Францыю выехаў 151 чалавек, Віленскага – 420, Палескага ваяводства – толькі 38 чалавек (гл. табліцу 2) [8, с. 102–103].

Сусветны эканамічны крызіс, які ў 1929 г. ахапіў еўрапейскія краіны, у Францыі праявіўся толькі ў пачатку 1930-х гг., што прывяло да павелічэння колькасці польскіх

імігрантаў. Для прадухілення масавых эміграцыйных плыняў французскі ўрад вымушаны быў прыняць шэраг дэкрэтаў, якія мелі абмежавальны характар і выклікалі пашырэнне працэсу рээміграцыі [9, с. 232]. На працягу 1926–1937 гг. эміграцыя ў Францыю была найбольш пашырана ў Віленскім ваяводстве, з якога выехала 8429 чалавек (табліца 2).

Табліца 2 – Дынаміка эміграцыйных працэсаў з заходнебеларускага рэгіёна ў Францыю (1926–1937 гг.)

Год / Ваяв-ва	1926	1927	1928	1929	1930	1931	1932	1933	1934	1935	1936	1937	Усяго ў 1926-1937
Навагрудскае	67	17	134	2023	976	79	24	51	14	1	38	88	3512
Віленскае	755	212	208	3230	2876	560	81	95	79		63	261	8429
Палескае	36	5	33	31	195	22	7	13	7	0	17	22	388
Усяго	-	-	32145	81508	86500	28396	8133	11427	8028	1360	8373	33026	298896

Заўвага – Табліца складзена паводле даных: Kopeć, B. Wychodźtwo sezonowe z ziemi wileńskiej do Łótwy / B. Kopeć. – Wilno : Znicz, 1938. – 176 s.

У сярэдзіне 1930-х гг. у французскай эканоміцы адбылося паглыбленне крызісных з'яў, што выклікала дэпартацыю прамысловых рабочых з вялікім вопытам працы (10–15 гадоў). Рабочых датэрмінова звальнялі, не выплачвалі заработную плату, а ў некаторых выпадках эмігрантаў пакідалі без сродкаў на зваротны шлях. На сельскагаспадарчых рабочых не распаўсюджвалася прымусовае высяленне. Французская рээміграцыя была выклікана пашырэннем беспрацоўя ў краіне [10, с. 65].

У 1936 г. Народны фронт на чале з Альбертам Саро прыпыніў працэсы дэпартацыі замежных рабочых і палепшыў умовы працы імігрантаў. З прыходам у 1938 г. да ўлады ўрада Э. Даладзье аднавілася абмежавальная эміграцыйная палітыка. 2 мая 1938 г. быў выдадзены дэкрэт «Аб арганізацыі кантролю за замежнымі работнікамі» [11, л. 41].

Ва ўмовах набліжэння Другой сусветнай вайны эміграцыйная палітыка французскага ўрада набыла яскрава абмежавальны характар. У красавіку 1939 г. урад Э. Даладзье выдаў распараджэнне, якое абмяжоўвала грамадскія правы іншаземцаў: забаранялася арганізацыя грамадскіх аб'яднанняў, закрываліся газеты, падлягалі дэпартацыі рабочыя-эмігранты, якія ўдзельнічалі ў хваляваннях.

Арганізацыйная структура эміграцыйных працэсаў і працэдура афармлення дакументаў

У сувязі з тым, што міграцыйныя працэсы на пачатку 20-х гг. XX ст. пачалі набываць масавы характар, для іх ажыццяўлення на тэрыторыі Францыі і Польшчы была ўтворана шырокая арганізацыйна-структурная база. Згодна з умовамі «Канвенцыі па справах эміграцыі і іміграцыі», працэсамі набору эмігрантаў у Францыі займалася Дзяржаўнае ўпраўленне пасрэдніцтва працы. За дынамікай, структурай і колькаснымі паказчыкамі эміграцыйных працэсаў сачыла Генеральная французская канфедэрацыя працы. Яна каардынавала дзейнасць французскіх работадаўцаў, арганізоўвала эміграцыйныя перамяшчэнні, якія былі дадаткам да мясцовага рынку працы, забяспечвала сацыяльныя правы працоўных імігрантаў (8-гадзінны працоўны дзень, роўная аплата працы, платныя адпачынкі), а таксама ўдзельнічала ў ратыфікацыі міжнародных міграцыйных канвенцый і г.д. [12, с. 436].

У 1924 г. аб'яднанне французскіх прадпрымальнікаў утварыла Цэнтральнае эміграцыйнае таварыства («Societe generale d'Immigration»), якое займалася масавым наборам і транспарціроўкай замежных работнікаў і мела свае прадстаўніцтвы –

«Цэнтральны камітэт каменнавугальных шахт» («Comite Central des Houilleres de France») і «Цэнтральнае паштовае бюро сельскагаспадарчых работ» («Office Central de la mail – d'oeuvre agricole»). Аднак некаторыя французскія работадаўцы самастойна, без пасрэдніцтва Цэнтральнага эміграцыйнага таварыства, арганізоўвалі набор эмігрантаў. Так, напрыклад, Саюз рабочых жалезаздабываючых руднікоў праводзіў набор польскіх і італьянскіх работнікаў, закладваў для іх спецыяльнае пасяленне [6, с. 68]. Канкурэнцыю вышэйадзначаным арганізацыям складала «Federation des Employeurs de Main-d'Oeuvre Agricole de France», якая неаднаразова рабіла намаганні для атрымання дазволу на вярбоўку эмігрантаў у роўнай колькасці і на аднолькавых умовах з Цэнтральным эміграцыйным таварыствам [13, л. 40].

У 1927 г. было ўтворана польска-французскае земляробчае таварыства «Societe d'Expansion Agricole et Coloniale» («Agricolon»), якое ў мясцовасці Вілемур-сур-Тару (дэпартамент Гаўтэ Гароне) арганізавала сваё першае сельскагаспадарчае пасяленне [14, с. 199]. У справах сумеснай дзейнасці Каланізацыйны сектар Эміграцыйнага сіндыката супрацоўнічаў з «Impress Nacional» (Парыж), «Expansion Coloniale» (Парыж), «Каланізацыйнай уласнасцю» (Тулуза) [15, л. 31].

У 1925 г. паміж Польшчай і Францыяй была падпісана консульская канвенцыя, якая акрэслівала дзейнасць, абавязкі і функцыі консульскіх устаноў. На тэрыторыі Францыі дзейнічала восем польскіх консульстваў – у гарадах Парыж, Бардо, Гаўр, Ліль, Марсэль, Ніца, Страсбург і Ліен. Пры польскім пасольстве ў Парыжы дзейнічала Упраўленне эміграцыйнага саветніка, якое абараняла маральныя і матэрыяльныя інтарэсы эмігрантаў, пад кіраўніцтвам якога знаходзіліся ўсе польскія консульствы ў Францыі. Рэлігійная апека над эмігрантамі ажыццяўлялася 39 святарамі пад кіраўніцтвам Польскай каталіцкай місіі ў Парыжы [16, с. 92].

Працоўныя эмігранты падзяляліся на наступныя катэгорыі: мужчыны ад 21 да 40 гадоў, якія накіроўваліся на зямельныя, рудніковыя і прамысловыя працы; земляробы; жанчыны ва ўзросце ад 21 года (яны ў асноўным былі задзейнічаны ў земляробстве і ткацтве, павінны былі валодаць пісьмом і чытаннем); родныя і сваякі эмігрантаў [17, л. 11, 16].

Кантынгент эмігрантаў вызначаўся французскім бокам і залежаў ад кан'юнктуры і сітуацыі на рынку працы. Акрамя таго, колькасць плануемых французскім урадам рабочых рук залежала ад сезона. Сярод замежных эмігрантаў польскія рабочыя заўсёды былі запатрабаваны ў гэтай краіне, таму кожны месяц з тэрыторыі Польшчы выязджала па некалькі соцень працоўных людзей. Так, напрыклад, у ліпені 1925 г. запатрабаванасць польскіх рабочых складала 400 шахцёраў і 470 іх памочнікаў, а таксама 2100 сельскагаспадарчых работнікаў (пераважна жанчын). З тэрыторыі Заходняй Беларусі планавалася набраць: з Гродна – 10 памочнікаў шахцёраў і 130 сельскагаспадарчых работнікаў, з Баранавічаў – 10 памочнікаў шахцёраў і 50 сельскагаспадарчых работнікаў [18, с. 1]. У верасні 1925 г., калі палявыя работы былі закончаны, запатрабаванасць у польскіх рабочых была зніжана да 200 некваліфікаваных прамысловых работнікаў і 1500 земляробаў – з Заходняй Беларусі (Гродна) 40 некваліфікаваных работнікаў і 50 зямельных. У 1928 г. з Гродна рэкрутавалася 20 чалавек – 10 жанчын і 10 мужчын [19, с. 1].

Працэдура афармлення эміграцыйных дакументаў залежала ад віду працоўнай эміграцыі. Як правіла, сезонная, ці працоўная эміграцыя ў Францыю была калектыўнай і складалася з прадстаўнікоў беларускай, украінскай і часткова польскай нацыянальных груп, пастаянная эміграцыя была прадстаўлена польскім і яўрэйскім насельніцтвам. Эміграцыя падзялялася на калектыўную і індывідуальную. Першая ажыццяўлялася праз набор рабочых-эмігрантаў французскім Цэнтральным эміграцыйным таварыствам і яго прадстаўніцтвамі. Праезд эмігрантаў ажыццяўляўся за кошт французскіх

прадпрымальнікаў. Эмігранты ў пісьмовай форме павінны былі звярнуцца ва Упраўленне пасрэдніцтва працы, дзе ў вызначаны дзень у прысутнасці дэлегата французскай місіі адбывалася рэгістрацыя кандыдатаў на выезд. Затым эмігрантаў накіроўвалі да пунктаў збору ў Познані і Мыславіцах, дзе знаходзіліся прадстаўнікі французскай эміграцыйнай місіі і эміграцыйныя інспектары, якія выконвалі функцыі прадстаўнікоў французскага Эміграцыйнага ўрада. Так, напрыклад, праз зборны пункт Мыславіцы ў жніўні 1930 г. з Брэста выехала 59 чалавек (22 – на цукровыя заводы), у верасні – 58 чалавек, у кастрычніку – 18 чалавек (з якіх 16 работнікаў – на прамысловасць, 2 – шахцёры) [20, л. 60, 103, 105, 108].

Кошт дарогі работнікам аплачвалі работадаўцы, аднак яны мелі права з месячнага заробку адлічваць пэўную суму грошай, што з'яўлялася заручэннем ад разрыву кантракта з боку эмігранта. Родных эмігранта 60% ад кошту праезда аплачваў работадаўца, астатнія 40% – эмігрант з уласных сродкаў. Эмігранту дазвалялася бясплатна правозіць багаж да 30 кг, звыш нормы – за 1 кг багажу плацілі 1 польскі злоты [16, с. 32].

Індывідуальная эміграцыя ажыццяўлялася пры наяўнасці імянных запрашэнняў ад работадаўцаў і працоўных кантрактаў. Эміграцыйныя запрашэнні павінны былі быць адпаведнага ўзору і колеру: для вугальных шахт – сіняга, ля капальняў жалезнай руды – чырвонага, для прамысловасці – жоўтага, сельскай гаспадаркі – белага [21, с. 341]. Акрамя таго, ад эмігрантаў з запрашэннямі патрабавалася даведка аб іх матэрыяльным стане і абавязковае медыцынскае пасведчанне. Яно давала падставу для атрымання пасведчання на замежны пашпарт, якое выдавала староства. Консульскія візы эмігранты атрымлівалі ў французскім консульстве пры наяўнасці дакумента з Францыі і медыцынскага агляду, у 1929 г. французскія візы каштавалі 5 злотых. Пры індывідуальнай эміграцыі неабходны былі нямецкая (1 зл. 80 гр.), чэшская (2 зл. 65 гр.) і бельгійская (2 зл. 50 гр.) транзітныя візы, якія магчыма было атрымаць на мяжы [18, с. 25]. Праезд эмігрантаў ажыццяўляўся за ўласны кошт з 60-працэнтнай кампенсацыяй работадаўцам.

Нярэдка ў польскай прэсе публікаваліся аб'явы аб адкрыцці фабрык і заводаў на тэрыторыі Францыі, куды аб'яўляўся неабмежаваны набор рабочых-эмігрантаў. Кожнаму жадаючаму выехаць на працу неабходна было запоўніць фармуляр і далучыць да яго 40 злотых [22, с. 4]. Акрамя таго, працадаўцы свавольна пазбаўлялі эмігрантаў ідэнтыфікацыйных карт, тым самым не адбывалася замацаванне эмігрантаў за месцам працы. Неаднаразова правапарушэнні назіраліся з боку эміграцыйных пасрэднікаў. Самы яркі прыклад звязаны з аферай А. Манька, дырэктара турыстычнага бюро «Voyages France-Pologne» ў Парыжы, які за 1934–1938 гг. перавадной дзейнасці прысвоіў каля 80 тыс. франкаў. Падобныя сітуацыі назіраліся і ў іншых гарадах Францыі. Акрамя таго, нярэдка самі эмігранты былі заўважаны ў падробцы запрашэнняў, замежных пашпартоў, консульскіх віз і інш. У 1930-я гг. на тэрыторыі Палесся паліцыя раскрыла некалькі выпадкаў падробкі дакументаў. У сувязі з тым, што пры афармленні эміграцыйных дакументаў пачалі з'яўляцца фальшывыя візы, Эміграцыйнае ўпраўленне ў 1929 г. прыняло рашэнне аб непасрэднай дастаўцы візавых дакументаў Генеральнага консульства Польшчы ў Парыжы ва Упраўленне пасрэдніцтва працы.

Эміграцыйнае ўпраўленне ў красавіку 1929 г. вызначыла спіс французскіх фірм, якім забаранялася прадастаўляць эміграцыйныя паслугі: «Таварыства кавалёў у Арс-сюр-Мазэль» («Societe des Forges et Boulonneries d' Ars-sur-Moselle»), «Кампанія Леон Берг, Ленс, Арас-роуд» («Entreprise Leon Berge, Lens, Route d'Arras») (Па-дэ-Кале), «Кампанія шахцёраў у Кармо» («Societe des Mines des Carmaux») (Тарн), «Браты Савот і Альберт» («Savot Freres et Cie, Albert») (Сома) і інш. [23, л. 4].

У канцы 20 – пачатку 30-х гг. XX ст. на тэрыторыі Францыі дзейнічалі прыватныя фірмы, якія праводзілі агітацыю, набор польскіх землеробаў і рабочых, ажыццяўлялі пасрэдніцтва пры набыцці зямлі і маёнткаў у Францыі і продажы маёмасці ў Польшчы. Сярод такіх прадстаўніцтваў былі «Цэнтральнае сельскагаспадарчае агенцтва», «Польскае інфармацыйнае бюро» ў Ленсе, «Цэнтральнае інфармацыйна-гандлёвае агенцтва», «Зямельнае агенцтва Jean Pagua» і інш. Супрацоўнікамі Варшаўскага эміграцыйнага сіндыката было ўстаноўлена, што агенты дадзеных фірм заключалі фіктыўныя кантракты з эмігрантамі, прадстаўлялі няпоўную інфармацыю пра ўмовы працаўладкавання ў Францыі [24, л. 16, 87, 88]. Напрыклад, агенты фірмы «Agence Generale Agricole» Е. Шміта ў Ленсе заключалі фіктыўныя працоўныя кантракты з польскімі работнікамі з далейшай эміграцыяй у Францыю, затым разрывалі кантракт і забіралі на розных падставах грашовыя сродкі, пакідаючы эмігрантаў без сродкаў для існавання [20, л. 151]. Пры афармленні эміграцыйных дакументаў з французскага боку назіраліся неаднаразовыя злоўжыванні, якія асабліва праяўляліся падчас медыцынскіх аглядаў на зборных станцыях.

Транспарціроўка і працаўладкаванне эмігрантаў

Працэс транспарціроўкі рабочых-эмігрантаў ажыццяўляўся двума шляхамі – сухапутным (чыгункай) і марскім (караблямі). Падарожжа хуткім цягніком з польскай мяжы (Катавіцэ – Прага – Егер – Страсбург) займала двое сутак. Дарожны білет трэцяга класа ў такім цягніку каштаваў прыкладна 142 злотыя, на звычайныя цягнікі (3–5 сутак) – каля 100 злотых [25, л. 36].

Паслугі па марской транспарціроўцы эмігрантаў аказвала мараходнае таварыства «Compagnie Generale Transatlantique», прадстаўніцтвы якога знаходзіліся ў Варшаве і Гдыні. Падарожжа морам працягвалася тры дні і ажыццяўлялася праз порты Гдыня і Гаўр. Кошт праезду складаў каля 133 злотых, для дзяцей з 3 да 7 гадоў аплачвалася палова кошту білета, дзеці да 3 гадоў ехалі бясплатна [18, с. 27].

У 1931 г. Эміграцыйны сіндыкат разам з Польскім бюро падарожжа «Polexpress» у Парыжы пачаў арганізацыю спецыяльных рэйсаў для эмігрантаў у Францыю. Дадзенымі рэйсамі маглі карыстацца эмігранты, якія мелі імянныя запрашэнні, рээмігранты і турысты, якія накіроўваліся ў Францыю. Ім прадастаўляліся льготны дарожны білет і бясплатная дапамога Эміграцыйнага сіндыката пры афармленні дакументаў і візавых папер, а таксама транспарціроўка эмігрантаў пад канвоем у спецыяльных вагонах.

Асноўнымі сферамі дзейнасці працоўных эмігрантаў з заходнебеларускага рэгіёна з’яўлялася праца на прамысловых прадпрыемствах, здабываючых работах і ў сельскай гаспадарцы. Узрост эмігранта мог вар’іравацца у залежнасці ад фізічнага здароўя і сілы чалавека. У 1926 г. у Францыі каля 140000 рабочых-эмігрантаў (58%) былі задзейнічаны ў здабываючай і жалезаруднай прамысловасці, дзе сярэдняя дзённая заработная плата складала 17–25 франкаў. Колькасць эмігрантаў і іх родных, занятых у сельскай гаспадарцы ў 1926 г., складала 45000 чалавек (19%). Заработная плата землеробаў вагалася ад 150 да 175 франкаў штомесячна (дадаткова вызначалася ўтрыманне) ці 300 франкаў без утрымання [26, с. 7]. Праца ў сельскай мясцовасці была менш папулярнай сярод эмігрантаў і лічылася горшай, чым у прамысловасці. У сувязі з гэтым 30 лістапада 1926 г. Міністэрства ўнутраных спраў Францыі выдала загад аб сельскагаспадарчых эмігрантах, якім забаранялася самавольна пакідаць месца працы і ўладкоўвацца на прамысловых прадпрыемствах. Акрамя таго, работадаўцы нярэдка забіралі асабістыя дакументы ў эмігрантаў, тым самым прадухіляючы спробы пошукаў новага месца працы на прамысловых прадпрыемствах.

Найбольш кампактнае пасяленне прадстаўнікоў заходнебеларускага

насельніцтва ў Францыі назіралася ў паўночных дэпартаментах – Па-дэ-Кале, Норд, Эльзас і Латарынгія, Парыжскі округ, Пікардзія. На тэрыторыі паўночнай Францыі эмігранты асвойвалі прафесіі металургічнай, будаўнічай, броварскай, тэкстыльнай, цагельнай і здабываючай прамысловасці. Вялікая колькасць эмігрантаў працаўладкоўвалася на цукровых заводах у правінцыях Барэн, Вас'ён, Шато Т'еры, Лізісюр-уорк. Заработная плата на такіх прадпрыемствах складала каля 30–50 франкаў у дзень [27, л. 7].

На тэрыторыі паўднёва-заходняй Францыі атрымала распаўсюджанне іміграцыйнае земляробства. Сярод сельскагаспадарчых імігрантаў магчыма вылучыць наступныя катэгорыі земляробаў: здольшчыкі, арэндатары, зямельныя работнікі і ўласнікі. Найбольш распаўсюджанымі формамі земляробства з'яўляліся здольшчына і арэнда [28, л. 241, 245]. У дэпартаментах Хатэ В'ена, Ло і Гарона, Шаранта Інтэра і інш. (паўднёвая і сярэдняя Францыя) распаўсюджанне атрымала здача дзяржаўных зямельных гаспадарак у арэнду [29, с. 3].

Пытанні жыллёвага забеспячэння эмігрантаў, як і ўмоў іх працы, насілі востры характар. Нярэдка назіраліся такія сітуацыі, калі замест жыллёвага памяшкання для сельскагаспадарчых рабочых адводзіліся стайні. У 1927 і 1932 гг. французскі ўрад намагаўся па палепшыць ўмовы пражывання замежных сельскагаспадарчых рабочых, аднак на практыцы прадпрымальнікі вельмі рэдка рабілі крокі ў дадзеным накірунку [30, л. 9]. Для абароны сацыяльных правоў польскіх рабочых-эмігрантаў у 1924 г. былі ўведзены пасады кантралёраў, якія павінны былі валодаць польскай мовай і ведаць звычаі работнікаў. Галоўны абавязак такіх кантралёраў заключаўся ў надзоры за выкананнем умоў працоўных кантрактаў [31, с. 2]. У 1930 г. у Тулузе быў створаны Саюз польскіх земляробаў, які налічваў каля 400 чалавек. Ён займаўся сацыяльна-эканамічнымі пытаннямі дзейнасці эмігрантаў і ўдзельнічаў у культурна-асветніцкім жыцці сельскагаспадарчых эмігрантаў [32, л. 102].

Прадстаўнікамі заходнебеларускай працоўнай эміграцыі ў Францыі былі ў асноўным катэгорыі працоўных слаёў грамадства, якія мелі нізкі ўзровень адукацыі. Нешматлікая частка эмігрантаў беларускай інтэлігенцыі ў асноўным атаясамлівала сябе з палякамі. Таму ў пачатку 20-х гг. ХХ ст. гаварыць аб заходнебеларускай грамадска-асветніцкай і культурнай дзейнасці не прыходзіцца. Толькі ў канцы 20-х гадоў сярод беларускіх эміграцыйных колаў пачаў узнікаць арганізацыйны рух. Да гэтага часу існавалі толькі некалькі невялічкіх гурткоў і арганізацый у Эльзасе, Латарынгіі, на поўначы і поўдні Францыі. Яны не ставілі перад сабой пэўных мэтаў, мелі выключна сяброўска-сямейны характар. У 1927–1928 гг. у Біянкуры дзейнічаў беларускі гурток, які быў арганізаваны працаўніком фабрыкі «Рэно» па прозвішчы Сарока і налічваў каля 50 чалавек. Аднак дадзены гурток не меў афіцыйнага статусу. Пачаткам самастойнага арганізаванага руху беларускай працоўнай эміграцыі ў Францыі можна лічыць снежань 1930 г., калі быў заснаваны «Хаўрус» – культурна-асветніцкая арганізацыя беларускіх работнікаў, якая атрымала юрыдычныя правы адкрываць свае аддзяленні на ўсёй тэрыторыі Францыі [33, с. 174].

Заключэнне

У 20–30-х гг. ХХ ст. на тэрыторыі заходнебеларускага рэгіёна вядучым напрамкам кантынентальнай эміграцыі з'яўляўся выезд у Францыю. Французская эканоміка была зацікаўлена ў прытоку замежных рабочых, што абумовіла рэкордны рост ўзроўню імігрантаў. Найбольшымі нацыянальнымі іміграцыйнымі групамі Францыі з'яўляліся палякі, італьянцы і іспанцы. Працэсамі каардынацыі іміграцыйных плыняў займалася Генеральная французская канфедэрацыя працы, якая ажыццяўляла кантроль за маштабамі, дынамікай і структурай іміграцыі. Для ажыццяўлення

пасрэдніцкай дзейнасці ў 1924 г. было ўтворана прыватнае аб'яднанне французскіх работадаўцаў «Цэнтральнае эміграцыйнае таварыства», якое займалася масавым наборам і транспарціроўкай замежных работнікаў. Эміграцыя ў Францыю была калектыўнай, калі прадстаўнікі французскіх фірм праводзілі масавы набор польскіх работнікаў і арганізоўвалі іх транспарціроўку, і індывідуальнай – эмігранты самастойна на падставе запрашэнняў ці працоўных кантрактаў афармлялі эміграцыйныя дакументы і накіроўваліся ў Францыю. Найбольш кампактнае працаўладкаванне заходнебеларускіх эмігрантаў назіралася ў паўночных дэпартаментах Францыі – Па-дэ-Кале, Нордзе, Эльзасе і Латарынгіі, Пікардзіі, Парыжскай акрузе. Асноўнымі сферамі дзейнасці эмігрантаў былі праца на прамысловых прадпрыемствах і сельскагаспадарчыя работы. Умовы працы і жыцця эмігрантаў не заўсёды адпавядалі санітарна-гігіенічным нормам, што неаднаразова вымушала іх мяняць месца працы, нягледзячы на пратэсты работадаўцаў і заканадаўчыя нормы эміграцыі. Культурна-асветніцкая дзейнасць заходнебеларускіх эмігрантаў да канца1920-х гг. развівалася ў кантэксце польскай дыяспары, толькі ў пачатку 1930-х гг. яна набыла рысы самастойнасці.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. Janowska, H. Polska emigracja zarobkowa we Francji w latach 1919–1939 / H. Janowska. – Warszawa, 1964. – 267 s.
2. Kołodziej, E. Dzieje Polonii w zarysie 1918–1939 / E. Kołodziej. – Warszawa, 1991. – 336 s.
3. Niemyska-Hessen, M. Reemigracja z Francji w dobie kryzysu / M. Niemyska-Hessen. – Warszawa : Wydawnictwo Instytutu Gospodarstwa Społecznego, 1939. – 84 s.
4. Rozwadowski, J. Emigracja polska we Francji / J. Rozwadowski. – Lille : Wydawnictwo Polskiego Uniwersytetu Robotniczego we Francji, 1927. – 202 s.
5. AAN. – Zespół MSZ. – Sygn. 9664. Польска-французская дарадчая камісія ў эміграцыйных справах. Перагаворы ў справах набору, транспарціроўкі, умоў побыту і працы польскіх работнікаў. Рапарты, пратаколы, нататкі, мапы, праект, інструкцыя (1935, 1939 гг.).
6. Wertheim, B. Pracodawcy i pracownicy a współczesne zagadnienie migracyjne w latach 1919–1931 / B. Wertheim. – Warszawa : Biblioteka prawnicza, 1934. – 105 s.
7. Gawryszewski, A. Ludność Polski w XX wieku / A. Gawryszewski. – Warszawa : Instytut Geografii i Przestrzennego Zagospodarowania im. Stanisława Leszczyńskiego PAN, 2005 r. – 622 s.
8. Kopeć, B. Wychodztwo sezonowe z ziemi wileńskiej do Łótwy / B. Kopeć. – Wilno : Znicz, 1938. – 176 s.
9. Cheimicki, T. Powrut wychodźców z Francji w latach 1935 i 1936 // Statystyka Pracy: Wydawnictwo Głownego Urzedu Statystycznego, 1937. – S. 232–235.
10. Дзяржаўны архіў Гродзенскай вобласці (далей ДАГВ). – Фонд. 541. – Воп. 1. – Спр. 277. Дакументы аб выдачы дазволу на выезд за мяжу (пратаколы, заявы, пасведчанні, даведкі і інш.). 1923 г.
11. ДАБВ. – Фонд 2082. – Воп. 1. – Спр. 44. Цыркуляры эміграцыйнага сіндыкату аб афармленні дакументаў і эміграцыі ў Францыю і Бельгію; спісы эмігрантаў.
12. Sukiennicki, H. Obrona interesów zawodowych emigranta polskiego we Francji / H. Sukiennicki // Kwartalnik Instytutu naukowego do badań emigracji i kolonizacji.– Warszawa: Wydawnictwo Polskiego Towarzystwa Emigracyjnego, 1928.– T. 2–3. – S. 436–446.

13. AAN. – Zespół MSZ. – Sygn. 9663. Польска-французская дарадчая камісія ў эміграцыйных справах. Перагаворы ў справах набору, транспарціроўкі, умоў побыту і працы польскіх работнікаў. Рапарты, пратаколы, нататкі, мапы, праект, інструкцыя (1939 г.).

14. Klinowicz, S. Kronika zagraniczna z Francji / S. Klinowicz // Kwartalnik Instytutu naukowego do badań emigracji i kolonizacji.– Warszawa : Wydawnictwo Polskiego Towarzystwa Emigracyjnego, 1927.– T. 3. – S. 192–200.

15. AAN. – Zespół MSZ. – Sygn. 9578. Палажэнні польскай эміграцыйна-асадніцкай палітыкі. Арганізацыя эмігрантаў. Пратаколы, рапарты, нататкі, карты (1934, 1935 гг.).

16. Wskazówki dla wychodztwa do Francji (Mała biblioteka emigranta polskiego № 1). – Warszawa, 1929. – 96 s.

17. ДАБВ. – Фонд 2082. – Воп. 1. – Спр. 9. Цыркуляры і ўказанні эміграцыйнага сіндыката аб эміграцыі ў Аргенціну і Бразілію.

18. Wychodztwo. – 1925. – № 26.

19. Wychodztwo. – 1925. – № 36.

20. ДАБВ. – Фонд 1. – Воп. 4. – Спр. 1542. Цыркуляры палескага ваяводы, бюлетэні Варшаўскага эміграцыйнага сіндыката, справаздачы аб дзейнасці Познаньскага эміграцыйнага сіндыката за 1929 г., спісы эмігрантаў.

21. Качараба, С.П. Еміграція з Західної України. 1919-1939 гг. : автореф. дис. … докт. істор. наук : 07.00.02 / С.П. Качараба ; НАН Украіни, Ін-т українознавства ім. І. Крип’якевича. – Львів, 2003. – 31 с.

22. Wiadomości dla emigrantow. – Warszawa, 1934. – 10 marca.

23. ДАБВ. – Фонд 1. – Воп. 4. – Спр. 1539. Цыркуляры Міністэрства працы і сацыяльнай абароны, спісы бежанцаў з СССР.

24. ДАБВ. – Фонд 1. – Воп. 4. – Спр. 1335. Цыркуляры і распараджэні эміграцыйнага сіндыкату, справаздачы яўрэйскіх таварыстваў; спісы эмігрантаў.

25. ДАБВ. – Фонд 2082. – Воп. 1. – Спр. 8. Цыркуляры эміграцыйнага сіндыката аб парадку эміграцыі ў розныя краіны Паўднёвай Амерыкі. 1936–1939 гг.

26. Wychodztwo. – 1926. – № 17.

27. ДАГВ. – Фонд 541. – Воп. 1. – Спр. 263. Дакументы аб выдачы дазвола на выезд за мяжу (пратаколы, заявы, пасведчанне, даведкі і інш.). 1922–1923 гг.

28. AAN. – Zespół MSZ. – Sygn. 9577. Палажэнні польскай эміграцыйна-асадніцкай палітыкі. Арганізацыя эмігрантаў. Пратаколы, рапарты, нататкі, карты (1928, 1934, 1935 гг.).

29. Wychodztwo. – 1927. – № 6.

30. ДАГВ. – Фонд 551. – Воп. 1. – Спр. 308. Перапіска з французскім консульствам аб легалізацыі дакументаў.

31. Wychodztwo. – 1925. – № 27.

32. AAN. – Zespół MSZ. – Sygn. 9580. Планы аб эміграцыйна-каланізацыйнай палітыцы і арганізацыі эмігрантаў. Справаздачы Міністэрства замежных спраў, мемарандумы, нататкі (1933, 1935 гг.).

33. Папоўская, Т. Беларуская эміграцыя міжваеннага перыяду ў Францыі і Аргенціне / Т. Папоўская // Беларуска-Albaruthenica: Кн. 2. / рэд. А. Анціпенка [і інш.]. – Мінск : Нацыянальны навукова-асветны цэнтр імя Ф. Скарыны, 1993. – С. 173–180.

Miarchuk V.M. **Labour emigration of population of West Belarusian lands to France in 1920–1930ies.**

The article outlines legislative and legal base of Polish-Belarusian emigration relations, its organizational structure and the process of drawing up emigration documents, the scale, dynamics and social and cultural adaptation of emigrant workers in the 20–30s of XXth. The subject of this research are West Belarusian emigrants, who headed for cities of France. The research underlines that of interest of the French market in work of foreign workers and hard social and economic status of West Belarusian population in the 20–30s of the XXth century their labour emigration to France becomes widespread. The article includes a conclusion that activities of French entrepreneurs during the whole interwar period complied with the principles of free emigration. For supporting and widening of emigration flows the authorities of the two countries drew up emigration conventions and agreements, which were a basis for emigration.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 28.04.10

УДК 101 : 36 + 124.5

П.П. Можейко

ХРИСТИАНСКОЕ ПОНИМАНИЕ ВНУТРЕННЕГО МИРА ЧЕЛОВЕКА КАК ФАКТОР СТАНОВЛЕНИЯ БАЗИСНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ТЕХНОГЕННОГО ОБЩЕСТВА

Статья посвящена философскому осмыслению идеалов раннего христианства как одногоиз факторов генезиса социокультурных ценностей техногенного общества. Необходимость обращения к истокам базисных ценностей этого общества обусловлена актуальностью данной проблематики в современной философской аксиологии. В статье особое внимание уделено анализу идеалов раннего христианства при исследовании внутреннего мира человека.

Введение

В последнее время принципиально новую роль в процессе взаимодействия разных культур и цивилизаций играют мировые религии. Влияние религиозных установок на становление базисных ценностей социума может носить как конструктивный характер, задав человечеству новое духовное измерение, предложив социокультурные механизмы взаимодействия разных стран в XXI веке, так и негативный, акцентировав несовпадение аксиологических установок разных религий, культур и цивилизаций.

Христианские идеалы интересны потому, что на протяжении двух тысяч лет они играют важную роль в развитии культуры. Их теоретическая реконструкция и исследование «встроенности» в социокультурную парадигму техногенного общества теоретически насущны и практически востребованны. Исследование генезиса идеалов раннего христианства как одного из формообразующих элементов социокультурных ценностей техногенного общества имеет самое непосредственное отношение к проблеме осознания его современного состояния. Это способствует прояснению причин кризисных явлений в культуре данного общества и поиску путей их локализации и преодоления. Важнейшее значение для исследования социокультурных ценностей техногенного общества обретает обращение к проблеме субъективации, к факторам осмысления человеком своего «Я». С точки зрения христианского религиозно-философского сознания, любая умозрительная проблема, в том числе и познание Бога, имеет своей предпосылкой и исходным началом самосознание человека, его внутренний мир [1, с. 61].

Христианство обратило внимание на одну из главных особенностей человека: он одновременно живёт в двух мирах – в мире внешнем и мире внутреннем. И если первой составляющей жизни человека было уделено достаточно много внимания античными мыслителями, то вторая практически находилась за скобками их философского дискурса. Для мыслителей эпохи патристики вся вселенная сосредоточена между двумя полюсами – Богом и человеком. Человек – главное и любимое творение Бога. Забота о нем составляет основную задачу божественных поступков и помыслов, считают христианские богословы.

Ещё одна сторона учения о человеке, которую открыло христианство, – это область души, поэтому человек и сам стал пристальнее всматриваться в себя. А. Тойнби замечает по этому поводу: «...высшие религии – тот единственный путь жизни, который способен вывести человека к таким горизонтам, что он сможет познать истинные проблемы души, осуществить поиск истины и выбрать направление для достижения духовной цели» [2, с. 217].

Каждый человек наделён Богом неповторимой телесной структурой. Но также каждый человек наделён и неповторимой душой. Поэтому важнейшей чертой челове-

ка, с точки зрения христианства, становится постоянное обращение к собственному духовному миру, непрерывное сопряжение собственных замыслов и внутренних побуждений с евангельскими заповедями. «Царство Божие внутри вас есть» [3, с. 87]. Вследствие этого, на взгляд христианских идеологов, в своей духовной жизни для человека важно не терять своей личности, своей внутренней неповторимости [3, с. 254].

Христианство требует от человека внимательно вслушиваться в самого себя, соизмеряя свои поступки с голосом совести и своим высоким предназначением. Тем самым оно создаёт и обосновывает новые ценности человеческого бытия, нестандартно интерпретируя одну из установок античной философии: «Человек есть мера всех вещей» [4, с. 68].

Переход из пространства внешнего мира во внутреннее «пространство» человеческого духа – одна из основных установок христианской религии. Она выражена знаменитой фразой Августина Аврелия в его работе «Об истинной религии»: «Не блуждай вне, вернись к самому себе, ибо истина обитает во внутреннем человеке» [5, с. 347].

Обосновав религиозным авторитетом внимание человека к своей личности, христианство призывает человека быть человеколюбивым, утверждая, что совесть является одной из основных его характеристик. Само понятие совести не являлось установкой античной культуры. Большинство людей того времени просто не рефлексировало над тем, что это такое. Только христианская религия впервые в истории сознательно подняла голос в защиту «униженного, оскорблённого», «маленького человека». Её адепты теоретически аргументируют и доказывают, что человек должен быть прежде всего гуманным. Безусловно, и раньше человек искал духовные идеалы. «Проблема поиска духовных идеалов была для человека и человечества одной из наиболее важных и актуальных задач» [6, с. 223]. Но христианство задаёт совсем другой вектор этим поискам. Сложно себе представить больший переворот в нравственности поздней античности, чем притчу о добром самаритянине, изложенную в Евангелии, в которой обосновывается гуманизм по отношению не только к своим соплеменникам, но и ко всему человечеству [3, с. 78].

Переход от античного «космоцентризма» к христианской антропологии и сопровождавшая его «переоценка ценностей» включали в себя пересмотр воззрений на сущность и предназначение человека. «Горизонт науки ограничен рамками природы, горизонт идеологии – рамками общественной жизни, но человеческую душу невозможно заключить в какие-нибудь из этих рамок», – замечает по этому поводу А. Тойнби [2, с. 217].

Внутренние противоречия индивида и его душевные конфликты рождают конфликты внешние, втягивают человека, а с ним и человечество в цепь трагических противоречий, утверждают средневековые философы. Изучение мира внутреннего помогает постигать мир внешний. Другими словами, наличествующая в сознании картина мира формируется не только в результате отражения внешней реальности, но и за счет собственной активности сознания. Конкретными механизмами реализации данной особенности сознания могут выступать, например, такие когнитивные свойства, характерные для научной рациональности, как возможность создавать концепты, не имеющие реальной основы, но способствующие ассоциативному мышлению.

Названные свойства позволяют заключить, что «взгляд внутрь себя», помимо экзистенциальной функции, несет в себе также функцию проекции содержания внутреннего мира на окружающую действительность. Тем самым утверждается новое качество человека – внешняя свобода определяется свободой внутренней. Важнейшим фактором прогресса средневекового общества становится уже не только допускаемая, но в значительной мере поощряемая и даже культивируемая христианством личная, экономическая и социальная свобода.

Эта нравственная амбивалентность, во многом характерная также и для всей средневековой философии, с одной стороны, способствовала появлению ценностной установки свободно принимать решения, с другой – соизмерять свои поступки с социальными нормами. Новый характер нравственности проявляется ещё и в том, что все её добродетели и императивы, каким бы ни был их объект, вытекают из внутреннего мира человека.

В средневековой философии, в связи с рассмотрением комплекса вопросов о соотношении свободной воли, предопределения и благодати, то есть проблематики, задаваемой, в частности, драматическими дилеммами между «упреждающим» будущее предопределением и устремленным в будущее свободным конструированием социальной среды утверждался статус свободной воли.

Свобода – свойство воли, утверждало христианство, а не свойство разума, как ее понимали античные философы. Так христианством разрешается парадокс Сократа о возможности понимать благо и все же творить зло [4, с. 85]. Разум принимает, но воля отвергает благо, поскольку она, хотя и принадлежит человеческому духу, имеет свою автономию, образуя оппозицию разуму. Разум познает, но выбирает воля: ее выбор может быть иррациональным, не имеющим разумного обоснования. Воля вместе с разумом, становится стержневой характеристикой человека. Если в античности центр этики составляло знание, то в средние века появляется новая ярко выраженная тенденция – перенести основу этики из знания в веру, из разума в волю, из внешнего мира в мир внутренний [3, с. 194].

Важнейшим элементом мировоззрения раннего христианства выступает понятие «внутренний человек». Апологеты утверждают, что рождение личности возможно исключительно её собственными усилиями, внутренними установками, которые не возникают случайно, а формируются в процессе приобщения к культуре [7, с. 135]. Можно утверждать, что христианская культура вводит человека в духовный строй, в котором происходит его самопонимание, осознание того, что изменение мира возможно только и, прежде всего, как результат внутреннего изменения самого себя.

С христианской точки зрения, предназначение человека включает совершенствование, улучшение, очищение не только своего внутреннего духовного мира, но и мира материального. Такие наивные, на первый взгляд, обращения христианской религии к каждому человеку имели далеко идущие последствия, оказав существенное влияние на становление ценностных установок не только средневековой, но и современной Европы.

В средневековой культуре появляется своеобразный способ исследования своего «Я» – исповедь. Это определенный вид духовного творчества, когда объектом рефлексии становится не человеческий индивидуум, а личность самого исповедующегося, что стимулирует умение совершать самоанализ, нравственный самоотчёт. Тем самым внешние способы церковной регламентации заменялись гораздо более действенными формами самоконтроля. Данный акт стал важнейшим этапом на пути формирования европейского индивида со всеми его достоинствами и недостатками и послужил своеобразным фундаментом для экспликации проблематики совести [8, с. 151].

«Исповедь» Августина Аврелия – это первый опыт всеобъемлющего самоанализа в христианстве, осуществляемого не через сопоставление человека и окружающей действительности, а через сопоставление его с Богом (этическим идеалом), с одной стороны, и посредством проникновения в глубины собственного «Я» – с другой. Диалог человека с Богом Августин Аврелий делает инструментом самопознания, попыткой исследования своего сложного внутреннего мира. Основополагающим вопросом «Исповеди» Августина становится вопрос о сущности человека и его предназначения. Этот «вечный» вопрос он пытается решить не абстрактно, не вообще о человеке, а вполне конкретно: это проблема конкретного «Я», человека как неповторимой индиви-

дуальности. «Стал я сам для себя великой загадкой и спрашивал душу свою, почему она так печальна и почему так смущает меня, и не знала она, что ответить мне», – говорит христианский апологет [9, с. 60].

Утилитарное обоснование обязанности человека делать добро другим, а также и внешний юридический характер этой обязанности в философии долга устраняется, и эта обязанность выводится из самого человека как выражение его нравственной природы. Человек должен делать добро не затем, чтобы обязывать благодарностью себе, а затем, чтобы раскрыть свою нравственную природу. Индикатором такого нравственного совершенства личности является бескорыстное служение людям. «Христианство привносит в историю европейской этики осознание бездонных глубин человеческого существа, так как полагает в его основании изначальную антиномичность между тем, что я хочу, и тем, что я реально делаю» [8, с. 151].

Христианство акцентирует внимание на том, что познание своего внутреннего мира в определенном смысле есть припоминание на основе собственного опыта, хотя сам процесс мышления и невозможно понять. Схожую мысль затем высказывает Риккерт: «Механизм нашего мышления нам совершенно не известен. Мы только можем указать на три факта мышления: 1) символ; 2) ассоциации; 3) слово, которое само по себе относится к динамической символической системе» [10, с. 334].

Техногенное общество во многом ориентировано на индивидуальность человека, где его бытийствование и долженствование проверяется «внутренним камертоном». Такая установка впервые появляется в раннехристианской аксиологии. Христианство утверждает, что сущность личности реализуется не в полисе или государстве, она открывается во внутреннем мире человека и доступна каждому вне зависимости от происхождения и интеллектуальных способностей. Отсюда вытекает следующий тезис: личность несет ответственность за свои слова и поступки не только перед Богом, но также и перед обществом.

Таким образом, в средневековой философии история самосознания разворачивается как история души, история познания самого себя и познания Бога, как путь самосовершенствования личности. Наработанное в средневековье умение человека обращать внимание на свой внутренний мир стало одним из оснований социокультурных ценностей техногенного общества. Все это указывает на переход к более высокой ступени самосознания личности, когда возрастает самоконтроль и увеличивается ответственность в деятельной сфере. Между личностью и сферой деятельности был «встроен» своеобразный аппарат самоконтроля, получивший дальнейшее развитие в «этике ответственности», характерной для техногенного общества.

Заключение

Христианство создает свою, непохожую ни на какую другую, антропологию: человек через Логос причастен Богу и поэтому двуедин: он ноуменально-феноменален. Душа и сущность человека – ноуменальны, но его социальное бытие – феноменально. Христианские мыслители впервые взглянули на жизнь человечества как на целостный исторический процесс. Средневековая философия впервые рассматривает человека как личность, которая обладает внутренней свободой, реализующейся в самостоятельно мотивированных поступках, и несет ответственность за их результат.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Делёз, Ж. Что такое философия? / Ж. Делёз, Ф. Гваттари. – СПб. : Алетейя, 1998. – 288 с.

2. Тойнби, А. Дж. Цивилизация перед судом истории : сборник / А.Дж. Тойнби. – М. : Рольф, 2002. – 592 с.

3. Библия. Минск, PICORP, 1996. – 294 с.

4. Асмус, В.Ф. Античная философия / В.Ф. Асмус. – М. : Высшая школа, 1998. – 400 с.

5. Августин, Б. Об истинной религии. Учитель / Б. Августин. – М. : АСТ, 2003. – 440 с.

6. Журавель, В.В. В поиске духовных идеалов: духовная культура человека / В.В. Журавель // Минск, Неман. – 2001. – № 5.– с. 223–245.

7. Гарсия, Д. О понятиях «культура» и «цивилизация» / Д. Гарсия // Вопросы философии. – 2002. – № 12. – С. 228–234.

8. Душин, О.Э. Модели совести: Фома Аквинский и Владимир Соловьёв / О.Э. Душин // Вопросы философии. – 2005. – № 3. – С. 149–151.

9. Августин Блаженный. Избранные произведения. Исповедь / Августин Блаженный – М. : изд-во Сретенского монастыря, 2006. – 320 с.

10. Риккерт, Г. Науки о природе и науки о культуре / Г. Риккерт. – М. : Республика, 1998. – 413 с.

Mozhejko P.P. **Christian understanding of the private world of the person as the factor of becoming of basic values technogenic of the society**

The article is devoted to philosophical judgement of ideals of early christianity as one genesis from factors socialcultural values technogenic societies. Necessity of the reference to sources of basic values of this society is caused by a urgency of the given problematics in modern philosophical axiological. In clause the special attention is given the analysis of ideals of early christianity at research of a private world of the person.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 02.12.09

УДК 94 (476-15) «1926/1936»

К.С. Разуванава

ДЗЕЙНАСЦЬ БЕЛАРУСКАГА ІНСТЫТУТА ГАСПАДАРКІ І КУЛЬТУРЫ НА ТЭРЫТОРЫІ ПАЛЕСКАГА ВАЯВОДСТВА (1926–1936 гг.)

Артыкул прысвечаны гісторыі стварэння і дзейнасці лакальных арганізацый Беларускага інстытута гаспадаркі і культуры на тэрыторыі Палескага ваяводства ў міжваенны перыяд. У артыкуле аналізуюцца асноўныя праблемы і асаблівасці дзейнасці інстытута ў рэгіёне, а таксама разглядаецца сацыяльны склад гурткоў арганізацыі ў кантэксце асаблівасцей самога рэгіёна. Акрамя характарыстыкі адносін польскіх мясцовых уладаў да дзейнасці арганізацыі, адзначаюцца прычыны слабасці яе ўплыву ў рэгіёне, а таксама ўзнімаецца пытанне аб прыналежнасці мясцовых гаспадарчых аб’яднанняў да інстытута і праблема іх вызначэння.

Уводзіны

Гісторыя дзейнасці Беларускага інстытута гаспадаркі і культуры (БІГіК) як адной з найбольш значных культурна-асветных арганізацый на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў міжваенны перыяд да гэтага часу застаецца маладаследавана праблемай. Нягледзячы на шматлікія архіўныя матэрыялы (фонды Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь, Дзяржаўных архіваў Гродзенскай і Брэсцкай абласцей, Занальнага дзяржаўнага архіва ў г. Маладзечна, Беларускага Дзяржаўнага архіва-музея літаратуры і мастацтва, аддзела рэдкіх кніг і рукапісаў Цэнтральнай навуковай бібліятэкі імя Я. Коласа), значную колькасць перыядычных выданняў, што захаваліся з тых часоў і падаюць даволі яснае ўяўленне аб спецыфіцы і асноўных кірунках дзейнасці дадзенай установы, на сённяшні дзень існуюць толькі асобныя працы, прысвечаныя гэтай праблеме (у асноўным гэта даследаванні польскіх навукоўцаў) [1; 2]. Што ж датычыцца прац па гісторыі ўзнікнення і дзейнасці асобных рэгіянальных структур інстытута, то тут давядзецца адзначыць імя толькі аднаго беларускага даследчыка – А.Ф. Вашкевіча, чые артыкулы прысвечаны асвятленню найбольш яскравых фактаў дзейнасці асобных рэгіянальных структур Беларускай хрысціянскай дэмакратыі і Беларускага інстытута гаспадаркі і культуры на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў цэлым [3; 4].

Багаты матэрыял архіўных фондаў, а таксама інфармацыя, змешчаная на старонках тагачасных перыядычных выданняў, дазваляюць разгледзець асаблівасці дзейнасці БІГіК на тэрыторыі Палескага ваяводства шляхам даследавання наступных праблем:

- спецыфіка адукацыйнай палітыкі польскай адміністрацыі ў дачыненні да беларускай нацыянальнай меншасці і яе ўплыў на асаблівасці развіцця культурна-асветных працэсаў на тэрыторыі рэгіёна;
- асаблівасці ўзнікнення і дзейнасці гурткоў БІГіК на тэрыторыі Палескага ваяводства;
- праблема вызначэння прыналежнасці кааператыўных гаспадарчых арганізацый рэгіёна да БІГіК.

Спецыфіка развіцця культурна-асветнага руху на тэрыторыі Палескага ваяводства

Аналіз асобных фондаў Дзяржаўнага архіва Брэсцкай вобласці (ф. 1 – Палеская ваяводская ўправа, ф. 59 – Папячыцельства Брэсцкай школьнай акругі, ф. 115 – Грамадскія арганізацыі моладзі Палескага ваяводства, ф. 116 – Палітычныя партыі

Палескага ваяводства, ф. 263 – Саюзы, камітэты, таварыствы сельскай гаспадаркі Палескага ваяводства, ф. 2156 – Дабрачынныя і культурна-асветныя арганізацыі, таварыствы Палескага ваяводства), а таксама ф. 880 Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь («Беларускі інстытут гаспадаркі і культуры») дазваляюць зрабіць наступныя высновы наконт спецыфікі развіцця культурна-асветнага руху і існавання адпаведных арганізацый на тэрыторыі Палескага ваяводства (паветы Брэсцкі, Драгічынскі, Кобрынскі, Косаўскі, Кашырскі, Лунінецкі, Пінскі, Пружанскі, Столінскі).

Па-першае, разглядаючы лакалізацыю мясцовых суполак БІГіК, неабходна адзначыць, што яны размяшчаліся на самым паўночным захадзе рэгіёна (Пружанскі і Косаўскі паветы); на поўдні ваяводства трывалае распаўсюджанне атрымала дзейнасць украінскага таварыства «Прасвіта»; праца Таварыства беларускай школы даволі раўнамерна ахоплівала цэнтральную і паўночна-заходнюю частку ваяводства. Такое тэрытарыяльнае размяшчэнне нацыянальных арганізацый – украінскай і беларускіх – тлумачыцца адпаведным нацыянальным складам рэгіёна (цікавай ілюстрацыяй у дадзеным кірунку побач з лічбамі перапісаў насельніцтва можа быць статыстыка нацыянальнага прадстаўніцтва ў мясцовых выбарных органах, адпаведна з якой большасць прадстаўнікоў-украінцаў прыпадае якраз на Брэсцкі, Кобрынскі, Драгічынскі і Кашырскі паветы), а таксама лакалізацыяй цэнтраў названых арганізацый (дадзены фактар з'яўляецца неабходным для ўліку пры аналізе тэрытарыяльнага размяшчэння суполак беларускіх нацыянальных арганізацый – так, нягледзячы на даволі раўнамернае прадстаўніцтва беларусаў у мясцовых органах Пружанскага, Косаўскага, Пінскага, Столінскага і Лунінецкага паветаў, найбольшая колькасць рэгіянальных суполак беларускіх нацыянальных культурна-асветных арганізацый прыпадае менавіта на Косаўскі і Пружанскі паветы як найбліжэйшыя да Вільні) [5].

Па-другое, асноўную масу нават кіраўніцтва суполак БІГіК складала сялянства або дробныя чыноўнікі, што тлумачыцца адсутнасцю нацыянальных сярэдніх і вышэйшых навучальных устаноў (пераважную большасць пачатковых і сярэдніх навучальных устаноў складалі дзяржаўныя і прыватныя польскія, а таксама яўрэйскія школы і гімназіі). Так, паказальным з'яўляецца факт, што ўжо нават у пачатку 1930-х гадоў сярод навучэнцаў Дзяржаўнай настаўніцкай семінарыі ў Пружанах у 1931/1932 навучальным годзе не было ніводнага беларуса [6]; сярод навучэнцаў дзяржаўных настаўніцкіх курсаў у Брэсце (па дадзеных на 30 студзеня 1931 г.) адзначаны толькі 4 беларусы (супраць 56 палякаў) [7]. Дарэчы, менавіта гэтым можна растлумачыць перавагу ўплыву сярод прадстаўнікоў суполак інстытута Беларускага сялянскага саюза (БСС) (па дадзеных паліцыі, большасць з лідэраў мясцовых гурткоў арганізацыі або належалі да БСС, або былі асабіста знаёмыя з яго прадстаўнікамі і падтрымлівалі праграмныя палажэнні партыі), а не Беларускай хрысціянскай дэмакратыі [8].

Умовы і асаблівасці дзейнасці гурткоў Беларускага інстытута гаспадаркі і культуры на тэрыторыі Палескага ваяводства

Найбольш поўныя дадзеныя аб часе стварэння і ліквідацыі, а таксама аб дасягненнях мясцовых суполак інстытута за час іх існавання змешчаны ў фондзе 1 («Палеская ваяводская ўправа») Дзяржаўнага архіва Брэсцкай вобласці. Так, за дзесяцігоддзе працы БІГіК тут былі створаны 4 гурткі непасрэдна падначаленыя Віленскаму аддзелу інстытута (да пераносу Цэнтральнага ўрада з Варшавы ў Вільню ў 1927 г., пасля – непасрэдна віленскай Цэнтралі) інстытута: у Ружане (Косаўскі павет), Бакунах, Дабучыне і Бярозе-Картузскай (Пружанскі павет). Спробы стварыць гурткі арганізацыі ў в. Паўловічы Пружанскага павета (у 1927 г.), а таксама в. Сянькевічы Косаўскага павета (у 1936 г.) поспехаў не мелі [9; 10].

На жаль, архіўныя фонды амаль не захавалі матэрыялаў аб дзейнасці гэтых лакальных устаноў, створаных непасрэдна яе членамі. Асноўная інфармацыя ўтрымліваецца ў справаздачах павятовых стараст і паліцыі. Так, згодна з імі, гурткі Беларускага інстытута гаспадаркі і культуры на тэрыторыі Палескага ваяводства ўзніклі па ініцыятыве вядомай дзяячкі Беларускага сялянскага саюза Кацярыны Стоўбнік, якая ў сярэдзіне 20-х гг. працавала настаўніцай у Пружанах [11].

Архіўныя матэрыялы дазваляюць скласці ўяўленне аб часе існавання названых гурткоў:

- м. Ружана Косаўскага павета: 15 кастрычніка 1926 г. – 24 верасня 1928 г.;
- в. Бакуны Пружанскага павета: 6 красавіка 1927 г. – 1 жніўня 1930 г. (старшыня Ян Лапука, скарбнік Павел Шабуня, сакратар Канстанцін Каральчук);
- в. Дабучын Пружанскага павета: 13 верасня 1927 г. – 17 кастрычніка 1930 г. (старшыня Рыгор Кураўскі, скарбнік Васіль Саўчыц, сакратар Пётр Ячычка, бібліятэкар Аляксандр Кот);
- м. Бяроза-Картузская Пружанскага павета: 8 чэрвеня 1927 г. – 28 красавіка 1931 г. (старшыня Андрэй Пазняк, скарбнік Францыск Оліхвер, сакратар Аляксандр Ляўковіч) [12, л. 2; 13, л. 1, 26, 64; 14, л. 396].

Ва ўсіх выпадках падаюцца даты афіцыйнага ўключэння і выключэння гурткоў з ваяводскага рэестра палітычных партый і грамадскіх арганізацый, аднак фактычна ўсе яны былі арганізаваны ў другой палове 1926 г.

Сярод пералічаных гурткоў найменшая колькасць дадзеных захавалася аб дзейнасці ружанскага гуртка: акрамя часу існавання, няма ніякіх іншых сведчанняў (ні імёнаў членаў праўлення, ні сведчанняў аб працы). Дарэчы, адсутнасць сярод матэрыялаў фондаў справаздач лакальных арганізацый (за выключэннем адзінага сведчання ад імя праўлення гуртка ў в. Дабучын), а таксама паведамленняў аб выніках іх дзейнасці на старонках перыядычных выданняў таго часу вымушаюць пагадзіцца з фармулёўкамі мясцовых уладаў аб фактычнай бяздзейнасці гурткоў на тэрыторыі ваяводства. Яскравым пацвярджэннем гэтай высновы з'яўляецца адзіная справаздача аб дзейнасці гуртка ў в. Дабучын, у якой старшыня Г. Кураўскі паведамляе, што за год (з 1 студзеня 1929 г. па 1 студзеня 1930 г.) гуртком былі здзейснены толькі 2 тэатральныя пастаноўкі сумесна з «Кулькай Рольнічай» – суполкай, сувязяў з якой Цэнтральны ўрад БІГіК, а таксама беларускія нацыянальныя перыядычныя выданні кшталту «Беларускай Крыніцы» раілі пазбягаць; касавая кніга не вялася ў сувязі з адсутнасцю трывалых грашовых паступленняў (гурток існаваў толькі на членскія складкі); бібліятэка папаўнялася выключна за кошт ахвяр членаў гуртка. Дарэчы, толькі гурток у Дабучыне меў уласную бібліятэку, праводзіў гадавыя сходы членаў (у 1929 г. іх налічвалася 16 чалавек) і нават накіраваў прадстаўніка-дэлегата ў Цэнтральны ўрад інстытута (гутарка ідзе аб скарбніку гуртка Васілю Саўчыцу) [13, л. 26].

Адной з прычын слабасці пазіцый БІГіК на тэрыторыі Палескага ваяводства (побач з ужо названай спецыфікай сацыяльнай базы) стала адсутнасць усялякіх сувязяў і дапамогі мясцовым гурткам ад віленскай Цэнтралі, што падкрэслівалася членамі названых гурткоў і можа быць растлумачана ўсё тымі ж аб'ектыўнымі фактарамі: адсутнасцю крыніц папаўнення ўласных актыўных нацыянальных кадраў (адсутнасць на тэрыторыі ваяводства нацыянальных навучальных устаноў), а таксама значнай адлегласцю ад Вільні (Цэнтральны ўрад не мог аказваць дзейсную метадычную і матэрыяльную дапамогу ў сувязі з уласнай абмежаванасцю ў грашовых і людскіх рэсурсах). Трэба таксама дадаць, што ад самага пачатку дзейнасці гурткі інстытута знаходзіліся пад пільным наглядам з боку польскіх уладаў, што тлумачыцца жаданнем пазбегнуць пашырэння на тэрыторыі ваяводства радыкальнага нацыянальнага руху.

Так, сярод архіўных фондаў змяшчаецца паведамленне паліцыі аб выкрыцці выпадку адпраўкі для бібліятэкі-чытальні гуртка БІГіК у Дабучыне канверта з выданнямі Камуністычнай партыі Заходняй Украіны. Дадзены факт дазволіў паліцыі ўзяць пад кантроль кіраўніцтва гуртка і паўплываў на рашэнне аб спыненні яго дзейнасці [12, л. 5]. Больш за тое, у паліцэйскіх характарыстыках вядомых дзеячаў гурткоў інстытута пастаянна адзначаліся іх магчымыя сувязі з Камуністычнай партыяй Заходняй Беларусі, з БСС і асабіста Ф. Ярэмічам, Беларускай сялянска-работніцкай грамадой і Міжнароднай арганізацыяй дапамогі рэвалюцыі (пры гэтым падкрэслівалася адсутнасць адпаведных рэальных фактаў) [12, л. 2; 8].

Праблема вызначэння прыналежнасці да БІГіК кааператыўных гаспадарчых арганізацый рэгіёна

Нарэшце, адной з найбольш складаных праблем у гісторыі дзейнасці Беларускага інстытута гаспадаркі і культуры не толькі ў Палескім ваяводстве, але і ў Заходняй Беларусі ў цэлым з'яўляецца пытанне стварэння на тэрыторыі рэгіёна кааператыўных гаспадарчых арганізацый і іх прыналежнасць да інстытута. Архіўныя фонды захавалі матэрыялы аб стварэнні і дзейнасці на тэрыторыі ваяводства шэрагу гаспадарчых арганізацый кааператыўнага тыпу, пачынаючы ад простых аб'яднанняў сумеснай апрацоўкі глебы да сапраўдных гаспадарчых суполак, якія ўключалі таксама сумесныя перааапрацоўчыя прадпрыемствы і крамы. Тым не менш існуе праблема іх ідэнтыфікацыі па пытанні стваральнікаў пэўнай арганізацыі ці групы. Так, сярод матэрыялаў фонда 58 Дзяржаўнага архіва Брэсцкай вобласці («Гандлёва-прамысловыя і гандлёва-сельскагаспадарчыя кааператывы і таварыствы Палескага ваяводства») захавалася вялікая колькасць заяў на стварэнне гаспадарчых кааператываў рознага кірунку, а таксама справаздач аб іх дзейнасці, якія па часе сваёй выдачы прыпадаюць на перыяд дзейнасці на тэрыторыі ваяводства гурткоў БІГіК. Аднак, зыходзячы з іх зместу, выявіць сувязі кааператыва (створанага як на тэрыторыі Палескага ваяводства, так і ў Заходняй Беларусі ў цэлым) з гурткамі БІГіК няма магчымасці (ні ў графе «заснавальнікі», ні ў графе «ўплыў» інстытут не адзначаны) [15]. Больш за тое, у метадычных рэкамендацыях, выдадзеных у канцы 1920-х гг. у Вільні, аб правілах заснавання кааператыўных суполак (у тым ліку з надрукаванымі бланкамі заяў на стварэнне спажывецкіх і сельскагаспадарчых груп) БІГіК ніякім чынам не ўзгадваецца [16; 17; 18]. Нават выданне «Земляробская чытанка» значнага дзеяча інстытута А. Клімовіча – пастаяннага аўтара сельскагаспадарчых рубрык у перыядычных выданнях таго часу і рэдактара-выдаўца часопіса «Самапомач» (яго прыналежнасць да БІГіК таксама выклікае шэраг пытанняў) – ніякім чынам не ўзгадвае ролю і дасягненні інстытута ў стварэнні гаспадарчых арганізацый, аднак рэкамендуе дасылаць свае пытанні ў стварэнні і развіцці кааператываў на тагачасны адрас інстытута (Вільня, вул. Людвісарская, 1–19) [19].

Тым не менш неабходна адзначыць, што дзеячы БІГіК усё ж праводзілі пэўную працу па арганізацыі гаспадарчых суполак калектыўнай працы (можна гаварыць аб ўдзеле ў гэтым працэсе толькі асобных дзеячаў, а не самога гуртка). Так, напрыклад, архіўныя фонды за 1928–1929 гг. захавалі матэрыялы перапіскі жыхароў м. Бяроза-Картузская з павятовымі і ваяводскімі ўладамі аб заснаванні ў мястэчку саюза сельскіх гаспадароў (сярод заснавальнікаў – імя сакратара гуртка БІГіК Аляксандра Ляўковіча і сваяка скарбніка гуртка інстытута Францыска Оліхвера – Марціна Оліхвера; арганізацыя, на жаль, так і не была зарэестравана) [14]. Адначасова на старонках перыядычных выданняў («Беларуская Крыніца», «Самапомач») час ад часу размяшчаліся публікацыі аб заснаванні членамі мясцовых гурткоў БІГіК кааператыўных суполак або рашэнні праўленняў асобных гурткоў аб аказанні дапамогі

ўжо існуючым у наваколлі кааператывам (яскравым прыкладам можа быць рашэнне членаў гуртка в. Лядкі Стаўбцоўскага павета падтрымаць новы кааператыў, створаны ў вёсцы пры пасрэдніцтве кааператыва «Поўня» суседняй в. Браносава) [20].

Заключэнне

За перыяд свайго існавання (1926–1936 гг.) і плённай працы на ніве развіцця культуры, асветы і пашырэння кааператыўнага руху Беларускі інстытут гаспадаркі і культуры здолеў стварыць на тэрыторыі Палескага ваяводства чатыры ўласныя гурткі. Пры гэтым неабходна адзначыць, што пазіцыі інстытута ў рэгіёне былі значна слабейшымі, чым у іншых ваяводствах Заходняй Беларусі, а створаныя гурткі даволі хутка былі закрыты мясцовымі ўладамі.

Дадзеныя высновы неабходна тлумачыць не адсутнасцю жадання і імкнення насельніцтва рэгіёна да працы на ніве развіцця нацыянальнай культуры і гаспадаркі (доказам гэтага з’яўляюцца значныя пазіцыі ў рэгіёне ТБШ, лік сяброў у існаваўшых гуртках БІГіК), а такімі аб’ектыўнымі прычынамі, як спецыфічнае становішча сістэмы адукацыі рэгіёна, адсутнасць кантролю і падтрымкі з баку Цэнтральнага ўрада БІГіК, а таксама пастаяннае супрацьдзеянне мясцовых уладаў ініцыятывам членаў гурткоў інстытута.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. Гамулка, К. Дзейнасць Беларускага інстытута гаспадаркі і культуры (1926–1937) / К. Гамулка // Беларускі каляндар. – 1991. – С. 140–145.

2. Moroz, M. Białoruski Instytut Gospodarki i Kultury w północno-wschodnich województwach Drugiej Rzeczypospolitej (1926–1937) / M. Moroz // Białoruskie Zeszyty Historyczne. – 2000. – № 14. – С. 125–147.

3. Вашкевіч, А.Ф. Гарадскія і местачковыя арганізацыі Беларускай Хрысціянскай Дэмакратыі і Беларускага інстытута гаспадаркі і культуры (1921–1939 гг.) / А.Ф. Вашкевіч // Гарады Беларусі ў кантэксце палітыкі, эканомікі, культуры / зб-к навук. арт. / ГрДУ імя. Я. Купалы ; рэдкал.: І.П. Крэнь, І.В. Соркін (адк. рэд.) [і інш.]. – Гродна, 2007. – С. 198–201.

4. Вашкевіч, А.Ф. Лакальныя структуры Беларускай Хрысціянскай Дэмакратыі і Беларускага інстытута гаспадаркі і культуры (1926–1936 гг.) / А.Ф. Вашкевіч // Веснік ГрДУ. Сер. 1. – 2008. – № 3 – С. 36–40.

5. Sejmiki i wydziały powiotowe : Отчеты Полесского воеводы, поветовых староств о белорусском общественно-политическом движении на территории Полесского воеводства за 1922–1933 гг. // Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці (ДАБВ). – Фонд 1. – Воп. 9. – Спр. 47. – Арк. 88.

6. Statystyka seminarjalnych egzaminów dojrzalości : статистические сведения о количестве учащихся средних учебных заведений в Брестском школьном округе за 1925–1936 гг. // ДАБВ. – Фонд 59. – Воп. 2. – Спр. 1131.– Арк. 5.

7. Sprawozdanie : отчеты инспектора попечительства Брестского школьного округа о результатах обследования работы учительских семинарий и курсов за 1925–1936 гг. // ДАБВ. – Фонд 59. – Воп. 3. – Спр. 983. – Арк. 16–17.

8. Wykaz wybitnejszych działaczy ukrainskich, białoruskich i monarcistów rosyjskich na terenie pow. Prużańskiego : списки выдающихся беларуских и украинских политических деятелей и русских монархистов, находящихся на территории Полесского воеводства. – 10 арк. // ДАБВ. – Фонд 1. – Воп. 9. – Спр. 1374.

9. Wykaz : Сведения о размещении политических партий и общественных организаций на территории Полесского воеводства за 1927 г. – // ДАБВ. – Фонд 1. – Воп. 9. – Спр. 320. Арк. 8.

10. Пісьмы з вёскі // Беларуская Крыніца. – 1936. – № 41. – 11 кастрычніка. – С. 4.

11. Białoruskie instytucje i organizacje kulturalno-oświatowe i społeczne : Устав и сведения о деятельности Товарищества «БИХиК». // ДАБВ – Фонд 1. – Воп. 9. – Спр. 988. – Арк. 14.

12. Сведения и донесения косово-полесского, пружанского поветовых старост о политической деятельности БИХиК. // ДАБВ. – Фонд 1. – Воп. 9. – Спр. 760. – 5 арк.

13. Отчеты и донесения поветовых старост Полесского воеводства о состоянии, деятельности и ликвидации легальных общественных организаций и профсоюзов. // ДАБВ. – Фонд 1. – Воп. 9. – Спр. 743. – 89 арк.

14. Решения полесского воеводы и переписка с поветовыми старостами о регистрации, легализации и ликвидации общественных организаций, уставы, протоколы организационных собраний и сведения о деятельности и составе правлений последних. // ДАБВ. – Фонд 1. – Воп. 9. – Спр. 64. – 545 арк.

15. Сведения о состоянии, деятельности и составе правлений кооперативных организаций, находящихся на территории Полесского воеводства за 1930 г. // ДАБВ. – Фонд 1. – Воп. 9. – Спр. 1260. – 106 арк.

16. Васіленя, А. Залажэньне спажывецкага каапэратыву на вёсцы / А. Васіленя. – Вільня, 1929. – 16 с.

17. Васіленя, А. Спажывецкі каапэратыў і праца ў ім / А. Васіленя. – Вільня, 1928. – 36 с.

18. Акінчыц, Ф. Аграрна-коопэратыўная палітыка будучыні / А. Акінчыц. – Вільня, 1936. – 36 с.

19. Klimovič, A. Ziemlarobskaja čytanka. 1-ja častka / A. Klimovič. – Vilnia, 1932. – 148 s.

20. З дзейнасьці Беларускага Інстытуту Гаспадаркі і Культуры // Беларуская Крыніца. – 1936. – № 13. –22 сакавіка. – С. 1–2.

Razuvanova K.S. **The activity of the Belarusian institute of economy and culture in the territory of the Poleski region (1926–1936)**

The article is devoted to the history of creation and activity of local departments of the Belarusian institute of economy and culture at the territory of the Poleski region during between war period. The article analyzes the most important problems and peculiarities of activity of the institute at the territory of the region, describes social staff of departments of the organization in connection with the peculiarities of the region. It also characterize the attitude of polish local authorities to the activity of the organization, analyzes the problem of appurtenance of local economical groups to the institute.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 17.05.10

УДК 338(476)

Зенон Стаховяк

ПОИСКИ НОВОЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПАРАДИГМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В статье автор поднимает существенные для современного мира вопросы экономической безопасности с точки зрения новой институциональной экономической теории. Особое внимание сосредоточивается на идентификации и характеристике предпосылок поиска новой концепции экономической безопасности, поиске новой институциональной парадигмы экономической безопасности, а также на вопросах экономической безопасности государства в экономических программах неоинституционализма. Подводя итоги, автор указывает на предпосылки, которые должны быть учтены при конструировании модели экономической безопасности.

Введение

Развитие событий последней четверти XX в. и первого десятилетия – XXI [1] указывает на то, что в современном мире экономическая взаимообусловленность приобретает возрастающее значение. Этот факт всё в большей степени направляет внимание политических и научных центров на разработку концепции и исследование содержательной стороны понятия *экономической безопасности*. Современное общество формулирует вопросы относительно экономической безопасности как в глобальном, региональном, так и в национальном измерениях, указывает на сложность этой проблемы и на многогранную взаимосвязь и взаимообусловленность её элементов. Её отдельные компоненты тесно переплетены друг с другом и зависят друг от друга, а также и от конкретной ситуации, характеризуются рангом и изменчивостью. Существует большое количество доказательств того, что ранг этой проблемы улавливается далеко не всегда, часто бывает, что он даже маргинализирован либо, наоборот, окказионально подчёркивает одну из его сторон. На эти слабые стороны порою накладывается инструментальное использование угроз экономической безопасности, связанных с актуальной деятельностью и политической борьбой [2]. А к самому понятию безопасности при этом иногда относятся как ко всемогущему ключу, разрешающему смысловые и идеологические составляющие проблем экономической политики государства.

Своего рода парадоксом является тот факт, что чем больше говорится о безопасности (во всех её измерениях), тем более снижается её уровень. Следом за этим появляется ряд вопросов, конкретизирующих данную проблему, как-то: 1) почему чем больше говорится о социальной безопасности, тем больше расширяется зона бедности и убожества общества; 2) почему чем более одобряются вопросы продовольственной безопасности, тем больше голодных и истощённых людей; 3) почему чем больше поднимается вопрос об обеспечении сырьевой безопасности (особенно энергетической), тем больше увеличивается степень зависимости от импорта газа и нефти; 4) почему делая упор на социальную безопасность, мы имеем дело с ростом армии безработных, которая ежеминутно может генерировать социальную бомбу?

Вопросов такого рода можно сформулировать ещё больше. Однако ввиду исследовательских трудностей определенного рода найти однозначные ответы на них невозможно. Наоборот, появляются очередные вопросы: является ли безопасность проявлением национального вызова (или шире, регионального и глобального) или же скорее проявлением определённой моды, а может, даже фикции – как в публицистическом, так и научно-исследовательском измерении; и имеет ли вообще смысл заниматься этим во-

просом? Поставленные вопросы требуют получения ответов, поэтому в данной статье будет предпринята попытка реализовать эти задачи, ссылаясь на достижения новой институциональной экономики [3].

О необходимости поиска новой концепции экономической безопасности

Попытка найти *новую концепцию экономической безопасности* требует не только изучения сущности понятия экономической безопасности, но и критического подхода к существующей *экономической парадигме*. К такому подходу при решении вопроса клонит как сама суть понятия «безопасность», так и совокупность наблюдений по проверке идеи экономической безопасности в социально-экономической действительности конкретного государства, региональной группировки, а также всего современного мира и, не только в данное время, но также прошедшее время, которое проявляется в конструирующих и предупреждающих элементах понятия безопасности.

Цивилизационные вызовы, вставшие перед современной мировой экономикой, подчиненные продвигающимся процессам экономической глобализации и регионализации, побуждают как теоретиков, так и практиков к поискам решений, соответствующих новой ситуации. Проблема экономической безопасности должна восприниматься в рамках государства, но также и в рамках отдельных регионов (интеграционных группировок), континентов и всего мира. Одним из путей нового подхода к проблеме экономической безопасности могут стать идеи *новой институциональной экономической теории*, возникшей как предложение новой теоретической парадигмы в рамках уже существующего направления институциональной экономики [4]. Ориентация на институциональную мысль вытекает прежде всего из её характера, которая, с одной стороны, критически относится к ортодоксальным направлениям, а с другой стороны, является оферентом новых концепций и пожеланий в адрес экономической политики.

События первой декады XXI века указывают на появление в мировой экономике новых фактов, не встречавшихся до сих пор. Это проблемные и кризисные ситуации, которые следует изучать и решать. Поэтому всё большее значение приобретает подход, указывающий на то, что при решении этих проблем нельзя прибегать лишь к тем средствам, которые потенциально используются непосредственно для устранения проблемы, но нужно использовать и превентивные средства по предотвращению распространения таких проблем.

Такая философская позиция, описывающая способ формирования экономической безопасности в любом её измерении требует, кроме прочего, осуществления ревизии используемой до сих пор классической парадигмы. Это означает, что необходимо модернизировать принятый большинством ученых способ восприятия действительности, теоретической убежденности и экспериментальных методов, представляющих собой определенную исследовательскую традицию[1]. Следует отметить, что оспаривание верности парадигмы ортодоксального подхода мы замечаем всё чаще и этот процесс усиливается изо дня в день.

Реализация гуманистической картины мира постоянно натыкается на значительные барьеры. В экономической действительности нельзя реализовать доброе и счастливое видение мира, так как такое состояние вытесняется из реальной действительности конкуренцией, соперничеством и угрозами конфликтов, что подтверждают трагические факты в разных частях мира.

Парадигмы рациональности и гуманизма не в состоянии уйти из сферы идеи и перейти к действительности. Кризис этих парадигм усиливают одновременно нарас-

---

[1] Как правило, в ортодоксии это рациональный способ мышления, априори предполагающий правдивость определённых теорий о мире и его логическую понятийную описательность.

тающее социальное и экономическое неравенство, также ведущее к кризису существующей концепции экономической безопасности. Эта ситуация мотивирует нас к концептуальным изменениям, а следом к поискам новых парадигм [5], таких, которые лучше бы решали проблемы современного мира, которые бы выполняли роль интеллектуальной базы, необходимой для практической ориентации человека в решении проблем, в инициировании нового отношения к миру, а также активности в этом мире, которые позволили бы ещё раз поставить вопросы, ведущие к ответам, имеющим нетрадиционные способы (по сравнению с уже существующим) интерпретации фактов.

Итак, речь идёт о приведении таких парадигм, которые в соответствии с философской теорией и методологией познания будут восприниматься как признанные всеми научные достижения, представляющие новые модельные решения в данной области науки, или которые могут повлечь за собой новые модельные решения в смежных областях и стать существенной составляющей современного мировоззрения. Таким образом, новые парадигмы можно определить как некий образец, или самую общую модель, либо как образцовый пример, который содержит набор основных мировоззренческих предпосылок.

Формулирование новой парадигмы экономической безопасности

Новая парадигма, должна благоприятствовать положительному отношению человека к экономической безопасности, выражающемуся в принятии им, а шире, обществом и его институтами, части ответственности за его формирование. Это означает, что идея новой парадигмы вырастает из оспаривания *традиционного (просветительного) понимания экономической безопасности.* Такое понимание закреплено в рациональном подходе, согласно которому «реальность» можно всегда изучать научным образом и соответственно изменять её. Согласно ней, кризисные и конфликтные ситуации можно заранее запланировать и управлять ими. Можно определить силы и средства, запланировать действия. В рамках этих действий возрастала сила государства и люди подчинялись этой силе, что на практике приводило к простому «порабощению» людей. Государство в рамках этой парадигмы выступало с апологией силы как средства достижения экономического могущества и прогресса.

Современная политическая и этическая мысль, возникшае в рамках просветительной парадигмы, достигла своего апогея в обосновании силы как средства, с помощью которого достигается обозримое и планируемое будущее, реализуется понимание политики как инструмента аккумуляции и аппликации силы.

Критика парадигмы просвещения выходит из следующей предпосылки: *там, где существует одно правдивое, с точки зрения рассматриваемой парадигмы, восприятие мира, мотивированное и оправданное той или иной формой разума (мышления), нельзя избежать конфликтов и кризисных ситуаций и, следовательно, аккумулирования средств силы.*

Если это верно, то устранение угроз безопасности, которые являются одной из главных причин современных кризисных ситуаций (от вооружённых конфликтов до экологических катастроф), требуют отречения от классической парадигмы Ньютона. Речь идёт прежде всего об отречении от механического представления о линеарном развитии процессов и явлений, о бесконечной вере в силу разума на пути к истине и, что является особенно опасным, представлении о том, что человек может окончательно овладеть природой и обеспечить на этой основе универсальное и безопасное будущее всего человечества. Отрекаясь от «ньютоновой» парадигмы, необходимо таким образом изменить политическое и этическое мышление (в случае, например, применения средств и инструментов силы), чтобы оно было пригодным для оценки интересов и целей людей и позволило

бы объяснять пути, ведущее к реализации дискуссии по вопросам обязательств несмотря на различные формы идеологической направленности государств.

Одобряя специфику познания как такового, *постмоденистическая парадигма* ставит на место идеи об единственности правдивого отражения мира (научной истины) идею плюрализма (множества правд). Вместо *гомогенного единства* внимание акцентируется на *гетерогенности и множественности*, необходимость объединения и овладения, которые традиционно объясняются преобладанием одной (в настоящее время научной) парадигмы над другими, заменяется одобрением дифференциации и диверсионности. Поэтому такое одобрение исключает унификацию взглядов (идей, идеалов, норм, ценностей), интересов, потребностей, общественных отношений, социально-экономических систем и т.п.

В реальной жизни не существует плоских и прямолинейных взаимодействий. Однако если принимать такое восприятие действительности, то последнее можно охарактеризовать как искусственный способ мировозрения. Действительность на самом деле состоит не из ряда совместно существующих и постепенно приближающихся событий во всех плоскостях проявления, а из ряда случаев, где одно событие может изменить очередное и привнести совсем непредсказуемые результаты, даже катастрофического характера и последствий. Однако это не означает, что могут случиться такие кризисные ситуации и конфликты, которых можно было бы избежать или же повлиять на характер их развития. Результат развития любого процесса определяет некоторая сумма информации, позволяющая создать определённую, общую картину ситуации, которая, однако, легко поддается изменениям, позволяющим иногда избежать конкретной угрозы или минимализировать её последствия. Это обозначает, что результат развития события можно предвидеть лишь с определённой долей вероятности.

Смена парадигмы – это кроме всего прочего, также и смена процессов восприятия роли и значения общественных, политических, военных или же религиозных организаций. Нельзя поддерживать определенный способ мышления и действия, который опирается, с одной стороны, на рациональную экономическую безопасность, а с другой, стороны на механизмы приказов и контроля. Но почему? Да потому, что ни одна традиционная форма разума, не может обосновать необходимость силовой интервенции в случае кризисной ситуации. Если же подобный подход принимается за основу, то в таких случаях всегда возникнет опасность угрозы тоталитаризма и гегемонии во всех формах ее проявления и с разными последствиями. В современном плюралистическом и дифференцированном мире требуется иное мышление, такое, которое было бы в состоянии сформулировать и затем популяризировать иные, нежели высшие политические и этические цели, причины накопления и использования средств силы.

Традиционный и самый общий подход к роли силы в жизни общества начинается с предпосылки о том, что задачей государства является прежде всего реализация интересов безопасности учреждений и организаций, подвергаемых опасности везде, где отсутствует гармония и порядок. *Это означает, что обеспечение безопасности ограничивается лишь широко понимаемой внутренней и внешней безопасностью, а её необходимым гарантом должна стать аккумуляция силы, так как причиной хаоса в государстве и анархии в международных отношениях всегда является её недостаток.* Таким образом, накопление и аппликация силы является первейшей необходимостью государства. Далее формулируется тезис о том, что в мире конкуренции и соперничества нельзя избежать насилия.

Авторитетные исследователи проблем безопасности, стремящиеся к реализации идеи об отказе от концепции политического реализма, исходят из того, что безопасность подвергается угрозам не там, где возникают такие угрозы для государства и на-

рода, но там, где внутри общества и в международных отношениях действуют не морально-этические принципы, а насилие.

Поэтому улучшение положения вещей вообще и обеспечение безопасности не могут быть гарантированы лишь силой (государства, союза государств); кроме этого, внутригосударственные и международные отношения должны опираться и на другие, в данном случае, моральные основы. Если контакты индивидуальных лиц и государств будут опираться на универсальные моральные принципы и основы, то в результате сформируется как внутренний порядок, так и порядок внешних отношений, а в целом – общая безопасность человечества.

Аргументы, приведённые выше, доказывают, что радикальное и, соответственно, новое решение проблемы безопасности является возможным лишь на основании такого подхода, который отказывается от ньютоновой парадигмы, основанной на единственности правды и на силе в разрешении конфликтов, но одобряет реальный плюрализм целей и решений (а также идей, идеалов, ценностей, норм, политических и общественных систем и т.п.) и открывает в последствии пространство для терпимости, подчёркивает значение диалога, достижения компромисса и консенсусса.

Парадигма новой институциональной экономической теории как структурное основание концепции экономической безопасности

Формирование структуры исследовательской парадигмы новой институциональной экономической теории [6] является процессом, который использовал достижения передовых неоинституционалистов, ссылавшихся на взгляды и употреблявших понятия великого основателя институционализма Т.Б. Веблена. Была использована *концепция социально-экономической системы,* истолковываемая как совокупность различных институтов: в первую очередь, полезных, то есть таких, которые связаны с миром промышленности *(industry)* и которые определяют ту часть системы, где трудящийся класс, возбуждаемый правом на хорошо оплачиваемую работу, реализует производственный процесс; и бесполезных, то есть таких, которые связаны с миром бизнеса *(business)*, определяющих ту часть системы, где праздный класс руководствуется мотивом получения прибыли, а целью его существования является демонстративное потребление [7]. Причём под понятием «социальных институтов» рассматривались так называемые «доминирующие способы мышления, учитывающие отдельные социальные условия, отдельные функции индивида и общества… навыки мышления либо способы подхода к явлениям… Они являются продуктами прошлого, приспособленными к тогдашним условиям, поэтому, никогда не пребывают в полном согласии с современными требованиями» [8]. Между полезными и бесполезными институтами, представляющими разные хозяйственные миры, сформировались отношения, основанные на частной собственности на средства производства. В качестве движущей силы и источника развития либо перемен неоинституционалисты усматривали процесс непрерывного совершенствования технологий.

При этом неоинституционалисты использовали принцип сознательности, то есть наряду с предпосылками, которые определяли, что некоторая научная парадигма должна быть описана и выдвинута ее основателями, существовали также некоторые другие требования к парадигме: 1) она не дана раз и навсегда; 2) она должна быть принята на основе принципа консенсуса большинством исследователей; 3) она может периодически подвергаться основным преобразованиям, приводящим к глубоким изменениям в науке, именуемым научной революцией; 4) она должна оспаривать идею абсолютной закономерности. Неоинституционалисты также предполагали, что научная парадигма должна при этом, характеризоваться логической и понятийной связностью, относительной простотой, то есть, должна заключать в себе только такие понятия и теории,

которые действительно необходимы для данной науки, а также предоставлять возможность формирования отдельных теорий, соответствующих известным фактам. Относясь к своей научно-исследовательской парадигме как к фундаментальной научной предпосылке по отношению к действительности, которая принимается как очевидная и не отрицается в исследованиях, неоинституционалисты приводили и несколько основных исследовательских вопросов, а именно: 1) носит ли действительность объективный характер, или же отчасти субъективный? 2) для того, чтобы хорошо понять какой-то общественный процесс, нужно ли быть его участником? 3) и подвергается ли общественная действительность постоянному преобразованию или всё время остаётся той же самой?

К этой группе исследователей в первую очередь следует отнести Эдвина Эйрса Кларенса *(E.E. Ayres),* который значительно обогатил существующую картину социально-экономического процесса. У него экономика функционирует в окружении «культуры», которая воспринимается как организованная система человеческого поведения, где, с одной стороны, мы встречаемся с институциональным пространством (его еще называют церемонным), а с другой стороны, с технологической средой. Далее, согласно его убеждениям, каждая экономическая система находится под постоянным давлением и со стороны сил воздействия различных институтов (легенд, обычаев, общественной иерархии), и со стороны стимулов, создаваемых технологией.

Ссылаясь на инструментальную философию хозяйствования, занимающуюся анализом использования ограниченных ресурсов для достижения индивидуальных и групповых целей, Э.Э. Кларенс формулирует постулат о взаимоприспособлении *(adjustment)* этих противоположных сил (институтов и технологии). Пространством процесса приспособления является экономическая система, которую образуют два соединенных друг с другом, но остающихся в постоянном противоречии блока: *первый блок* – это ***ценовая экономика*** *(price econоmy)*, идентифицированная как комплекс исторически выработанных институтов, принимающий за основу церемонное поведение, ценность которого вытекает из существования власти, опиравшейся на силу денег; *второй блок* – это ***промышленная экономика*** *(industrial econоmy)*, основанная на технологии, науке и инструментах труда. Каждый из этих блоков генерирует различные ценности: первый – *ценовую категорию стоимости*, второй – *промышленную ценность*. Синтезом этих подходов является *идея разумного общества (reasonable society)*, показателями эффективности или результативности которого должны быть обилие благ, качество жизни, свобода, безопасность и совершенство.

К так понимаемому разумному обществу в соответствии со взглядами Э.Э. Кларенса должен стремиться общественный прогресс, то есть такой, который обеспечивает непрерывность существования человечества благодаря развитию науки, творчества, культуры в противовес прогрессу неоклассического толка, реализующему цели максимизации полезности и удовлетворения, вытекающих из амбиций личности (индивида). За правильным направлением эволюции общественного прогресса должен следить институт общественного планирования.

Ценные идеи для построения парадигмы новой институциональной экономической теории внёс Карл Поланьи *(K. Polanyi)*. Он осуществил анализ распада цивилизации XIX века, основывавшей свое существование на четырёх основных постулатах: равновесии сил, золотом стандарте, саморегулирующимся рынке и либеральном государстве. По его мнению, эта цивилизация пришла в упадок потому, что её экономика была основана на личных интересах индивида и действовала вопреки интересам общества. Эти выводы, по нашему мнению, подтверждаются аргументами *экономической антропологии*.

Заметный вклад в разработку парадигмы неоинституциональной экономики внесли методологические труды Карла Рэймонда Поппера *(K.R. Popper)*, Томаса Куна

(T.S. Kuhn) и Имре Лакатоша *(I. Lakatos)*. Причём если труды первых двух следует признать диаметрально противоположными, то третий ученый попытался перекинуть мост между теоретическими позициями первых двух.

В своих научных исследованиях К.Р. Поппер отвергает индукционизм, то есть такое исследовательское поведение, которое на основе использования индуктивного умозаключения и множественных наблюдений ведет к созданию теории. Он постулировал следующий исследовательский путь по схеме: поставить определённый вопрос, используя существующую теорию, устранить ошибки старой теории, поставить новый вопрос. Следует также отметить, что К.Р. Поппер упорно боролся против историзма в экономике, то есть такого взгляда на окружающую действительность, в соответствии с которым можно предвидеть неизбежный ход истории. Широко известен и постулат К.Р. Поппера о проверке гипотез посредством их отвержения, то есть *фальсификации*. Это означает, что *критерий демаркации* – научности или ненаучности теорий – проходят только те, которые могут быть опровергнуты на основе построения такой логической формы, использующей практический опыт, которая может эту теорию опровергнуть.

В свою очередь Т.С. Кун борется с аисторизмом в его попперовском понимании. Именно историческим знаниям он придаёт особенно важное значение. Он считает, что нельзя относиться к ним исключительно как к описанию хронологически взятых событий, которые пытаются восстановить непрерывную линию развития, их следует использовать для раскрытия интегральности науки в отдельных исторических периодах. Он вводит понятие парадигмы как особой «матрицы научной дисциплины»[2], которую понимает как совокупность определённых обобщений, моделей, ценностей и образцов, одобряемых учёными. В её пределах он помещает «нормальную» научную деятельность, задачей которой является решение разных «загадок и головоломок», вплоть до появления аномалий, то есть фактов, не поддающихся выяснению на основании матрицы. Именно такая ситуация такая ведёт к кризису, последствием которого является научная революция, после которой появляется новая научная парадигма. При таком толковании процесса развития науки, ее можно представить не как медленную аккумуляцию знаний, но как скачкообразный процесс.[3] Отверг Т.С. Кун *(T.S. Kuhn),* также как и К.Р. Поппер *(K.R. Popper),* индуктивизм в экономических исследованиях.

И. Лакатош *(I. Lakatos)* постарался совместить основные взгляды К.Р. Поппера *(K.R. Poppera)* и Т.С. Куна *(T.S. Kuhna)* путём поиска определённого синтеза в их трактовке, излагая одновременно и собственные взгляды на проблемы методологии. Наибольший интерес представляет ***концепция научных исследовательских программ***, под которой понимаются небольшие наборы более или менее связанные друг с другом теории. В их структуре выделяет он «твёрдое ядро», образующее совокупность фундаментальных и условно неопровержимых предпосылок, содержание которых подвергается медленным изменениям, а также «защитную оболочку», окружающую «твёрдое ядро», которая состоит из вспомогательных гипотез, модифицированных в соответствии с необходимостью защиты основ данной научной исследовательской программы.

Идея парадигмы неоинституциональной экономики есть совокупность всех приведённых выше взглядов. Она направлена на создание комплексного познавательного подхода, диктующего необходимость применения метода моделирования (а точнее, образцовой модели), позволяющего сосредоточить внимание на отношениях между час-

[2] Её называют также термином «дисциплинарная матрица» (disciplinary matrix) и трактуют как самую сплочённую и самую нтернализированную учёными часть парадигмы. Состоит она из символических генерализаций, метафизической составляющей парадигмы, ценности и формул для решения научных вопросов.

[3] Данную точку зрения Т.С. Кун смягчил со временем, допуская также постепенный переход к новой парадигме.

тями и целым, искать сплочённое единство явлений и следить за процессом общественной эволюции [9]. Она основывается на совокупности элементов, которые составляют «ядро» парадигмы и «защитные оболочки», являющиеся ее окружением.

Ядро парадигмы институциональной экономики, по нашему мнению, образуют четыре структурных элемента: 1) «общественные церемонии», 2) «технология» (соответствующие идеи мира бизнеса и мира промышленности Т.Б. Веблена), 3) «философия» (взгляды *S.E. Aresa*, прагматизм Д. Девея *(J. Dawey)*[4] и инструментализм)[5] 4) «среда» (взгляды К. Поляньи *(K. Polani)* и его экономическая антропология). У каждого из этих элементов собственная «защитная оболочка», характеризующая основные детерминанты. «Общественные церемонии» описываются следующими детерминантами: институты, убеждения и ценности. В свою очередь «технологии» описываются детерминантами такими: инструменты и квалификации. «Среду» конкретизируют такие детерминанты, как флора, почва, фауна, климат. «Философия» же была описана детерминантами общественного правомочия (на основе критериев общественного правомочия – *«social legitimacy» W.C. Neale)*[6]; участвующей демократии (на основе *«participatory democracy» M.T. Toola*[7]) и достаточности (достаточность – *«sufficiency»* – К. Поланьи).

Формула представленной парадигмы институциональной экономики предполагает, что наблюдатель реальности, который намеревается её исследовать, не может быть нейтральным, а потому не будет объективным, так как он всегда является представителем определённой культуры. При этом он вынужден учитывать достижения многих наук, чтобы давать оценочные суждения. Учитывая этот факт, наблюдатель делает попытки совершенствования парадигмы. Так делюет *F.G. Hayden*[8], *G.M. Hodgson*[9], *F.G. Hayden,* которые популяризируют концепцию матрицы социальной системы. Последняя состоит из потоков и ресурсов, не имеющих единого деноминатора, отдельные ее элементы интегрируют отношения бесплатных услуг, распределения и обмена [10].

G.M. Hodgson вводит в парадигму институциональной экономики четыре основных постулата: 1) концепцию рыночного обмена, понимаемого как трансферт прав собственности; 2) рыночные институты, воспринимаемые как совокупность общественных институтов, где с особой регулярностью обмениваются товарами и услугами; 3) предприятие как организацию, действующе в условиях неуверенности и с экономическим расчётом и обеспечивающую снижение альтернативных издержек; 4) ожидания, сводящиеся к постулату о создании институтов, благоприятствующих формированию в будущем смешанной общественно-хозяйственной системы, где будут сосуществовать традиция, рынок и планирование.

---

[4] John Davey (1859–1952) – американец, сторонник инструментализма (вида прагматизма).

[5] Инструментализм предполагает, что познание имеет ценность только тогда, когда может оно быть эффективным инструментом для практических действий.

[6] Walter Castle Neale (1925) – автор положений о критериях общественного правомочия.

[7] Marc R. Tool (1921) создатель концепции участвующей демократии.

[8] F. Gregory Hayden – американец, профессор University of Nebraska. Автор концепции таблицы матрицы социальной системы общества, которая состоит из потоков и ресурсов, не имеющих единого деноминатора. Отдельные элементы матрицы интегрируют отношения бесплатных услуг, распределения и обмена. Таблицу матрицы трактовал как вспомогательный инструмент для аналитиков и планистов.

[9] Geoffrey M. Hodgson (1946) – англичанин, преподаватель экономии в британских, французских, австрийских, шведских, американских и японских высших школах. Автор работ «Экономика и институты. Манифест современной институциональной экономики» (Economics and Institution. A Manifesto for a Modern Institutional Economics – 1989); (Экономика и эволюция: восстанавливание жизни экономике) (Economics end evolution: bringing Life back into Economics – 1993); (Эволюция и институты. Об эволюционной экономике и эволюции экономики) (Evolution and Institutions. On Evolutionary Economics and the evolution of Economics – 1999); (Эволюция институциональной экономики: предмет, структура и дарвинизм в американском институционализме) (The Evolution of Institutional Economics: Agency, Structure and Darwinism in American Institutionalism – 2004).

Заключение

Резюмируя идентифицированную нами парадигму новой институциональной экономической теории относительно современных вопросов экономической безопасности в социально-экономических программах правительств, мы получаем право на выделение ряда предпосылок для конструирования новой модели экономической безопасности. Среди них следует указать на следующие:

- *во-первых*, экономическую безопасность надо воспринимать как показатель разумного общества;
- *во-вторых*, формирование экономической безопасности должно осуществляться на основе смешанной экономики *(mixed economy)*, создаваемой как плановым сектором *(большие корпорации – мегакорпорации, являющиеся косвенными образованиями между частными предприятиями и публичными институтами, способными к управлению на основании самодействующего регулятора – значительной частью спроса и предложения),* так и рыночным сектором *(средние и малые фирмы, действующие стихийно)*;
- *в-третьих*, объём и структура производства должны быть координированы в рыночном секторе с техническим прогрессом, посредством охраны интересов лиц занятых в нём;
- *в-четвёртых*, следует расширить сферу обязательств по социальным минимумам (платы, пособия…) и социальной защите населения от действия рыночного сектора;
- *в-пятых*, рыночный сектор в области науки, просвещения, основного капитала и техники должен обязательно поддерживаться государством и развиваться им в целях перехода от одной технологической границы к последующей;
- *в-шестых*, экономическая политика должна уделять больше внимания вопросам развития человеческих ресурсов как созидательному фактору производительности, эгалитаризма, стабилизации и экономического роста при одновременном отрицании восприятия «человеческого капитала» в качестве рыночного товара;
- *в-седьмых*, подчёркивать отсутствие согласия на отношение к материальным ресурсам как к ограниченному производственному фактору и ориентироваться в этой сфере на изменение роли и значения развития технологий;
- *в-восьмых*, следует признать необходимость учета всей совокупности экологических вопросов при оценке параметров экономической безопасности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Jakubczak, R. Bezpieczeństwo narodowe Polski w XXI wieku. Wyzwania i strategie / R. Jakubczak, J.Flis. – Warszawa, 2006.
2. Stachowiak, Z. Gospodarcze podstawy bezpieczeństwa jako obiekt badawczy ekonomiki bezpieczeństwa / Z. Stachowiak. – Warszawa : AON, 2003. – 56–64 s.
3. Stachowiak, Z. Paradygmat nowej ekonomiki instytucjonalnej podstawą budowy modelu bezpieczeństwa ekonomicznego, w: Badania operacyjne i systemowe a zagadnienia społeczeństwa informacyjnego, bezpieczeństwa i walki / pod red. J. Kacprzyk [i dr.]. – Warszawa : PAN – IBS, 2008. – 231–240 s.
4. Stankiewicz, W. Ekonomika instytucjonalna / W. Stankiewicz. – Warszawa : Wydawnictwo PWSzBiA, 2007. – S. 31–52.
5. Kuhn, Th.S. Struktura rewolucji naukowych / Th.S. Kuhn. – Warszawa, 1962.
6. Radvan, E. Kryzys paradygmatu, bezpieczeństwo personalne i strukturalne wobec wyzwań współczesnego świata / E. Radvan ; pod redakcją naukową L. Kanarskiego :

materiały z Międzynarodowej konferencji naukowej zorganizowanej w dniu 23 października 1999 r. – Warszawa, 2000. – S. 4–9.
7. Stankiewicz, W. Historia myśli ekonomicznej / W. Stankiewicz. – Warszawa : PWE, 1988. – s. 492–496.
8. Veblen, T. Teoria klasy próżniaczej / T. Veblen. – Warszawa : PWN, 1971. – 171 s.
9. Stankiewicz, W. Historia myśli ekonomicznej / W. Stankiewicz. – Warszawa : PWE, 1988. – S. 497–499.
10. Stankiewicz, W. Historia myśli ekonomicznej / W. Stankiewicz. – Warszawa : PWE, 1988. – S. 500–502.

Stachoviak Z. **Searches of the new research paradigm of economic safety**

Author brings up the questions of economic security essential to the modern world in terms of new institutional economic theory. Special attention concentrates on: identification and characterization of the prerequisites research of a new concept of economic security; the new institutional paradigms research of economic security, as well as on issues of the state economic security in economic programs of neoinstitutsionalism. Summing up, the author points out the preconditions that must be taken into account at model designing of economic security.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 29.04.10

УДК 330.163.2(476)

А.В. Черновалов, Е.В. Скакун, Ж.В. Черновалова

МЕТОДИКА РАСЧЕТА ЭЛАСТИЧНОСТИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА

В статье раскрыты новые методы проектирования и прогнозирования возможных последствий от реализации институциональных проектов, которые можно использовать при принятии решений о необходимости их внедрения. Рассмотрен пример комбинирования исследователем социологических и экономических инструментов анализа в целях изучения объекта институционального характера. Приведены концепции, понятия и категории новой институциональной экономической теории, основатель которой О. Уильямсон стал лауреатом Нобелевской премии по экономике в 2009 г.

Введение

Реализация менеджерами таких важных функции управления, как планирование и прогнозирование, в реальной хозяйственной практике все еще происходит в рамках так называемых «нулевых *трансакционных издержек*[1]», то есть в рамках традиционной неоклассики, не признающей значения институтов и рассматривающей свои модели вне рамок действующей юридической системы («правил игры»). Экономисты и пользователи таких продуктов считают, что бизнес-планы, планы маркетинга, планы производственного развития и прочие прогнозные документы будут исполняться исключительно рациональными, добросовестными и честными управленцами и директорами[2].

К сожалению, мы не желаем предполагать при осуществлении планирования, что контракты в течение рассматриваемого периода могут быть пересмотрены, а иностранные государства могут ввести ограничения на ввоз нашей продукции, что со стороны контрагентов может осуществляться *оппортунистическое поведение*[3], что законодательная база в любой сфере деятельности может измениться и т.д. и т.п. С точки зрения *институционалистики*[4], современные методики планирования находятся в тех рамках, которые характеризуются первой частью известной теоремы Р. Коуза: *«конечный результат, максимизирующий ценность производства, не зависит от правовой системы, если трансакционные издержки равны нулю»* [1 с. 103]. Но Коуз на самом деле призывал не к тому, чтобы мы своими действиями подтверждали правоту этой части его теоремы, а наоборот, к тому, чтобы экономисты стали изучать мир с положительными трансакционными издержками, отрекшись от идеалистической картины мира неоклассики.

Что же произойдет, если в методиках планирования перейти от нулевых к положительным трансакционным издержкам *(TRC)*. Мы просто заменим неоклассическое планирование *институциональным планированием*. В этом случае среди мероприятий бизнес-плана будет фигурировать уже не *организационный проект,* характеризующий-

[1] Издержки осуществления обменных операций в условиях рынка, введенные в научный оборот лауреатом Нобелевской Премии 1991 г. Р. Коузом.

[2] Это означает, что *en ante* экономисты в своей деятельности основываются на неоклассической *модели экономического человека,* характеризующегося полной рациональностью и нацеленного на неизменную максимизацию полезности при осуществлении любых видов деятельности.

[3] В соответствии со взглядами О.Е. Williamsona оппортунизм следует рассматривать как постоянное стремление к реализации собственного интереса. Оно относится к случаям неполной или неверной передачи информации, имеющей целью обмануть, ввести в заблуждение, затаить информацию либо сфальсифицировать ее, либо запутать дело другим способом.

[4] Новое направление институционального течения, развиваемое автором в целях совершенствования методов количественного анализа в прикладных исследованиях.

ся нулевыми *TRC* и не учитывающий состояние правовой системы, а *институциональный проект*, встроенный в рамки функционирующей системы норм права данного государства и учитывающий ментальные и социально-культурные особенности институциональной среды. Однако оказывается, что неоклассические затратно-результатные методы оценки эффективности для институциональных проектов не пригодны. Поэтому-то *институционалистика* разработала и предложила научному сообществу и бизнесу *новые методики оценки институциональной эффективности* как для микро-, так и для макро-уровней. Пример осуществления расчетов на основе указанной методики мы приводим в данной статье.

Использование методики оценки институциональной эластичности информационной базы университета

Институциональный проект – информационная база университета представляет собой совокупность некоторых формальных правил и нормативов в области информационных технологий, которые должны внедряться в университете с целью обеспечения информационного обслуживания учебного процесса и научных исследований.

Применение информационных технологий преподавателями, специалистами и студентами, расширение доступа к информационным ресурсам повлечет за собой ряд проблем, для решения которых необходимо разработать организационно-нормативную документацию, создающую нормативно-правовое поле институционального проекта и развивающую информационные технологии на уровне учебного заведения.

В состав институционального проекта могут входить Положение об использовании услуг Интернет, Правила пользования электронным читальным залом, правила работы в компьютерных классах, Положение о совете по информатизации, прочие нормативные документы. Задача оценки эластичности информационной базы университета к условиям его институциональной среды[5] сводится к правильному выделению тех основных факторов, находящихся между собой в определенной взаимосвязи, которые могут охарактеризовать как сам институциональный проект, так и позволяют указать его «путь развития», смоделированный на основе применения регрессионных методов анализа.

Таким образом, ***первый этап исследования*** состоит в переходе от процедуры описания институционального проекта к процессу его идентификации, выделения переменных, установления вида и параметров экономико-математической модели.

На наш взгляд, важнейшими факторами качества информационного обеспечения учебного процесса, научных исследований и управления им являются следующие направления деятельности, которые вместе с тем представляются и основными факторами, влияющими на качество институционального проекта:

1) *создание соответствующей организационной структуры управления;*
2) *создание и развитие информационной инфраструктуры;*
3) *наличие организационно-нормативного обеспечения.*

Для последующего анализа и моделирования ***институционального проекта*** *с учетом некоторого упрощения при установленных ограничениях* выберем первые два фактора, так как третий представляет собой непосредственную правовую содержательную часть институционального проекта, который и подлежит институциональной оценке. Техническая и организационно-нормативная часть институционального проек-

---

[5] Осуществляется на основе теоретической концепции описанной теоремой институциональной эффективности. Если трансакционные издержки положительны (TRC > 0), то их относительная экономия есть критерий институциональной эффективности при условии, что применяемая в экономической системе модель институционального проекта обладает параметрами эластичности по отношению к институциональной среде (наблюдается снижение размера колебаний ценовых норм).

та была оценена анонимными экспертами при использовании балльной оценки с разбросом значений от 0 до 60. Результаты опроса представлены в виде диаграммы рассеяния в таблице 1.

Таблица 1 – Зависимость отдельных характеристик институционального проекта – информационная база университета (диаграмма рассеяния)

	Организационная структура управления	Информационная инфраструктура
Эксперт № 1	35	25
Эксперт № 2	25	15
Эксперт № 3	30	45
Эксперт № 4	45	50
Эксперт № 5	40	35
Эксперт № 6	35	55
Эксперт № 7	40	45

Данные таблицы показывают, что существует определенная зависимость между организационной структурой управления и информационной инфраструктурой. Используя команду *Regression* пакета SPSS, вычислим значения коэффициентов регрессии для данных, представленных в таблице 1. Получаем значения: b_0 = -5,14; b_1 = 1,22. Следовательно, модель линейной регрессии имеет вид $y = 1.22x - 5.14$, а прямая изображена на рисунке 1.

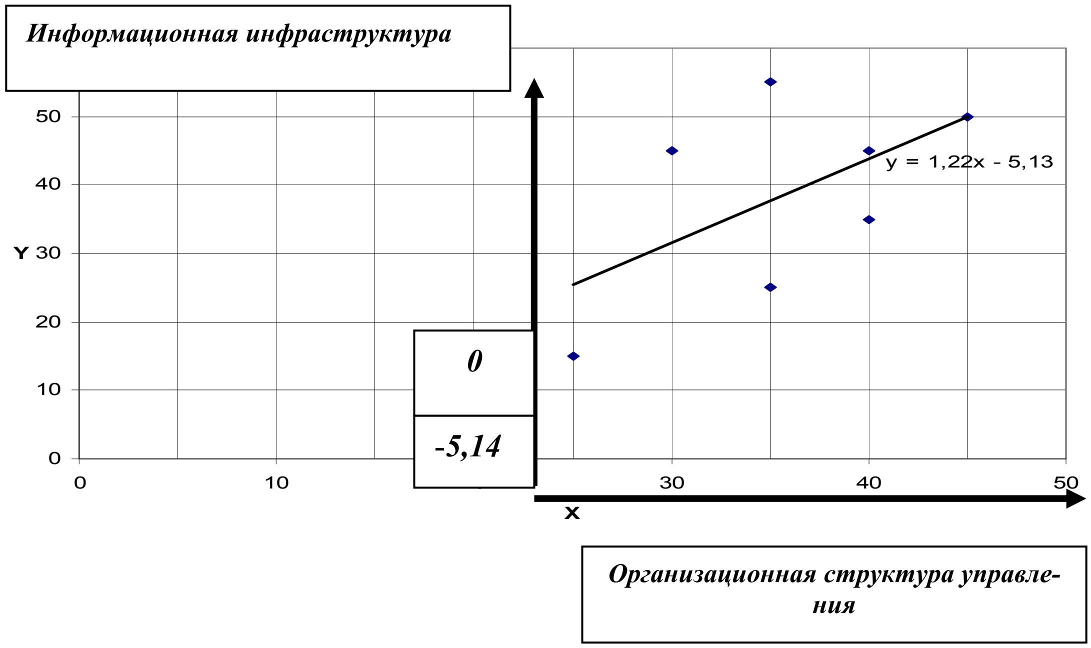


Рисунок 1 – Регрессионная модель $y = 1.22x - 5.14$

Коэффициент b_0 показывает, в какой точке регрессионная прямая пересечет ось y. Интерпретировать этот показатель достаточно просто: он выявляет, какой уровень развития будет иметь инфраструктура, если организационные структуры университета не будут заниматься ее развитием, то есть значение этого показателя равно 0 баллов. Он будет иметь отрицательное значение (–5,14 балла). Очевидно, в рамках данного

примера такая ситуация бессмысленна, однако во многих случаях b_0 несет полезную информацию. Смысл *коэффициента* b_1 интереснее. *Он показывает, как будет улучшаться инфраструктура по мере повышения на одну балльную единицу характеристик организационных структур.* Видно, что увеличение суммарной оценки организационной структуры на 1 балл дает улучшение состояния инфраструктуры на 1,22 балла. Следовательно, именно этот коэффициент демонстрирует *силу* связи между *у* и *х. Этот коэффициент и имеет основное значение при установлении количественных характеристик, важных для институционалистики, так как его значение определяет направление развития и самого проекта, и условий его внедрения.* Чтобы установить тесноту корреляционной связи между величинами y и x, вычислим коэффициент корреляции:

$$r = \frac{\overline{xy} - \overline{x}\,\overline{y}}{\sqrt{\left(\overline{x^2} - \left(\overline{x}\right)^2\right)\left(\overline{y^2} - \left(\overline{y}\right)^2\right)}} \approx 0.57\,.$$

Для определения части полного рассеяния значения y, обусловленной изменчивостью значений x, вычисляется коэффициент детерминации: $B = r^2 \approx 0.33$. Это означает, что 33% общей дисперсии информационной инфраструктуры обусловлены функционированием только организационной структурой управления университета. Остальные 66% общей дисперсии нельзя объяснить зависимостью информационной инфраструктуры от организационной структурой управления, что вполне реально для таких сложных динамических моделей, какими являются хозяйственные модели. В данном случае важно выявить некое направление зависимостей и динамики развития, для того чтобы интерпретировать его с помощью качественного анализа.

Второй этап работы связан с моделированием *условий функционирования институционального проекта*, то есть с необходимостью осуществления всех перечисленных выше этапов моделирования, но в отношении *институциональной среды*. Последнюю будут описывать характеристики, полученные по общеуниверситетским кафедрам.

Формализация модели институциональной среды представляется еще более сложной задачей, нежели формализация институционального проекта. И здесь многое зависит от навыков и новаторства субъекта моделирования, его способности проникнуть в сущностные процессы функционирования институциональной среды и придать им адекватные характеристики. Следует также учитывать, что в социальных науках применение моделей не является гарантией или предпосылкой высокого уровня и качества исследования. В данной области знания трудно вообще говорить о четких доказательствах в строгом смысле слова. Однако этот факт не свидетельствует о том, что от количественных исследований необходимо отказаться. Любой измерительный результат имеет свою полезную нагрузку.

Перейдем к процессу *идентификации переменных, установления вида и параметров экономико-математической модели институциональной среды.* В этих целях выделим важнейшие факторы, обусловливающие ***компетентные характеристики работников кафедр*** и характеризующие их институциональную среду. Эти характеристики являются также и основными факторами, влияющими на качество самой среды, например: ***удельный вес кандидатов и докторов наук в численности ППС; индекс цитирования.***

Удельный вес кандидатов и докторов наук в численности ППС является распространенным и стандартным показателем уровня компетентности кафедр как отдельных

научно-исследовательских институциональных систем и в этой связи вполне адекватен при характеристике институциональной среды кафедры (таблица 2).

Таблица 2 – Удельный вес кандидатов и докторов наук в численности ППС общеуниверситетских кафедр

Наименование кафедры	Число кандидатов и докторов наук	Общее число работников	Удельный вес кандидатов и докторов наук в численности ППС
Философии	8	10	0,8
Политологии и социологии	6	9	0,67
Теоретической и прикладной экономики	6	11	0.55
Культурологии	4	8	0,5
Педагогики	10	17	0,59
Психологии развития	5	17	0,29
Иностранных языков	3	21	0,14
Иностранных языков с методикой	3	19	0,16
Информационных технологий	3	13	0,23
Основ медицинских знаний	2	6	0,33
Физической культуры	3	37	0,08

Индекс цитирования является еще более точной характеристикой институциональной научно-исследовательской среды кафедр по той причине, что информация, цитируемая в прочих работах, к которой постоянно испытывают интерес другие исследователи, обладает объективной ценностью и имеет характеристики ***добавленной стоимости***. Знание[6], как и любой другой товар, приобретает стоимостные характеристики в процессе осуществления рыночных обменных операций[7]. Чем выше частота обмена, тем объективнее стоимость знания, определяемая для участников рыночных трансакций (как правило, это частнопредпринимательские структуры[8]). Если же рыночный

[6] Знание возникает в том случае, когда наступает этап формулирования выводов из предварительно полученной и обработанной информации и представления полученных выводов в определенном контексте. Знание существует в состоянии *explicit knowledge,* то есть как систематизированное и ясно определенное знание, которое можно представить в формальном виде как слова, знаки, символы или цифры, а также в состоянии *tacit knowledge,* о существовании которого мы знаем, используем его в своей каждодневной работе, но не можем его в конечном счете определить и описать.

[7] Рынок выделяет следующие категории знания: *know-what (знать что)* – это знание говорит о фактах, в этом случае оно имеет значение близкое к информации и может быть представлено в виде данных или битов; *know-why (знать почему)* – относится к знаниям о принципах и законах функционирования природных и общественных явлений; *know-how (знать как)* – имеет отношение к умениям и компетенциям, что означает уметь что-то сделать (обычно именно этой категории знания приписывают стоимостные характеристики, незаслуженно отодвигая на второстепенные позиции другие категории знания) *know-who (знать кто)* – то есть четко определить, кому принадлежит знание: одной фирме или исследовательскому коллективу.

[8] Управление знаниями на предприятиях представляет собой процессы, позволяющие создавать, распространять, практически использовать и капитализировать (сохранять в виде патентов и лицензий) знание.

продукт в виде знание заказывается государством, то его стоимостная оценка также должна быть предварительно проверена в процессе рыночных трансакций, в противном случае деньги налогоплательщиков будут потрачены руководителями госструктур неэффективно. Эффективное же управление знаниями означает триединство следующих процессов: интеграция управления знанием с существующими бизнес-процессами, использование соответствующих современных технологий, например, *базы данных*, *e-learning, коммуникаторов, мобильных терминалы,* ***создание благоприятного климата в межчеловеческом общении для беспрепятственного распространения скрытого знания***.

Иначе говоря, *индекс цитирования* характеризует собой интегрированный показатель уровня научных компетенций кандидатов и докторов наук, работающих на общеуниверситетских кафедрах и свидетельствующий о возможности применения к итоговой оценке результатов их научной деятельности стоимостных (экономических) характеристик. Однако если получить данные, которые характеризуют первый фактор, описывающий регрессионную модель, не составляет определенного труда, то вычисление индекса цитирования довольно сложная задача. Эту задачу попытаемся решить при помощи сбора статистической информации и анкетирования. Полученные сведения представлены в таблице 3.

Таблица 3 – Зависимость между отдельными характеристиками институциональной среды общеуниверситетских кафедр (диаграмма рассеяния)

Характеристики среды / Перечень кафедр	Удельный вес кандидатов и докторов наук в численности ППС	Индекс цитирования
Философии	0.8	Закрытые данные
Политологии и социологии	0.67	Закрытые данные
Теоретической и прикладной экономики	0.55	0.13
Культурологии	0.5	Закрытые данные
Педагогики	0.59	Закрытые данные
Психологии развития	0.29	Закрытые данные
Иностранных языков	0.14	Закрытые данные
Иностранных языков с методикой	0.16	Закрытые данные
Информационных технологий	0.23	Закрытые данные
Основ медицинских знаний	0.33	Закрытые данные
Физической культуры	0.08	Закрытые данные

Используя вновь команду *Regression* пакета SPSS, вычислим значения коэффициентов регрессии для данных, представленных в таблицах 2, 3. Получаем значения: b_0 = 0,0,2; b_1 = 0,09. Следовательно, модель линейной регрессии имеет вид у = 0,09x + 0,02, а прямая, изображенная на рисунке 2, характеризует данную модель. *Коэффициент* b_0 *показывает, какой будет индекс цитирования, если число кандидатов и докторов наук будет равно 0.* Он будет иметь значение 0,02 балла.

Очевидно, что в данном случае значение b_0 несет полезную информацию, которая говорит о том, что интересные цитируемые работы могут издаваться и научными работниками не имеющими ученой степени.

Смысл *коэффициента b_1* следующий. *Он показывает, как будет повышаться индекс цитирования, по мере того как будет расти на одну бальную единицу значение специалистов имеющих ученую степень на кафедрах гуманитарного профиля.* Видно, что улучшение в данном случае имеют минимальное значение.

Итак, вывод из результатов данного анализа следующий: состояние институциональной среды общеуниверситетских кафедр характеризуется моделью крайней консервативности, низким уровнем инновационности и малой динамикой развития.

Чтобы установить тесноту корреляционной связи между x и y, вычислим коэффициент корреляции:

$$r = \frac{\overline{xy} - \bar{x}\bar{y}}{\sqrt{(\overline{x^2} - (\bar{x})^2)(\overline{y^2} - (\bar{y})^2)}} \approx 0{,}37;$$

$$\overline{y^2} = \frac{1}{11}(0{,}02 \cdot 0{,}02 + 0{,}07 \cdot 0{,}07 + 0{,}13 \cdot 0{,}13 + \dots + 0{,}01 \cdot 0{,}01 + 0{,}01 \cdot 0{,}01) \approx 0{,}01.$$

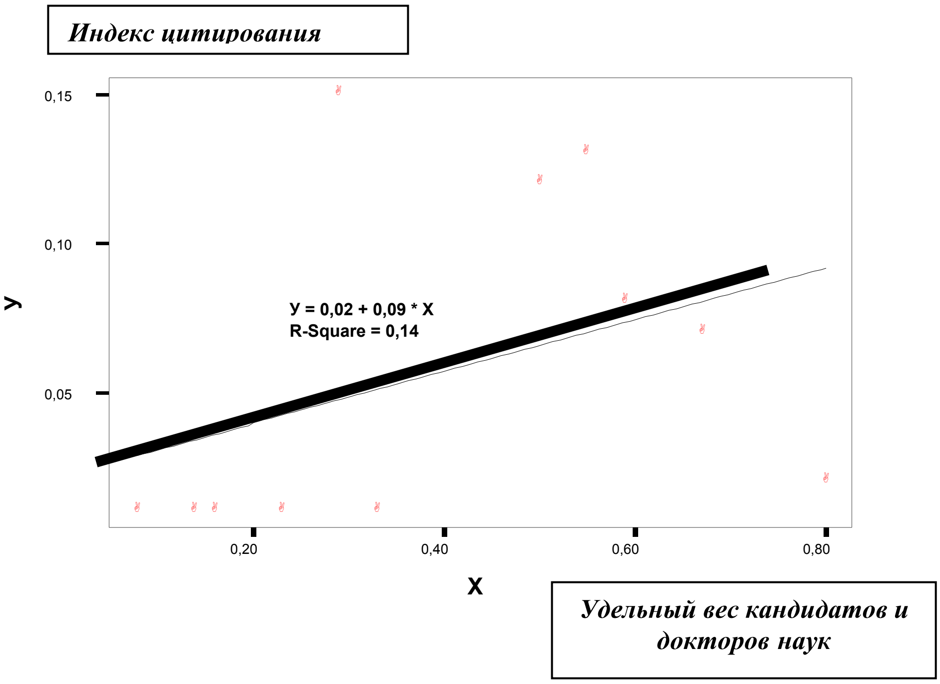


Рисунок 2 – Регрессионная модель y = 0,09x + 0,02

Тогда r ≈ 0,37. Для определения части полного рассеяния значения *y*, обусловленной изменчивостью значений *x*, вычисляется коэффициент детерминации: B $= r^2 \approx$ 0,14. Это означает, что 14% общей дисперсии индекса цитирования обусловлено вариацией удельного вес кандидатов и докторов наук в численности ППС. Остальные 86% общей дисперсии нельзя объяснить зависимостью индекса цитирования от удельного веса кандидатов и докторов наук в численности ППС.

Показателем институциональной эффективности служит коэффициент эластичности институционального проекта *(Ei)* к действующей институциональной среде, который в общем виде представляется следующим образом: *Ei = αij / Iis.*, а для приклад-

ных расчетов в виде:

$$E= [\pm]piM\ \sigma i\ /\ \sigma M$$

Графическая интерпретация методов оценки институциональной эластичности представлена на рисунке 3.

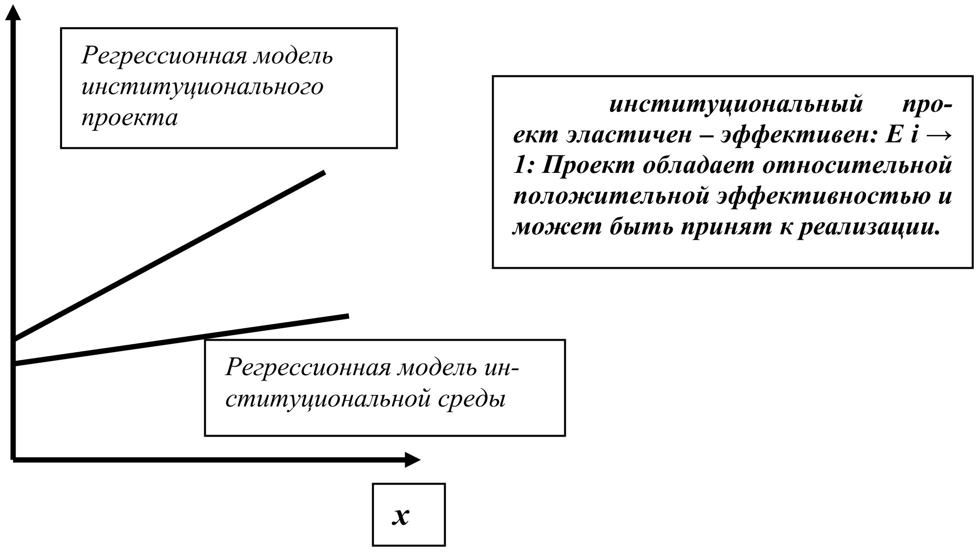


Рисунок 3 – Графическая оценка эластичности моделей институционального проекта и институциональной среды

Кроме этого, формула расчета институциональной эластичности требует оценки изменений колебаний ценовых норм как в рамках того объекта, где предполагается его внедрение, так и в рамках всего университета. Полученные данные обычно имеют процентные показатели, отраженные в таблице 4.

Таблица 4 – Отклонения ценовой нормы заработной платы в среднем по университету и общеуниверситетским кафедрам

Год	Средняя заработная плата по университету	Отклонение ценовой нормы	Средняя заработная плата по общеуниверситетским кафедрам	Отклонение ценовой нормы
2007	Закрытые данные	100%	Закрытые данные	100%
2008	Закрытые данные	115%	Закрытые данные	117%

В расчетах коэффициента институциональной эластичности учитываются также результаты качественного анализа эффективности формальных правил функционирования информационной базы университета (таблица 5). Результаты экспертизы дают оценку «+».

В результате графического сопоставления регрессионных моделей институционального проекта и соответствующей среды (рисунок 3) и проведенных расчетов оказалось, что параметр корреляции между регрессионными моделями, сформированными в

результате внедрения инновационного институционального проекта в соответствии с требованиями целевой функции TRC → min[10] к условиям институциональной среды, составляет *piM = 0,69*. Среднее квадратическое отклонение, учитывающее изменения ценовых норм в результате внедрения проекта в организации, составляет: *σi =17%,* в то время как *σM = 15%*. Следовательно, значение коэффициента институциональной эластичности (в соответствии с вышеприведенной формулой) будет равно: *E = [+] 0,69 [17/15] = 0,77.*

Таблица 5 – Значения качественного анализа эффективности формальных правил функционирования информационной базы университета [1]

	Утилитарная эффективность	Эффективность по Парето	Эффективность по Хиксу	Итоговая оценка
Эксперт № 1	+	+	-	+
Эксперт №2	-	-	-	-
Эксперт №3	-	+	+	+
Эксперт №4	-	-	-	-
Эксперт №5	+	+	+	+

Заключение

Значение коэффициента институциональной эластичности свидетельствует о следующем:

1. Организационная структура управления и инфраструктура информационной базы университета находятся на переходном этапе развития и пока не соответствуют современным требованиям.

2. «Путь развития» институционального проекта «информационная база университета» находится в верном русле и требует продолжения работы.

3. Состояние институциональной среды университета имеет более негативные характеристики, нежели институциональный проект, и связанно это с нежеланием кадрового состава кафедр гуманитарного профиля практически воспринимать развитие информационных технологий и повышать свои квалификационные компетенции; существующая же научно-исследовательская среда характеризуется крайней консервативностью, низким уровнем инновационности и малой динамикой развития.

Коэффициент институциональной эластичности, имеющий значение E = 0,77, свидетельствует о том, что на развитие институционального проекта «информационная база университета» большее влияние оказывает не материальная составляющая проекта, а социально-культурные и компетентностные характеристики институциональной среды, которые снижают эластичность к ним новых технологий и знаний. Иными словами, институциональный проект недостаточно эластичен к существующему уровню человеческого капитала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Черновалов, А.В. Институционалистика / А.В. Черновалов. – Брест : БрГУ имени А.С. Пушкина, 2009. – 360 с.

[10] Смотри теорему институциональной эффективности.

Charnavalau A.V., Skakun E.V., Charnavalava Z.V. **Method of calculation elasticity of institutional project**

The new methods for designing and predicting the possible consequences of the implementation of the institutional projects that can be used when deciding on the need for their implementation are opened in article. An example of combining sociological and economic analysis tools to study the object of an institutional nature is considered by the researcher. The concept, conceptions and categories of the new institutional economics are resulted; whose founder O. Williamson was awarded the Nobel Prize in Economics in 2009.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 28.04.10

УДК 330.101.542(476)

Ж.В. Черновалова

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОЦЕССОВ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ НА МИКРОУРОВНЕ

В статье осуществлен критический анализ классических методик прогнозирования результатов хозяйственной деятельности на микроуровне. Рассматривается вклад новой институциональной экономической теории и ее составной части – институционалистики – в развитие методик прогнозирования в некоторых специфических сферах хозяйственной деятельности. Даются рекомендации по организации прогностической работы в экономике.

Введение

Научный подход – это систематический и логический подход к процессу принятия решений, который путем разъяснения ситуации может помочь менеджеру принимать взвешенные решения. Разработанные и используемые в настоящее время методики принятия управленческих решений сами по себе их не формируют, они обеспечивают такие решения лишь необходимым объемом информации. По нашему мнению, модель научного подхода менеджера к процессу принятия решений может быть представлена следующим образом:

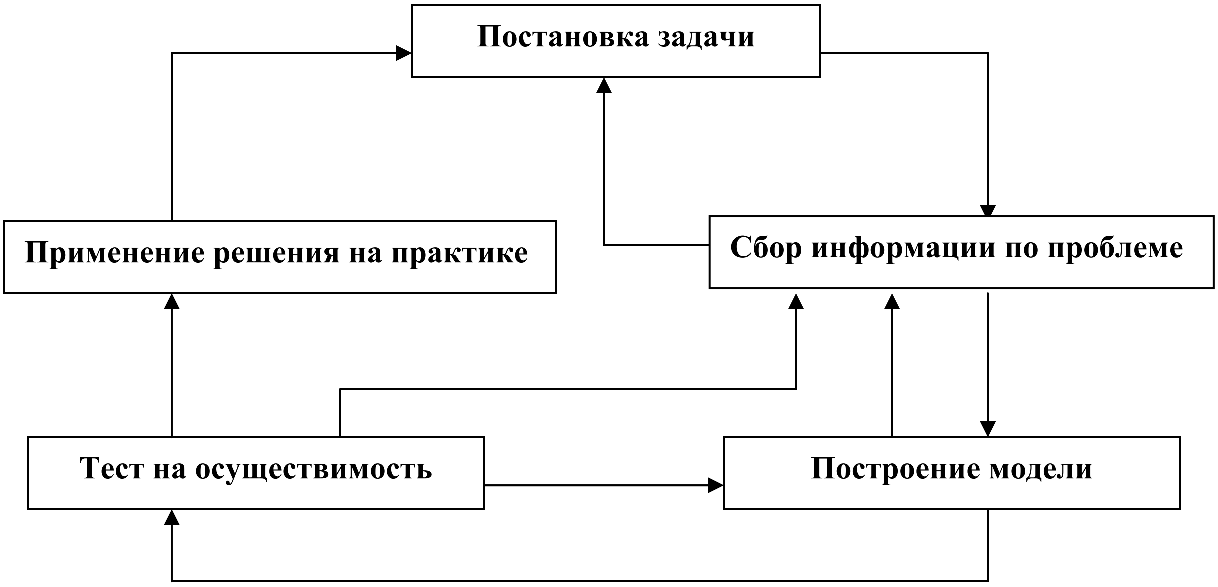


Рисунок 1 – Стадии научного процесса в модели принятия управленческих решений

Модели в науке об управлении обычно строятся с помощью математических связей; некоторые используемые при этом методы и отдельные виды задач, для решения которых они предназначены, представлены на рисунке 2.

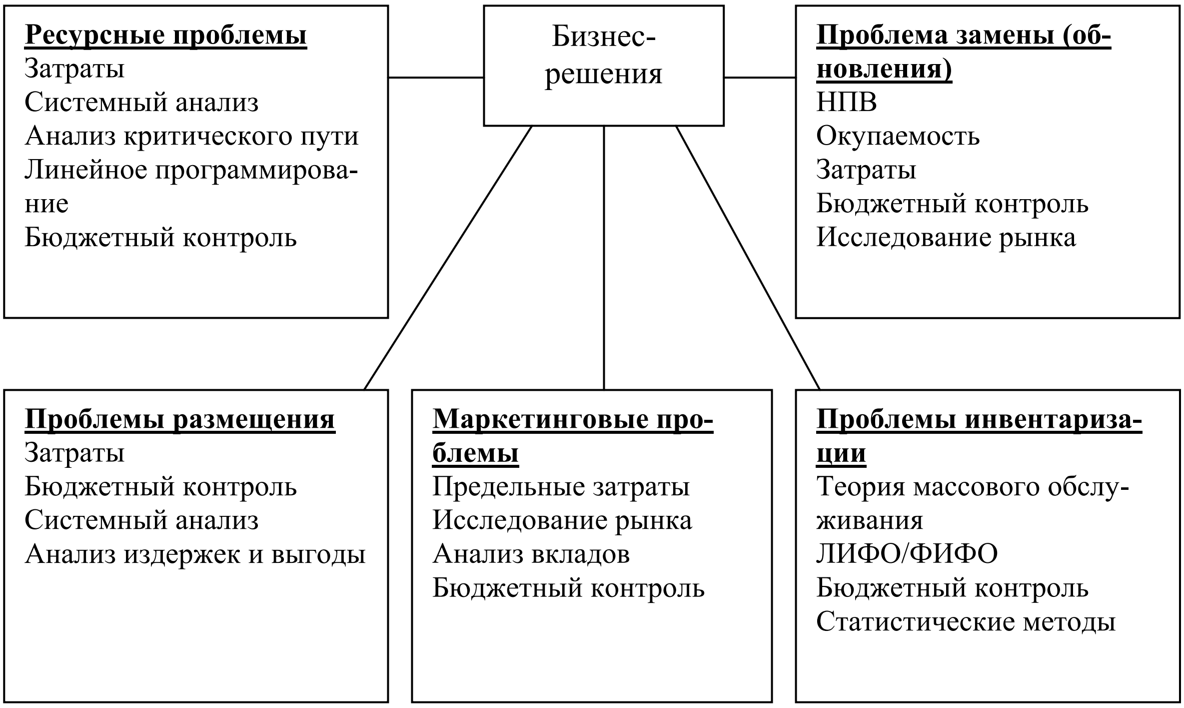


Рисунок 2 – Возможные проблемы при принятии управленческих решений

Использование экономико-математического моделирования в управленческой науке является естественным желанием менеджеров спрогнозировать развитие событий и застраховаться от возможных рисков. Риск появляется тогда, когда налицо два и более возможных исходов принятого управленческого решения, некоторые из которых менее желательны, чем другие. При этом, создавая формальные модели, экономисты намеренно упрощают их до нескольких количественно оцениваемых параметров. Возникает вопрос: все ли риски учитываются, а если не все, то продуктивна ли такая модель, использующая, заметим, как правило, неоклассическую методологическую базу?

Реакция людей на конкретную ситуацию является предметом изучения психологии: почему человек хочет принять специфическое решение, когда коллеги советуют проявить осторожность, почему человек принимает очевидно неразумное решение, которое, по крайней мере с виду, абсолютно абсурдно. Однако такие решения все же принимаются, вне зависимости от влияния на процесс их принятия постулата мейнстрима о максимизации полезности в виде некоторого количественно исчисляемого параметра. В данном случае более важное значение для экономического агента играет либо традиция соответствующего национально-культурного объединения, либо интуиция, ориентированная на некоторую совокупность опыта, использующего результаты реализации некоторых правил экономической игры.

Здесь мы развиваем мысль о том, что у всех людей имеется собственный уникальный набор целей, личностные особенности, которые будут влиять на их поведение в той или иной ситуации. Фрейд предположил, что некоторые стимулы, влияющие на поведение людей, на самом деле являются подсознательными, то есть обусловленными исторически сформированной традицией поведения в конкретной ситуации. Его точка зрения заключается в том, что если бы мы знали, каковы эти подсознательные стимулы, то неразумные решения оказались бы разумными в свете полученной дополнительной информации и ее сопоставления с действующими экономическими правилами игры.

Неоклассический подход к объяснению процессов принятия решений заключается в том, что исследователи стараются дать ответ на вопрос: пытаются ли люди максимизировать свою удовлетворенность от любого принятого ими решения. В общем виде для неоклассического направления экономической теории личная удовлетворенность может включать прежде всего денежное вознаграждение. С такой постановкой вопроса согласиться нельзя. Конечно, максимизация результата при принятии решения важна, но только как один из вариантов некоторого набора стимулов.[1] *Полезность принятого решения для человека (степень удовлетворенности его желаний) субъективна, иначе говоря, именно воспринимаемая человеком полезность с учетом действующей традиции и правил поведения важна для него самого.*

Как усовершенствовать методологию прогнозирования?

Перейдем теперь к вероятностной проблематике свершения некоторых событий. У каждого события существует *фактическая (объективная) вероятность* его наступления[2]. Поэтому вполне логично, что при принятии решений нужно выбирать такое, которое приведет к определенному результату, имеющему, с одной стороны, высокую степень вероятности его наступления, с другой, максимальную полезность, имеющую различны (не только стоимостными) оценками. И все же следует учитывать, что при принятии решений экономические агенты опираются на *субъективную вероятность* (назовем ее *институциональной вероятностью*, так как она учитывает психологические особенности поведения, заданные соответствующей традицией, и действующие правила игры) даже тогда, когда известна объективная вероятность[3].

Суммируя вышесказанное, можно говорить о том, что люди имеют склонность принимать решения, основываясь лишь на субъективном (институциональном) ожидаемом значении его исхода. Эта формулировка подтверждает, по нашему мнению, новый теоретический постулат, состоящий в том, что при осуществлении прогнозных расчетов, обосновывающих процесс принятия решений, следует основываться на субъективных оценках вероятности в сочетании с субъективной полезностью воспринимаемого результата.

Субъективная вероятность соответствующих событий – вопрос не только интуиции, она также в значительной степени зависит от уровня знаний и опыта вовлеченных в этот процесс людей[4]. Сегодня существует множество исследований, свидетель-

---

[1] Например, хорошо разработанный бизнес-план, с одной стороны, максимизирует полезность корпорации, однако отсутствие мотивации к его исполнению для управленческого персонала или другие интуитивно ощущаемые ими варианты получения собственного удовлетворительного результата могут свести на нет всю ранее проделанную работу.

[2] Если экспериментатор станет подбрасывать «правильную» (симметричную) монету, существует 1 шанс из 2, что выпадет орел, – при условии, что каждый раз она будет подбрасываться одинаковым образом и что она не упадет ребром. Слово «правильная» используется в данном случае, чтобы указать, что монетка пропорциональная и стандартная, т.е. что у нее нет решки на обеих сторонах.

[3] Например, опыт с подбрасыванием монетки свидетельствует именно об этом. Не важно, как часто подбрасывается монетка, вероятность того, что в следующий раз выпадет орел, остается 1 к 2, т.е. 0,5. Если экспериментатор будет подбрасывать монетку 10 раз и каждый раз выпадает орел, наблюдатели могут спорить о том, что вероятность события, связанного с тем, что в следующий раз выпадет решка, увеличивается. Однако это не так. Здесь имеет место скорее субъективная, а не фактическая вероятность, так как речь идет о законе больших чисел. Предложенная оценка ситуации наблюдателями основывается скорее не на цифрах, а на интуитивном восприятии вероятности, то есть выпадение 11 раз подряд орла маловероятно. Фактически, это 0,5 возведенное в 11 степень или приблизительно 0,00049, однако к тому времени как орел выпадет в 10-й раз, половина «чуда» уже произойдет.

[4] Специалист, следящий за скачками и тщательно изучающий разновидности лошадей, в своем окончательном решении, на какую лошадь поставить, все же будет опираться на субъективное мнение об их

ствующих о том, что при принятии решений люди не используют многие факты и данные, находящиеся в их распоряжении. Так, например, при ограниченном наборе данных большинство людей принимает хорошее, взвешенное решение; когда же информационная база слишком широка, существует опасность того, что большая ее часть будет проигнорирована. Как правило, человек выбирает те данные, которые, по его субъективной оценке, являются наиболее важными. Это явление известно в науке как «*информационная перегрузка*», а излишняя информация как «*информационный шум*».

Далее акцентируем внимание на том, что многие принятые деловые решения основывались на неполной информации в виду того, что трансакционные издержки доступа к ней непозволительно высоки, либо в связи с тем, что необходимая часть информации являлась совершенно недоступной. И все же решение, разработанное управленческой командой для конкретных целей фирмы, может учитываться руководством, например, в инвестиционном анализе, если указанная команда предпринимает попытку спрогнозировать будущий потенциал компании, используя для этого специальную методологию, дающую возможность оценивать не только количественные параметры, поддающиеся максимизационным расчетам, но и учитывающие эластичность содержательной части решения к характеристикам действующей институциональной среды (условиям хозяйствования)[5].

Каждая теоретическая и методологическая работа осуществляется с единственной целью – попытаться спрогнозировать на их основе направление развития того или иного экономического явления. М. Блауг указывает: «На протяжении этой книги «Методология экономической науки…» я доказывал, что основная цель экономической теории – предсказывать, а не только понимать, и подразумевал, что из всех противоборствующих доктрин прошлого лишь ортодоксальная, вневременная теория равновесия – короче говоря, неоклассическая НИП[6] – продемонстрировала готовность судить себя на основе своих предсказаний. Ортодоксальная экономическая теория по праву может гордиться тем, что увеличила возможности экономиста делать прогнозы. В то же время необходимо подчеркнуть, насколько ограничены даже сейчас эти прогнозы» [1, с. 370].

Следует согласиться, что несмотря на достаточно эффективную критику ортодоксальной неоклассики со стороны институционально-эволюционной теории, прогностическая сила этой НИП пока еще слаба и не может конкурировать в процессах верификации и фальсификации с неоклассикой, которая может себе позволить и то, и другое, в отличие от новой конкурирующей НИП, ввиду ограниченного характера осуществленных эмпирических исследований последней. О. Уильямсон приписывает игнорирование или ограниченное использование такой основной концепции неоинституционализма и новой институциональной экономической теории как концепции трансакционных издержек тому обстоятельству, что эта идея не была переведена в операциональное состояние, что свойственно большинству неоклассических моделей, [2, с. 349]. Предлагаемая в наших работах теорема институциональной эффективности, являющаяся развитием известной в институциональных кругах теоремы Коуза[7], представляется,

---

шансах на победу, но вероятность правильного выбора здесь гораздо больше, чем у того, кто будет выбирать лошадей по их имени.

[5] В данном случае следует учитывать требования обоснованной в работе [ ] теоремы институциональной эффективности (вторая теорема Коуза).

[6] НИП – научно исследовательская программа, или парадигма

[7] Если трансакционные издержки больше нуля (TRC > 0), то их относительная экономия есть критерий институциональной эффективности при условии, что применяемая в экономической системе модель рыночного института обладает параметрами эластичности по отношению к институциональной среде (то есть наблюдается снижение действующих ценовых норм).

по нашему мнению, методологической основой для осуществления именно операционных прогностических расчетов [3, с. 15].

Прогноз – это предсказание того, что ожидается в будущем, хотя такие предсказания и основаны на прошлом опыте, который можно почерпнуть из статистических данных или данных бухгалтерского или управленческого учета, то есть это может быть более или менее поддающийся количественному определению опыт, связанный с результатами принятия некоторых решений.

При прогнозировании процесса развития фирмы экономисты исследуют то, что, по их мнению, должно произойти: *будущие продажи, ожидаемая производительность, изменения процентных ставок, наличие инвестиционных фондов, объем заказа инвентаря и т.д.* Некоторые из этих прогнозов относятся к довольно коротким периодам времени, не больше месяца, другие же, например, используемые при составлении годового бюджета или бизнес-плана, будут относиться к годовым и более промежуткам времени.

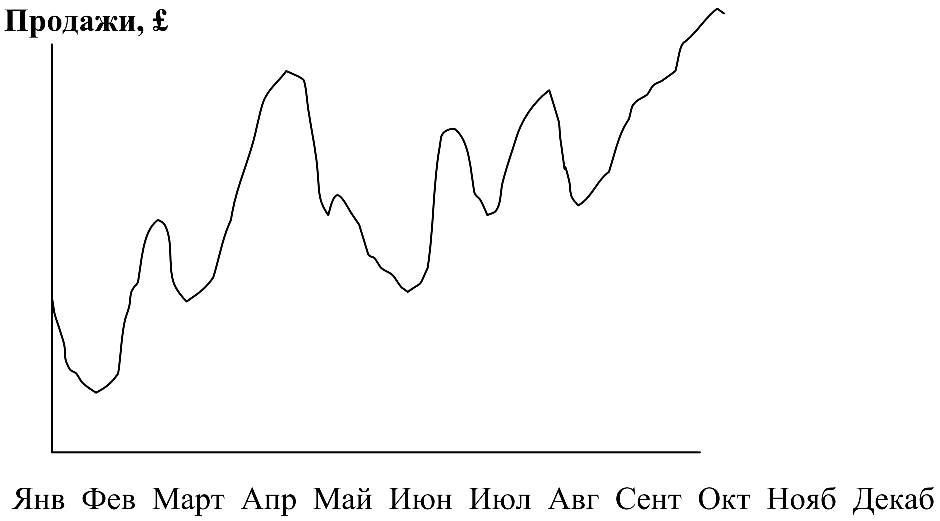


Рисунок 3 – Продажи компании за 12-месячный период

Прогнозы, которые будут использованы при принятии, например, инвестиционных решений, могут потребовать не только количественных оценок рыночных изменений, но и изменения условий функционирования хозяйствующих субъектов и действующих правил игры, а также ожидаемого срока службы проекта: чем больше этот период, тем больше вероятность того, что условия, в которых сделан прогноз, изменятся. Именно в данном случае и возможно применение *теоремы институциональной эффективности* для ***оценки эластичности первоначальных условий выполнения проекта к устойчивости или неустойчивости появившихся новых институциональных параметров.***

Помимо периода, на который составляется прогноз, при прогнозировании важно также принимать во внимание любые аналогичные примеры, встречающиеся в первичных данных, что иллюстрирует рисунок 3, характеризующий продажи фирмы за период 12 месяцев. Продажи имеют тенденцию к повышению, таким образом, имеется общая тенденция к их повышению в течение следующего года. В некоторые периоды (месяцы) уровень продаж стал ниже, чем за предыдущий месяц. Если такая тенденция будет наблюдаться в статистике каждого года, можно говорить о том, что продажи имеют зави-

симость от сезонных колебаний, если же данный пример является результатом изменений на рынке, которые не обязательно будут повторяться в такое же время каждого года, (например, изменение процентных ставок), тогда мы имеем дело с экономическим циклом, причиной появления которого зачастую являются институциональные трансформации или институциональное развитие.

На недостаток институциональной НИП, связанный с ее увлечением концептуальными исследованиями, указывал в своей Нобелевской лекции Р. Коуз: «Иногда мои высказывания интерпретировали в том смысле, что я – противник математизации экономической теории. Это неверно. На самом деле, коль скоро мы начинаем выявлять реальные факторы, влияющие на функционирование экономической системы, сложные взаимосвязи между ними, очевидно, потребуют математической обработки, как в естественных науках, а экономисты, подобные мне, т.е. пишущие прозой, благоразумно откланяются. Скорее бы настали эти времена» [2, с. 349].

Однако, как отмечают в своем известном труде «Теория игр и экономических взаимодействий» Нейман и Моргинштерн, математическая наука находится еще в долгу у экономических исследований, так как до настоящего времени не предложила сколь ни будь приемлемого математического инструментария для исследований современных чрезвычайно сложных динамических экономических систем [4]. Сюда же примыкает проблема недостаточности информации для исследований институционально-эволюционного характера. На эту проблему указывает и Р. Коуз: «Однако я пришел к выводу, что главным препятствием, стоящим перед исследователями промышленной организации, является нехватка имеющихся данных о контрактах и деятельности фирм. Поэтому я решил предпринять некоторые меры» [2, с. 350]. И эти меры Р. Коуз предпринял – создав в США несколько организаций, которые, по его мнению, обеспечат большую доступность и поддержку всем исследователям институциональной структуры производства и приведут к сокращению изящного, но бесплодного теоретизирования, столь частого в экономической литературе по экономической организации, и подтолкнут исследования, повышающие уровень нашего понимания процессов функционирования реальных экономических систем [2, с. 351].

Очевиден и тот факт, что способность экономистов предсказывать реальные экономические события в рамках неоклассической НИП серьезно ограничена и, следовательно, имеется ряд серьезных оснований для скептицизма в отношении развития этой работы только в рамках основного течения (мейнстрима).

В настоящее время в экономической теории существует несколько альтернативных исследовательских программ (среди них и институционально-эволюционная), которые подчеркивают свою озабоченность недостаточной прогностической силой тех главенствующих предпосылок, которые лежат в основе традиционной экономической методологии. Напрашивается вывод о том, что развитие методологии прогнозирования экономических явлений в соответствующих системах требует не ограничения численности НИП, а наоборот, их увеличения, что должно принести результат в виде появления новых конкурентоспособных методологий прогнозирования.

Новые методики прогнозирования, основанные на инстиуциональных подходах, начинают пробивать себе дорогу в тех сферах человеческой деятельности, где традиционные неоклассические подходы не дают положительных результатов. К такой сфере можно отнести маркетинговые исследования успешности новых кинопроектов в рамках киноиндустрии конкретного государства. Здесь недостаточно классических экономических методов анализа, нужны приемы и методики, которые находятся на стыке экономики и социологии, а именно этим и занимается новая институциональная экономическая теория и ее ответвление, *институционалистика* – специализирующаяся количественном анализе [3].

Приведем небольшой пример, который показывает, что институциональные методы прогнозирования позволяют связать воедино и такое социологическое понятие, как «портрет целевой аудитории», и чисто экономическое понятие - прогнозируемый доход от проката кинофильма[8].

Определение «портрета» целевой аудитории и его использование

В ходе исследования должны быть получены подробные данные о социально-демографических и поведенческих характеристиках лиц, заинтересовавшихся кинофильмом по предварительному анонсу. Преобладание тех или иных подгрупп зрителей по возрасту, полу, частоте посещения кинотеатров, жанровым предпочтениям и т.п. позволит сформировать «портрет» целевой аудитории нового кинопроекта и его регрессионную модель (формализованное математическое отражение реального объекта исследования), учитывающую взаимосвязи между различными исследуемыми показателями (рисунок 4).

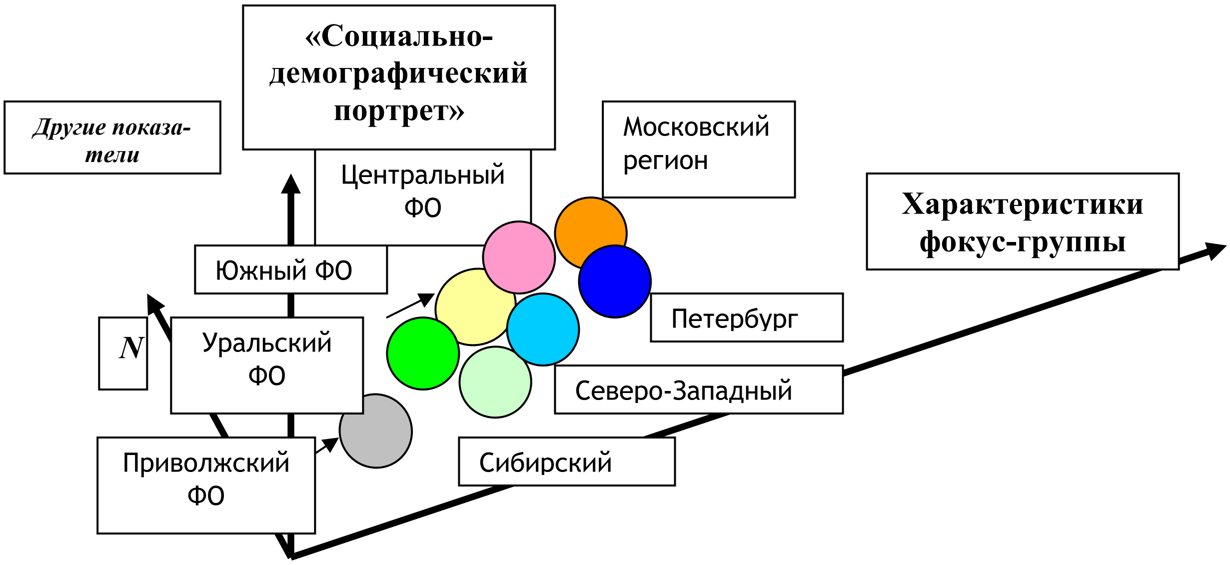


Рисунок 4 – Карта зависимостей между характеристиками фокус-группы и социально-демографическим портретом посетителей кинотеатров

Рисунок 5 – Целевая аудитория фильма

[8] Материалы аналитического примера привлечены из работы П.В. Черновалова «Оценка эластичности кинопроектов» согласия автора.

Полученный «портрет» целевой аудитории нового кинофильма и его модель может быть использован при разработке рекламной кампании нового фильма, выборе наиболее адекватных для данной целевой аудитории каналов рекламно-информационного воздействия, корректировке отдельных элементов фильма (например, больший акцент на спецэффекты или усиление мелодраматической сюжетной линии и т.п.).

Кинопроект рассматривается в данном исследовании как институциональный проект, то есть как совокупность некоторых формальных и неформальных правил, установленных в сценарии и предназначенных для героев фильма. Кинопроект должен обладать определенными параметрами качества, последние, в свою очередь, определяют его эффективность, то есть устанавливают значение коэффициента эластичности к условиям институциональной среды - целевой аудитории нового кинофильма. Проблема оценка качества институционального проекта сложна, многообразна и представляет собой многоуровневую исследовательскую систему. Сокращая аналитические рассуждения по этому поводу, можно указать лишь, что, в соответствии с нашей методикой, изложенной в работе «Институционалистика» [3], необходимо рассчитать значение коэффициента эластичности кинопроекта к характеристикам целевой аудитории.

Примем условие, что данный коэффициент нас устраивает и предположим, что мы рассчитываем, например, характеристики широкой целевой аудитории для фильма, предназначенного для семейного просмотра. В этом случае критериями выделения целевой аудитории являются: регрессионная модель последней и коэффициент эластичности кинопроекта как институционального проекта. Дальнейшие расчеты показывают, что общий размер целевой аудитории составляет около 4,5 млн человек; целевая аудитория фильма – число лиц, в той или иной степени готовых пойти на просмотр нового кинофильма в кинотеатр, – составляет около 3,8 млн человек; «ядро» целевой аудитории нового фильма – точно готовых пойти в кинотеатр - составляет около 1,3 млн человек.

Прогноз доходной части кинопроекта

Имея характеристики целевой аудитории, рассчитаем примерные значения следующих показателей[9]: максимальную емкость проекта – количество лиц, выразивших ту или иную степень готовности пойти на кинофильм × цену билета; минимальную емкость проекта - количество лиц, выразивших точную готовность пойти на кинофильм × цену билета; максимально возможный прогнозируемый доход - количество лиц, выразивших ту или иную степень готовности пойти на кинофильм × цену билета × 30% (коэффициент введен экспертно, по различным товарным рынкам доля реальной покупки нового продукта по сравнению с заявленной составляет не более 20-30%); средний прогнозируемый доход количество лиц, выразивших «неточную» степень готовности пойти на кинофильм × цену билета × 10% + количество лиц, выразивших «точную» степень готовности пойти на кинофильм × цену билета × 20% (экспертно введенный коэффициент). В этом случае будут получены следующие предварительные расчетные показатели кинопроекта: максимальная емкость проекта – 31,5 млн долларов; мини-

[9] Однако реальный доход кинопроекта складывается из существенно более широкой аудитории кинозрителей, проживающих в не включенных в исследование городах. Для того чтобы адекватно учесть их вклад, мы не обладаем информацией в полном объеме, поэтому по ним можно сделать лишь экспертные расчеты, которые опираются на непроверенные гипотезы.

мальная емкость проекта – 11,1 млн долларов; максимально возможный прогнозируемый доход – 9,5 млн долларов; средний прогнозируемый доход – 7,4 млн долларов.

На последующих стадиях реализации кинопроекта, когда появляется дополнительная информация по указанным выше факторам влияния на размер целевой аудитории кинофильма, возможно использование более сложных и точных моделей прогнозирования.

Заключение

В свое время Ф. Махлуп указывал[10], что, несмотря на некоторые неудачи, любая новая НИП может быть признана «хорошей» теорией, при условии, подразумевающем, что экономисты, принадлежащие к данной НИП, направят свои интеллектуальные ресурсы на производство хорошо специфицированных опровержимых прогнозов или, как говорил М. Блауг, «…уделят меньше внимания стандартным требованиям простоты, элегантности и общности и больше внимания – предсказуемости эмпирической плодотворности» [1, с. 173].

Мы призываем экономистов: давайте как можно чаще делать прогнозы, привлекая для этого более современные методики!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блауг, М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют / М. Блауг. – М. :НП «Журнал Вопросы экономики», 2004. – 416 с.
2. Коуз, Р. Нобелевская лекция «Институциональная структура производства» (1991) в кн. Природа фирмы / Р. Коуз. – М. : «Дело», 2001. – 280 с.
3. Черновалов, А.В. Институционалистика / А.В. Черновалов. – Брест : БрГУ имени А.С. Пушкина, 2010. – 250 с.
4. Черновалов, П.В. Эластичность кинопроектов в постсоветской институциональной среде / А.В. Черновалов // Институционалистика: теория, методология, прикладные аспекты : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Брест, 09–10 июня 2010 г. / БрГУ имени А.С. Пушкина. – Брест, 2009. – 160–165 с.

Charnavalava Z.V. **The institutional methodology forecasting processes of the organization at microlevel**

The article carried a critical analysis of the classical methods of forecasting the results of economic activity at the micro level. The contribution of new institutional economic theory and its component – *institutsionalistics* – in the development of forecasting techniques in some specific areas of economic activity is considered. The recommendations on the organization of the prognostic work in the economy are made.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 02.12.09

[10] «Когда прогноз экономиста является условным, то есть основанным на определенных условиях, но проверить выполнение всех указанных условий невозможно, теория, стоящая за прогнозом, не может быть опровергнута независимо от наблюдаемого исхода. Точно так же нельзя опровергнуть теорию, формулирующую прогноз с вероятностью меньшей 100%. Если событие предсказывается с вероятность 70%, любой исход окажется совместим с прогнозом. Только при условии, когда одна и та же ситуация повторялась бы сотни раз, мы могли бы проверить заявленную вероятность частотой «попаданий «и «промахов». Это не означает абсолютной фрустрации всех попыток верифицировать экономическую теорию. Но это говорит о том, что проверка большинства наших теорий будет иметь скорее характер иллюстраций, чем верификаций, которые могут иметь место при повторяемых, контролируемых экспериментах или повторяющихся, полностью специфицированных ситуациях. И это означает, что наши проверки не могут быть достаточно убедительны, чтобы вынудить нас принять ту или иную гипотезу. Даже когда большинство разумных людей склонны воспринимать такие проверки как решающие и считать проверяемую теорию «не отвергнутой», то есть «хорошей» [1, с. 173].

УДК 338(476)

В.Ф. Байнёв, В.Т. Винник

НРАВСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЭКОНОМИКИ КАК УСЛОВИЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В статье обосновываются необходимость, сущность и критерии нравственного измерения экономики. Показано, что переход к духовно-нравственным ориентирам социально-экономического развития может стать главным инновационным и интеграционным проектом на постсоветском пространстве, предпосылкой устойчивого развития цивилизации в целом.

Введение

Нынешний (2008–2009 гг.) мировой финансово-экономический кризис остро выдвинул на повестку дня проблемы нравственного измерения экономики. В наши дни многие религиозные, общественные, политические деятели и ученые ведут речь об изменении ориентиров развития, возврате к вечным ценностям и идеям. Так, Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко во время встречи с Предстоятелем Русской Православной Церкви Кириллом в г. Минске 25 сентября 2009 г. прямо заявил: «Мы пытаемся строить наше государство на основе христианских ценностей».

О том, что этот финансово-экономический кризис имеет духовно-нравственные корни, говорил 7 января 2009 г. в своей широко известной «антикризисной речи» и сам Митрополит Кирилл, ныне Патриарх Московский и всея Руси. «Всякий кризис в жизни, – отметил он тогда, – есть суд Божий, а суд Божий отделяет правду ото лжи, обнажает неправду. И если сегодня мир переживает экономический кризис, значит, этот суд обнаруживает некую глобальную человеческую неправду… Это суд Божий над человеческой неправдой, над алчностью, непомерным желанием иметь как можно больше, потерей контроля над своим потреблением, суд над стремлением богатеть любыми средствами, забывая подлинные ценности и идеи». А в прямом эфире украинского телеканала «Интер» в г. Киеве 24 июля 2009 г. Святейший Патриарх непосредственно указал на необходимость возврата к нравственным ориентирам социально-экономического развития. «Как невозможно построить счастье человека без нравственного начала, – подчеркнул он, – так нельзя построить и эффективную экономику без нравственного измерения… Нравственность – это синоним выживания. Мы должны это ясно понять: без нравственности человеческое общество существовать не может».

Православное мировоззрение и политико-экономические основы нравственной экономики

Традиционные духовно-нравственные начала, на которых зиждется православное восточнославянское мировоззрение, включают следующие фундаментальные принципы государственного устройства: 1) государственная власть для служения, а не для корыстного стяжания; 2) приоритетность у власти перед народом обязанностей, а не прав; 3) первичность нравственного начала, а не юридического.

К сожалению, в последние годы Россия, Украина и Беларусь ощущают на себе массированную идеологическую агрессию Запада. Ее цель – заменить наши традиционные, соборные, коллективистские, основанные на взаимовыручке и сотрудничестве идеалы на губительные для восточнославянской цивилизации «общечеловеческие ценности», в основе которых лежит индивидуализм и конкуренция как безжалостная борьба на уничтожение – «война всех со всеми». Основное поражающее воздействие этих новых «идеалов» – дезинтеграция и разобщение общества и народов, то есть реализация

веками испытанного принципа «Разделяй и властвуй!». Так, идея служения Отечеству заменяется на идею стяжательства, конкуренции, максимизации прибыли и потребления. Идея единства прав и обязанностей (перед Родиной, обществом, семьей) подменяется индивидуалистской идеей приоритета прав и свобод человека. Концепция государства – защитника народов замещается концепцией государства – «ночного сторожа». Кроме того, настойчиво внушается мысль о государстве как неэффективном собственнике, поскольку именно государство является основным интегрирующим экономику и общество институтом. После разобщения на мировоззренческом уровне наступает черед разрушения государственности и экономики колонизируемых стран [1; 2].

О том, что насаждаемые всему миру западные «ценности» и идеалы вступают в конфликт с духовно-нравственными ориентирами развития, неоднократно предупреждала православная церковь. Так, ныне почивший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II (1929–2009) на сессии ПАСЕ в г. Страсбурге в октябре 2007 г. обратил внимание всей мировой общественности на то, что «сегодня происходит губительный для европейской цивилизации разрыв взаимосвязи прав человека и нравственности. Это наблюдается в появлении нового поколения прав, противоречащих нравственности, а также в оправдании безнравственных поступков с помощью прав человека».

На глубокие противоречия соборного, коллективистского восточнославянского православного мировоззрения и навязываемой нам индивидуалистской, состязательно-конкурентной, либерально-рыночной системы «ценностей» указывал и Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев) – один из наиболее почитаемых в православии священников. В своих проповедях он так наставлял свою паству: «Человек есть олицетворенный долг… Русское общество, всегда стремившееся настроить свое бытие с требованиями христианского мировоззрения, от века строилось на воспитании в человеке прежде всего твердого осознания своих религиозных, гражданских и семейных обязанностей. Горький опыт междоусобных распрей крепко-накрепко выучил наших предков: акцент на «права» неизбежно порождает упреки в их несоблюдении, взаимные претензии, обиды и склоки. Благородная, на первый взгляд, идея абсолютизации «прав» питает гордыню, высокомерие и тщеславие, ведет к обособлению, разделению, противопоставлению интересов и, в конечном счете, к сословной и классовой вражде, к войне «всех против всех», по живому рассекающей народное тело.

Русский взгляд на мир веками основывался на фундаментальной идее, предполагающей осмысление жизни как всеобщего совместного служения евангельским идеалам добра, правды, любви, милосердия, жертвенности и сострадания... Либерально-демократическая идея для того, собственно говоря, и предназначена, чтобы подточить, ослабить устои крепкого, традиционного общественного устройства, разрушить его духовные, религиозные опоры, разложить национальные государства и – постепенно, незаметно, неощутимо для одурманенного демократическим хаосом общества – передать бразды правления над ними транснациональной «мировой закулисе»… и устроить земное бытие человека по образцу звериной стаи – жестокой, алчной и беспощадной» [3, с. 344–345; 4, с. 109].

Сегодня на экономическом факультете БГУ в рамках выполнения НИР № 20061700 «Теоретико-методологические основы межгосударственной инновационно-промышленной политики стран ЕврАзЭС как фактор их устойчивого развития» (ГКПНИ «Экономика и общество», 2006–2010 гг.) разрабатываются политико-экономические основы нравственной экономики. При этом следует особо подчеркнуть, что главная цель функционирования рыночно-конкурентной экономики – максимизация прибыли избранными за счет использования большинства в качестве приобретаемого на рынках труда ресурса наряду с прочими факторами производства – сырьем, оборудованием, удобрениями, рабочим скотом. Такое отношение к людям как к поку-

паемому на рынке ресурсу вряд ли позволяет считать либерально-рыночную систему хозяйствования нравственной.

В связи с этим важным является следующий вопрос: в чем проявляется значение нравственного фактора в экономике? Думается, что он может быть осознан и реализован только в рамках главной общенародной, общехозяйственной цели – *расширенного воспроизводства нации*, ибо нация является хранительницей и продолжательницей в веках духовно-нравственных ценностей. Очевидно, что с экономической точки зрения такое воспроизводство предполагает наращивание инвестиций в человеческий и производственный капиталы.

Глубинная, политэкономическая сущность нравственной составляющей хозяйственной деятельности проявляется в следующем.

Как известно, право собственности – государственной или частной – на активы предприятия подтверждается соответствующими юридическими документами. Однако никакими нормативными актами не оформляется другое принципиально важное право, которым распоряжается только собственник капитала, а именно возможность, с одной стороны, единолично определять стоимость наемной рабочей силы *(v)*, в частности, минимизировать уровень заработной платы наемных работников или вовсе увольнять их под в общем-то благовидными предлогами. А с другой – также самолично оценивать уровень собственных предпринимательских способностей и максимизировать свою прибавочную стоимость в форме прибыли *(m)*. Возникает вопрос: на чем основываются такие решения, принимаемые частными собственниками, которые распоряжаются этим правом? Ответ: на нормах нравственности или безнравственности. Ведь в любом принятом решении отражаются особенности точки зрения собственника, и в конечном итоге – его отношение к наемным работникам и к окружающей природной среде. Отношение же людей друг к другу и к окружающей действительности, которое выкристаллизовывается через определенное поведение человека, в энциклопедическом и смысловом понимании выражается категорией «нравственность».

Какой же сегодня преобладающий, обобщенный уровень нравственности у частных собственников, которым принадлежит значительная часть активов бывшего СССР? К сожалению, как отметил Президент России Д.А. Медведев в сентябрьской статье «Россия, вперед!», «наша теперешняя (очевидно частнокапиталистическая – *Авт.*) экономика… в значительной степени игнорирует потребности человека. Отечественный бизнес за малым исключением не изобретает, не создает нужные людям вещи и технологии. Торгует тем, что сделано не им, – сырьем либо импортными товарами». Аналогичную озабоченность высказал 2 октября 2009 г. и Президент Беларуси А.Г. Лукашенко на пресс-конференции с российскими журналистами: «Частник никогда не будет озабочен народом, государством. Он большие прибыли кладет себе в карман». И действительно, одним из показателей интегрального уровня нравственности частника является то, что порядка 300 долларовых миллиардеров владеют почти 50% всех богатств мира, в то время как более 2 млрд землян живут на 2 доллара в день – за официально признаваемой ООН чертой бедности, причем ежедневно от банального недоедания умирают около 30 тыс. чел., то есть по 1 чел. каждую секунду!

Приобретение частниками такого «сопутствующего» права – решать судьбу нации – имеет политические и экономические последствия: народ в процессе приватизации фактически лишается конституционного права быть источником власти, источником подлинной демократии. А власть многомиллионному народу нужна для реализации своих интересов, в частности, экономических, которые принципиально отличаются от интересов нескольких тысяч частников, использующих наемный труд. Экономические интересы частных собственников реализуются на основе отдельных частнохозяйственных целей – *максимизации своей прибыли*, а экономические интересы народа

осуществляются в рамках общехозяйственной цели – *расширенного общественного воспроизводства*, включающего приращение инвестиций в человеческий и производственный капитал.

Очевидно, что государственная экономическая политика не может не учитывать общую народнохозяйственную цель. С точки зрения этого целевого показателя важно, чтобы заработная плата работников $(v = v_1 + v_2)$ включала в себя не просто необходимый минимум для воспроизводства рабочей силы v_1, но и максимально возможные средства для инвестирования в развитие человеческого капитала v_2. Поэтому *первый расчетный критерий нравственного экономического развития* сводится к максимизации отношения $v_2/(m + v)$, характеризующего масштаб расширенного воспроизводства нации через инвестиции в ее человеческий капитал, где $(m+v)$ – совокупная добавленная стоимость, m – прибавочная стоимость, присваиваемая капиталистом.

Следует пояснить, что отношение v/m в качестве такого критерия использоваться не может. Это следует из того, что владелец капитала не только выплачивает зарплату v, которая во все возрастающих масштабах может тратиться на все более и более дорогостоящие удовольствия (например, на элитный отдых за рубежом или покупку престижных авто), но и решает проблемы инвестирования прибавочной стоимости m, которое напрямую связано с развитием. Поэтому увеличение v/m может сопровождаться снижением инвестиций в национальную экономику за счет роста потребления в форме банального проедания создаваемой добавленной стоимости, слабо связанного с развитием человеческого капитала.

Очевидно, что частника – владельца активов в подавляющем большинстве случаев интересует исключительно максимизация прибавочной стоимости m, которая может быть обеспечена в том числе и за счет снижения заработной платы v до граничного минимума биологического выживания наемных работников v_1. При этом частник в условиях либерально-рыночной саморегулирующейся экономики, вероятнее всего, именно так и поступит (известные единичные случаи меценатства, альтруизма и т.д. лишь подтверждают это общее правило). Как предельно откровенно заявил известный российский предприниматель П.О. Авен телепрограмме «Постскриптум» на «ТВЦ» 20 ноября 2004 г., «нищета – не наша забота. Мы занимаемся лишь тем, что нам выгодно. Все остальное – эмоции…». В результате такого мировоззрения частников наемные работники, составляющие абсолютное большинство населения любой страны, не имея достаточных средств для инвестиций в развитие человеческого капитала, обречены на деградацию и депопуляцию, что, кстати, и наблюдается в ряде постсоветских стран, вставших на путь радикальных либерально-рыночных реформ.

Кроме того, важно учесть еще одно обстоятельство: если из владельцев капитала – государства и частника – кто и заинтересован в расширенном воспроизводстве нации, то им вероятнее всего может быть государство. Следовательно, нравственная экономика никак не может быть частнокапиталистической, либеральной. Нравственная экономика должна предусматривать жесткое эффективное регулирование экономической сферы со стороны государственных властных институтов, функционирующих в интересах народа, который имеет конституционное право – быть источником власти.

Второй расчетный критерий нравственного экономического развития призван оценить то, как расходует собственник капитала – частник или государство – присваиваемую им прибавочную стоимость $(m = p + I_1 + I_2...)$ Очевидно, что часть этой стоимости он может израсходовать на потребление p, а также на инвестирование в национальную I_1 и зарубежную I_2 экономику. Если расширенное воспроизводство нации и связано с каким-либо составным элементом m, то таким элементом может быть только I_1. Следовательно, второй расчетный критерий сводится к максимизации отношения

I_1/m, характеризующего расширенное воспроизводство нации через инвестиции в активы национальной экономики.

Очевидно, что владелец капитала ($k = c + v + m$) (точнее, постоянной его части c) – государство или частник – может идти по пути максимизации потребления p, снижающего отношение I_2/m. В случае с частником это выражается в приобретении сверхдорогих и к тому же бессчетных особняков, замков, роскошных авто, персональных авиалайнеров, яхт и т.д., чему можно найти множество примеров на постсоветском пространстве. Если капиталист-государство максимизирует затраты на содержание своего непомерно разросшегося бюрократического аппарата, создает роскошные условия для армии своих чиновников, то это точно так же ведет к увеличению p, снижению отношения I_2/m, а значит, к ухудшению условий для расширенного воспроизводства нации.

Показатель нравственности экономики снижается за счет масштабного инвестирования в зарубежные страны I_2, что также сокращает ресурсы и ухудшает условия для расширенного воспроизводства нации. Такое «безнравственное» инвестирование может осуществляться и частником, и, к сожалению, государством. В первом случае приобретаются, например, не отечественные, а зарубежные футбольные и баскетбольные клубы. А во втором – огромные бюджетные средства сознательно вкладываются государством в экономику зарубежных стран, как это было, например, в случаях с российским стабилизационным фондом или приобретением российским правительством «ценных» бумаг обанкротившихся американских компаний. Эти «лишние» ресурсы, вместо того, чтобы работать на национальную экономику и будущее страны, обеспечивают условия для развития других народов.

С данной точки зрения, следует весьма осторожно относиться и к якобы «чудотворным» иностранным инвестициям и, соответственно, деятельности иностранных инвесторов. Ведь американские, немецкие, французские, итальянские и т.д. капиталисты как минимум безразличны к судьбам Беларуси, России, Украины и в лучшем случае заинтересованы в развитии и расширенном воспроизводстве *своих* наций за счет использования в качестве «расходного материала» добытых ими за рубежом активов и их бывших владельцев. Это значит, что *путь к нравственной экономике лежит через жесткую, тщательную проверку на соответствие национальным интересам любых проектов по инвестированию и особенно приватизации с участием иностранного капитала.* Неслучайно в Японии в критический период 1955–1961 гг. доля иностранной собственности не превышала 5%, а в течение подъема ее экономики 1962–1970 гг. она вообще снизилась до 3% и менее. По мнению специалистов, указанные жесткие ограничения послужили одним из ключевых условий исключения этой страны из системы межгосударственной эксплуатации долларовым капиталом, что, собственно, и обеспечило возможность ее возрождения и ускоренного развития нации.

Таким образом, целевая функция расширенного воспроизводства нации не может быть реализована частными собственниками, особенно иностранными, у которых иная, частнохозяйственная цель – максимизация прибыли и только. Следовательно, непонимание содержания общехозяйственной цели, которая у частника вообще подменяется целью более низкого уровня – максимизацией прибыли (m), чревато серьезными ошибками. Абсолютизация категории «прибыль» как главной цели не только ошибочна, но и вредна. Создавая у народа неадекватное представление об экономическом содержании критерия «прибыль» и ассоциируясь с прибылью для народа и во благо его, данная абсолютизация задает искаженную социально-мировоззренческую логику, пригодную лишь для постановки ложных целей. Одной из таких ложных целей, например, является масштабная приватизация общенародной собственности, которая (и об этом свидетельствует негативный опыт некоторых переходных стран, например, Аргентины,

Венесуэлы, России и т.д.) приобретает наиболее разрушительные формы именно при участии иностранных инвесторов. Ведь, как это было отмечено выше, наряду с передачей активов в процессе приватизации новому владельцу делегируется право определять условия расширенного воспроизводства нации, а значит, и ее будущее. А забота о перспективах развития страны и нации почти наверняка не входит в систему хозяйственных целей частника, тем более иностранного.

Итак, все субъекты хозяйствования – частные и государственные – могут и должны функционировать только в рамках общехозяйственной цели, связанной с увеличением *совокупной добавленной стоимости* ($v + m$), которая материализуется в родном Отечестве на основе максимизации, по меньшей мере, двух описанных выше расчетных критериев. Последние, имея духовно-нравственное содержание, выражают сущностную сторону государственной социальной политики, отражают один из необходимых *стандартов подлинной демократии*. Соответствие этим критериям, кстати говоря, дает ответ на вопрос о глубинном, политико-экономическом содержании белорусской социально-ориентированной модели развития, которое до сих пор остается загадкой для зарубежных и даже некоторых отечественных экономистов и политиков.

Заключение

Таким образом, нравственная экономика нацелена не на максимизацию прибыли, а на расширенное воспроизводство нации через максимизацию совокупной добавленной стоимости, материализующейся в родном Отечестве на основе двух описанных выше критериев, обеспечивающих наращивание инвестиций в развитие человеческого капитала и национальных производственных активов при активной регулирующей роли государства. Если же человек и общество в целом, преследуя узкоэгоистичные интересы, попросту проедают ресурсы и/или масштабно инвестируют их в экономики других стран, то в таком поведении проявляется наше аморальное, безнравственное отношение к будущим поколениям, нашим детям и внукам. Такое поведение лишает нацию возможностей расширенного воспроизводства. Это означает, что еще многое предстоит сделать для выхода на траекторию формирования нравственной экономики, без чего невозможно их устойчивое развитие.

В связи с этим думается, что формирование единой духовно-нравственной платформы (идеологии) Союзного государства, включая выработку нравственных начал функционирования экономики, может и должно стать его самой главной союзной программой, стержневым инновационным и интеграционным проектом. Если Россия и Беларусь возглавят движение за возрождение нравственности в государственной и экономической жизни, то Союзное государство не только станет могучим центром притяжения для братских народов бывшего СССР, но и начнет реализацию главного исторического предназначения Святой Руси – служить источником духовно-нравственного очищения всего человечества.

Первые шаги по реализации указанного проекта должны предусматривать:

– решительный отказ от пропаганды в СМИ дезинтегрирующих, «атомизирующих» общество западных «псевдоценностей» – культа обогащения без труда, превосходства, насилия, роскоши, потребления, удовольствий, еды, секса и т.д.;

– возврат к пропаганде наших традиционных восточнославянских духовно-нравственных идеалов – любви к Отечеству, служения своему народу, уважения к труду, коллективизма, сотрудничества и взаимовыручки, культа семьи и здорового образа жизни и т.п.;

– формирование и принятие нашими странами Кодекса нравственности, разработка которого уже начата в Беларуси, основанного на общеизвестных библейских заповедях, включая добровольные финансовые ограничения для чиновников и бизнесменов на потреб-

ление. Соответствие указанным морально-нравственным нормам независимо от того, нарушал чиновник или бизнесмен формальные законы или нет, должно служить непременным условием для продолжения его деятельности. Ибо только в этом случае чиновники и бизнесмены будут радеть о процветании Отечества, как о своем личном благе;

– объявление в качестве стратегического приоритета развития России и Беларуси курса на неоиндустриализацию [1; 5]. Сегодня отнюдь не состояние малого бизнеса или сферы услуг, а именно развитие промышленности, поставляющей прогрессивные орудия труда в прочие отрасли народного хозяйства, всецело определяет место страны в иерархии технологически развитых держав мира;

– смену научно-образовательной экономической парадигмы путем отказа от скопированной на Западе и объективно дезинтегрирующей наше общество рыночно-конкурентной доктрины развития в пользу системы экономических знаний, нацеливающих на реализацию кооперационно-интеграционного эффекта, в том числе от международной интеграции в рамках Союзного государства и ЕврАзЭС. В рамках новой парадигмы экономической науки чрезвычайно важно отказаться от абсолютизации «труда» рыночных менял – торгаша-спекулянта, банкира-ростовщика и биржевого игрока, восстановив былое уважение к созидательному труду и человеку труда. По словам К. Маркса, «общество никак не сможет прийти в равновесие, пока оно не станет вращаться вокруг солнца труда» [6, с. 551–552]. В условиях нынешнего экономического катаклизма, являющего собой, по большому счету, всего лишь штрих на полотне глобальной картины кризиса и окончательной гибели капитализма, это становится понятно все большему числу общественных, политических, религиозных деятелей. «Если достаток будет результатом человеческого труда, а не финансовых схем и операций, – наущает нас своей «антикризисной речью» митрополит Кирилл, ныне Патриарх Московский и всея Руси, 7 января 2009 г., – если экономика будет основываться на простом принципе, что именно труд – интеллектуальный, физический и даже духовный – производит реальные ценности, у нас не будет таких кризисов».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Байнёв, В.Ф. Социально-экономическое развитие и «ловушки» рыночного либерализма: курс на неоиндустриализацию : монография / В.Ф. Байнёв, В.Т. Винник. – Минск : Право и экономика, 2009. – 114 с.
2. Байнёв, В.Ф. Система неоколонизации XXI века / В.Ф. Байнёв, В.Т. Винник // Новая экономика. – 2009. – № 5–6. – С. 3–11.
3. Митрополит Иоанн. Русская симфония: очерки русской истории / Митрополит Иоанн. – СПб. : Изд-во «Царское дело», 2004. – 494 с.
4. Митрополит Иоанн. Русский узел / Митрополит Иоанн. – СПб. : Изд-во «Царское дело», 2004. – 405 с.
5. Губанов, С.С. Иллюзии постиндустриализма / С.С. Губанов // Беларуская думка. – 2009. – № 6. – С. 77–83.
6. Маркс, К. Послесловие к «разоблачениям о кельнском процессе коммунистов» / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 18. – С. 551–552.

Bajnev V.F., Vinnik V.T. **Moral dimension of economy as the condition of the sustainable development of the civilization**

Necessity, essence and criteria of moral measurement of economy are proved in the article. It is shown that transition to spiritually-moral reference points of social and economic development can become the main innovative and integration project on the post-Soviet territory, a precondition for sustainable development of a civilization as a whole.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 26.04.10

УДК 005.591.6:338.48:63

В.В. Мацукевич, Т.В. Ильючик

АГРОЭКОТУРИЗМ – ИНОВАЦИОННОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ДИВЕРСИФИКАЦИИ СФЕРЫ ЗАНЯТОСТИ В ПОЛЕССКОМ РЕГИОНЕ

В статье рассматриваются проблемные вопросы развития агроэкотуризма как инновационного направления диверсификации сферы занятости сельского населения в Брестской области. Проанализированы зарубежный и отечественный опыт, тенденции и динамика развития потенциала агроэкотуризма, дана их оценка. Исследованы проблемы развития агроэкотуризма в культурно-туристской зоне «Пинское Полесье». Выполнен прогноз экономического эффекта от развития агроэкотуризма. Критически рассмотрены проблемы трансграничного сотрудничества, развития инфраструктуры придорожного сервиса и туризма. По результатам исследования сделаны конкретные выводы по некоторым нерешенным проблемам, связанным с устойчивым инновационным развитием агроэкотуризма. Содержание статьи представляет теоретический и практический интерес, так как решение затронутых проблем будет способствовать развитию и повышению эффективности агроэкотуризма в регионах Республики Беларусь.

Введение

Мировой финансово-экономический кризис заставил всех еще раз задуматься над тем, что эффективность развития сельскохозяйственного производства и его конкурентоспособность достигаются лишь при условии эффективного использования производственного потенциала и внедрения инноваций. Эффективность инноваций в использовании земельных и трудовых ресурсов, основных производственных фондов АПК подтверждается теорией и практикой [1]. Инновационное развитие сельскохозяйственного производства сопровождается рядом тенденций, основными из которых являются рост объемов производства и сокращение численности работников, занятых в сельскохозяйственном производстве, что подтверждается данными годовых отчетов.

Так, стоимость валовой продукции сельского хозяйства (в сопоставимых ценах к предыдущему году) в Брестской области возросла с 998,9 млрд руб. в 2005 году до 1815,6 млрд руб. в 2008 году. Среднесписочная численность работающих в сельскохозяйственном производстве в общественном секторе в Брестской области за последние годы сократилась с 74,2 тыс. чел. в 2005 году до 68,5 тыс. чел. в 2008 году. Среднемесячная зарплата одного среднегодового работника, занятого в сельскохозяйственном производстве, за это время возросла с 262 до 555 тыс. руб. Однако, хотя значительная часть проживающего в сельской местности населения региона получает доходы от занятости в общественном сельскохозяйственном производстве, отмеченные и другие тенденции развития села в перспективе обусловливают обострение проблемы занятости. В связи с этим важное социально-экономическое значение приобретают проблемы создания нового бизнеса в региональной экономике и стратегии его конкурентоспособного развития.

Зарубежный и отечественный опыт

В процессе реформирования сельскохозяйственных предприятий за период с 2001 года число фермерских хозяйств в Брестской области возросло с 389 до 400 на 01.01.2009 года, где сейчас занято 1416 человек (при средних размерах одного хозяйства 33 га сельхозугодий). Однако, несмотря на постоянно оказываемую фермерским хозяйствам государственную поддержку, динамика роста их числа нестабильна, так как на конец 2005 года таких хозяйств в области было 478.

Зарубежный и отечественный опыт свидетельствует о том, что одним из инновационных направлений диверсификации сферы занятости в сельских регионах является развитие потенциала агроэкотуризма. Инновационное развитие в сфере агроэкотуризма сопровождается рядом тенденций, основными из которых являются рост объемов предоставляемых услуг и увеличение численности работников, а инновационное развитие в сфере производства в сельском хозяйстве сопровождается ростом объемов производства продукции и сокращением численности занятых. Таким образом, предоставляется возможность диверсификации сферы занятости: переход высвобождающихся работников сельского хозяйства из сферы производства в сферу услуг, при этом обеспечивается перераспределение занятости трудовых ресурсов в сельских регионах.

Некоторые исследователи отмечают, что «феномен сферы услуг – это явление общества, вступившего в постиндустриальную эру, когда все большее значение приобретает обслуживание человека, а не производство само по себе. Интеллектуальный потенциал страны реализуется при наличии развитой непроизводственной сферы, что, в свою очередь, модернизирует и производственный сектор» [2].

Определение агроэкотуризма дано в Указе Президента Республики Беларусь от 02.06.2006 г. № 372 «О мерах по развитию агротуризма в Республике Беларусь»: это «временное пребывание граждан Республики Беларусь, иностранных граждан и лиц без гражданства (далее – агроэкотуристы) в сельской местности, малых городских поселениях в целях получения услуг, указанных в пункте 5 настоящего Указа, оказываемых субъектом агроэкотуризма для отдыха, оздоровления, ознакомления с природным потенциалом республики, национальными культурными традициями без занятия трудовой, предпринимательской, иной деятельностью, оплачиваемой и (или) приносящей прибыль (доход) из источника в месте пребывания».

Указом определено, что субъекты агроэкотуризма вправе оказывать такие виды услуг в сфере агроэкотуризма, как предоставление жилых комнат (не более пяти) для размещения агроэкотуристов, обеспечение их питанием с использованием продукции собственного производства, организация познавательных, спортивных и культурно-развлекательных экскурсий и программ и иных услуг, связанных с приемом, размещением, транспортным и иным обслуживанием агроэкотуристов.

По информации департамента по туризму Министерства спорта и туризма Республики Беларусь, по состоянию на 01.01.2009 г. в стране насчитывалось 474 агроэкоусадьбы, которыми за 2008 год от реализации туристических услуг получен доход в сумме 2,9 млрд руб. В Брестской области на начало 2009 года функционировало 75 сельских усадеб и 7 фермерских хозяйств, оказывавших услуги в сфере агроэкотуризма. Разработан каталог инвестиционных предложений в сфере туризма.

Для того, чтобы агроэкотуризм стал значимой сферой отрасли туризма, необходимо функционирование на рынке услуг агроэкотуризма Республики Беларусь, исходя из европейского опыта, не менее 1500 агроэкоусадеб. Выполненные нами на основании приводимых некоторыми исследователями данных [3] расчеты показывают, что в нашей стране одна агроэкоусадьба приходится на 20,5 тыс. чел. и 438 км^2 территории, в то время как в Польше, соответственно, – на 1,9 тыс. чел и 16 км^2, в Литве – на 3,4 тыс. чел. и 65 км^2, в Латвии – на 4,6 тыс. чел. и 129 км^2

Агроэкотуризм в культурно-туристской зоне «Пинское Полесье»

Нами исследуются проблемы развития агроэкотуризма в культурно-туристской зоне «Пинское Полесье», являющейся для нашей страны одним из брэндовых регионов, которая включает в себя Ганцевичский, Дрогичинский, Ивановский, Лунинецкий, Пинский, Столинский районы и город Пинск. Через использование соответствующего брэнда идет формирование и развитие туристской зоны [4].

По состоянию на 01.01.2009 года на территории культурно-туристской зоны «Пинское Полесье» функционировали 22 субъекта агроэкотуризма (или 28% из 78 субъектов по области [5]), зарегистрированных в территориальных инспекциях Министерства по налогам и сборам Республики Беларусь по Брестской области. Наибольшее число из них в Ивановском районе – 9, в Лунинецком – 6, Дрогичинском – 3, Пинском и Столинском районах – по 2 агроусадьбы [6].

Министерство спорта и туризма Республики Беларусь отмечает, что в результате создания благоприятных условий для функционирования субъектов агроэкотуризма число агроусадеб по стране возросло с 26 в 2006 году до 474 на начало 2009 года. За 2008 год они заработали около 2,9 млрд. руб., или по 3,5 тыс. долларов на одну усадьбу.

Всего по Брестской области агроэкотуризмом занимаются семь крестьянских (фермерских) хозяйств, которым на обустройство филиалом ОАО «Белагропромбанк» выделено 322 млн. руб. кредитных ресурсов. В анализируемом регионе крестьянские (фермерские) хозяйства не занимаются агроэкотуризмом, хотя их по районам насчитывается 157, в том числе: в Ганцевичском – 11, Дрогичинском – 8, Ивановском – 12, Лунинецком – 74, Пинском – 26, Столинском – 26.

Такая тенденция расценивается как неблагоприятная, в связи с чем органам исполнительной власти региона и общественным организациям на местах необходимо проанализировать ситуацию и принять необходимые меры по повышению заинтересованности крестьянских (фермерских) хозяйств к занятию данным видом деятельности.

Прогнозирование экономического эффекта от развития агроэкотуризма

Как показывают расчеты зарубежных аналитиков, экономический эффект ежегодного прироста валового дохода даже от минимального роста количества агротуристических хозяйств весьма значителен. Согласно анализу Министерства спорта и туризма Республики Беларусь, опыт других стран свидетельствует о том, что на каждый доллар платы за жилье хозяин усадьбы должен представить услуг на 5 долларов. На один доллар оплаты проживания туриста приходится 2–10 долларов, потраченных туристом на услуги, сувениры и развлечения. При этом, согласно данным по Европе, 4–5 койко-мест создают одно постоянное рабочее место [7].

Таким образом, при реализации программы развития агроэкотуризма и вовлечения на начальном ее этапе в занятие агротуризмом как основным или вспомогательным видом деятельности за счет создания агроусадеб даже в 10% крестьянских (фермерских) хозяйств региона (т.е. порядка 15–16 хозяйств), при условии получения ими изначально дохода на уровне среднегодового за 2008 год в расчете на одну агроусадьбу по нашей стране (т.е. 3,5 тыс. долларов), они могут дополнительно заработать 50–55 тыс. долларов. При этом будет создано не менее 15 новых рабочих мест. Каждый субъект хозяйствования в сфере агроэкотуризма должен строить экономику своей деятельности таким образом, чтобы размер прибыли покрывал затраты и обеспечивал средства для инвестиций в развитие бизнеса.

В соответствии с Государственной комплексной программой развития регионов, малых и средних городских поселений на 2007–2010 годы от 07.06.2007 г. № 265 одной из главнейших задач является обеспечение занятости населения, проживающего в малых городах. Поставленная задача решается через реализацию мероприятий соответствующей Государственной программы и ежегодно разрабатываемой Государственной программы содействия занятости населения Республики Беларусь на 2009–2010 годы от 30.10.2008 г. № 1640. Приоритетное внимание уделено обеспечению занятости населения в малых и средних городских поселениях с уровнем безработицы, превышающем этот показатель в среднем по области и по республике.

Принимаются дополнительные меры, направленные на расширение возможностей для закрепления трудовых ресурсов в малых городах и сельской местности, стимулирующие безработных, проживающих в малых городах и сельской местности, к организации предпринимательской деятельности. Увеличен размер субсидии, предоставляемой безработным, организующим предпринимательскую деятельность в сельских населенных пунктах, в малых городах, включенных в Государственную программу, с 11 до 15-кратной величины бюджета прожиточного минимума; предоставлена возможность оказания финансовой поддержки из средств Фонда социальной защиты населения Минтруда и соцзащиты в виде субсидии безработным, организующим частное унитарное предприятие, крестьянское (фермерское) хозяйство.

Проект Закона Республики Беларусь «О занятости населения Республики Беларусь» в части предоставления возможности оказания содействия безработным в организации самозанятости (агроэкотуризма, ремесленной деятельности) наравне с организацией предпринимательской деятельности внесен на рассмотрение в Совет Министров Республики Беларусь.

Агроэкотуризм и проблемы трансграничного сотрудничества

Повышение активности приграничных территорий в экономической и социальной сферах способствует разрешению проблем сельскохозяйственных районов, развитию инновационных видов предпринимательства с учетом перспектив трансграничного сотрудничества, влияет на повышение качества жизни сельского населения агрогородков и малых городов, конкурентоспособность экономики регионов и страны. Таким образом, в современных условиях локальное и региональное развитие отдельных приграничных территорий важно для развития общества.

Для развития въездного агроэкотуризма большое значение играет трансграничное сотрудничество регионов Республики Беларусь с соседними европейскими странами, в том числе на территории культурно-туристской зоны «Пинское Полесье». Повышение активности приграничных территорий в социально-экономических сферах способствует разрешению проблем сельскохозяйственных районов (повышение уровня занятости, увеличение объемов производства и др.), развитию инновационных видов предпринимательства с учетом перспектив трансграничного сотрудничества, влияет на повышение качества жизни сельского населения, конкурентоспособность экономики регионов и страны. Важное значение имеет развитие инфраструктуры. Экономическая инфраструктура является одним из основных факторов конкурентоспособности трансграничных регионов. На наш взгляд, недостаточно развитая сеть инфраструктуры затрудняет передвижение людей, товаров, услуг и факторов производства, что в целом отрицательно сказывается на развитие агроэкотуризма.

Современное состояние развития туристической инфраструктуры в исследуемом приграничном с Украиной регионе Пинского Полесья не соответствует потенциальным возможностям развития всех видов туризма, и агроэкотуризма в особенности. Поэтому основное внимание при разработке и реализации проектов трансграничного сотрудничества данного региона должно быть сосредоточено на развитии туристической инфраструктуры и услуг.

Развитие инфраструктуры придорожного сервиса

В улучшении перспектив трансграничного сотрудничества Республики Беларусь с соседними европейскими странами важное значение играет развитие инфраструктуры придорожного сервиса. В Брестской области, как и в других областях, развитие сети объектов придорожного сервиса предусмотрено Генеральной схемой развития сервиса на республиканских автомобильных дорогах до 2010 года, разработанной Министерст-

вом транспорта и коммуникаций Республики Беларусь и заинтересованными ведомствами и утвержденной заместителем в правительстве 28.02.2008 и программой «Дороги Беларуси» на 2006–2015 гг. [8].

Генеральной схемой закреплены наиболее приемлемые места для перспективного размещения объектов придорожного сервиса в населённых пунктах и на автодорогах области. Определены перспективные площадки для размещения автозаправочных станций на автодорогах, в городах и сельских населенных пунктах области. Основной целью реализации программы является формирование на автодорогах области соответствующих современным требованиям комплексов сервисных услуг. Постоянное внимание развитию инфраструктуры придорожного сервиса в Брестской области уделяется также с целью обеспечения социальных стандартов в агрогородках, расширения количества, видов и качества услуг, оказываемых населению и транзитным пассажирам.

Проектами строительства новых автозаправочных станций и объектов придорожного сервиса предусматривается строительство современных комплексов дорожного сервиса, в состав которых должны входить такие объекты, как магазины, кафе, пункты питания, гостиницы (мотели), охраняемые автостоянки для грузовых и легковых автомашин, станции технического обслуживания, мойки, площадки отдыха.

Брестской областной землеустроительной и геодезической службой согласно Генеральной схеме выделены земельные участки для строительства объектов придорожного сервиса на республиканских автомобильных дорогах, предоставленных определенным инвесторам (16 земельных участков) и сформированных для проведения аукционов под строительство объектов придорожного сервиса, по которым инвестор не определен (9 земельных участков). В 2008 году фондом «Брестоблимущество» были назначены и проведены 7 аукционов по продаже земельных участков для строительства конкретных объектов придорожного сервиса, на которых 6 из них были проданы. В 2009 году продан 1 земельный участок.

Развитие инфраструктуры туризма

Национальной программой развития туризма в Республике Беларусь на 2008-2010 годы предусмотрено развитие объектов инфраструктуры туризма. В Брестской области, например, должны быть обустроены 18 агроусадьб и 18 объектов придорожного сервиса вдоль автомобильных дорог, 9 гостиниц, 7 туристических комплексов, 16 домов ремесел и центров народного творчества, 19 объектов показа и ряд других. Определенные для строительства туристических объектов (баз отдыха, охотничье-рыболовных домиков, туристско-этнографических центров и др.) земельные участки выставлены для продажи на открытые аукционные торги.

В настоящее время в Брестской области проводится работа над формированием инфраструктуры 12 туристических маршрутов, многие из которых в будущем смогут войти в качестве элементов в систему республиканских и международных маршрутов. Примером может служить туристический маршрут «Россыпь талантов полесских» (Брест – Закозелье – Достоево – Иваново – Мотоль – Поречье – Пинковичи – Пинск – Лопатино).

На базе фермерских хозяйств и сельскохозяйственных предприятий проводится работа по формированию агротуристических комплексов. Примером является ГУСП «Племзавод «Закозельский» в Дрогичинском районе.

Решением Брестского облисполкома от 28.112006 г. № 802 «О мероприятиях по развитию туризма в Брестской области до 2010 года» в рамках реализации Национальной программы развития туризма в Республике Беларусь предусматривается создание культурно-туристского центра Наполеона Орды в д. Вороцевичи Ивановского района,

сети домов охотника и рыболова на озере Белое Лунинецкого района в Столинском лесхозе.

Для реализации Национальной и региональных программ следует активнее изучать и внедрять зарубежный и отечественный опыт развития агроэкотуризма, развивать инфраструктуру придорожного сервиса и туризма. Необходимо решать проблему архитектурно-планировочного характера и кредитования строительства современных агроэкоусадеб. До настоящего времени, к сожалению, зачастую белорусская агроусадьба в нынешнем ее виде располагает отапливаемым печью домом с колодцем и туалетом во дворе, без душа, а тем более бани. Иностранцев в такие условия даже без учета решения языкового барьера (наличие переводчиков) не заманить. Слабо проработаны вопросы культурно-досугового, рекламного характера, связанные с агроэкотуризмом. Отдельно следует рассматривать проблему формирования спроса и цены на услуги агроэкоусадеб.

Заключение

Проведенные исследования свидетельствуют о том, что развитие агроэкотуризма является одним из важнейших инновационных направлений диверсификации сферы занятости сельского населения в регионе, особенно в приграничных с Украиной районах Республики Беларусь. Из результатов исследований вытекают следующие выводы:

1. Инновационное развитие сельскохозяйственного производства сопровождается рядом тенденций, основными из которых являются рост объемов производства и сокращение численности работников, занятых в сельскохозяйственном производстве.

2. Зарубежный и отечественный опыт свидетельствует о том, что развитие потенциала агроэкотуризма, сопровождаемое ростом объемов предоставляемых услуг и увеличением численности работников, является одним из инновационных направлений диверсификации сферы занятости. Перераспределение занятости трудовых ресурсов в сельских регионах происходит за счет перехода высвобождаемых работников сельского хозяйства из сферы производства в сферу услуг.

3. В культурно-туристской зоне «Пинское Полесье» крестьянские (фермерские) хозяйства агроэкотуризмом не занимаются, хотя их в данном регионе насчитывается 157. Такая тенденция расценивается как неблагоприятная, в связи с чем органам исполнительной власти региона и общественным организациям на местах необходимо проанализировать ситуацию и принять необходимые меры по повышению заинтересованности крестьянских (фермерских) хозяйств к занятию данным видом деятельности.

4. При реализации программы развития агроэкотуризма и вовлечения на начальном ее этапе в занятие агротуризмом как основным или вспомогательным видом деятельности за счет создания агроусадеб даже в 10% крестьянских (фермерских) хозяйств региона (т.е. порядка 15–16 хозяйств) при условии получения ими изначально дохода на уровне среднегодового за 2008 год в расчете на одну агроусадьбу по нашей стране (т.е. 3,5 тыс. долларов), они могут дополнительно заработать 50–55 тыс. долларов. При этом будет создано не менее 15 новых рабочих мест.

5. Современное состояние развития туристической инфраструктуры в исследуемом приграничном с Украиной регионе Пинского Полесья не соответствует потенциальным возможностям развития всех видов туризма, и агроэкотуризма в особенности. Поэтому основное внимание при разработке и реализации проектов трансграничного сотрудничества данного региона должно быть сосредоточено на развитии туристической инфраструктуры и услуг.

6. Национальной программой развития туризма в Республике Беларусь на 2008–2010 годы предусмотрено создание и развитие ряда объектов инфраструктуры туризма.

Для реализации Национальной и региональных программ следует активнее изучать и внедрять зарубежный и отечественный опыт развития агроэкотуризма, развивать инфраструктуру придорожного сервиса и туризма. Необходимо решать проблему архитектурно-планировочного характера и кредитования строительства современных агроэкоусадеб, а также вопросы культурно-досугового, рекламного характера и формирования спроса и цены на услуги агроэкоусадеб.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мацукевич, В.В. Производственный потенциал агропромышленного комплекса региона и инновации / В.В. Мацукевич, В.А. Поляков / Теоретические и практические проблемы формирования инновационной экономики : Восьмые Друкеровские чтения, посвящ. 100-летию со дня рожд. П. Друкера : сб. науч. ст. // Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины, Ин-т проблем упр. им. В.А. Трапезникова РАН, Московский гос. ин-т электроники и математики (техн. ун-т) ; редкол. : Б.В. Сорвиров (гл. ред.) [и др.]. – Гомель : ЦИИР, 2009. – С. 240–241.

2. Жилакова, Ф.В. Инфраструктурное обеспечение развития человеческого капитала в депрессивном регионе / Ф.В. Жилакова // Региональная экономика: теория и практика. – 2007. – № 11. – С.169–172.

3. Корбут, В. Сельская идиллия / В. Корбут // Дело. – 2008. – № 3. – С. 64.

4. О создании туристских зон : постановление Совета Министров Респ. Беларусь – от 30. мая 2005г. № 573 // Нац. реестр правовых актов Республики Беларусь. 2007. № 1 – 5/24400.

5. Об утверждении Программы развития агроэкотуризма в Брестской области на 2009–2010 годы : решение Брестского областного Совета депутатов, 20. мая 2009 г. №180 // Нац. реестр правовых актов Республики Беларусь. 2009 № 9/23139.

6. Грибов, Г.М. Развитие агроэкотуризма в Брестской области в 2009-2010 гг. (концептуальные основы) / Г.М. Грибов [и др.]. – Брест, 2009. – 35 с.

7. Кириленко, И. Три «L». Размышления на фоне пейзажа, традиций, досуга / И. Кириленко, Е. Легкая / Советская Белоруссия. – 2006. – 19 окт.

8. Об утверждении Программы «Дороги Беларуси» на 2006–2015 годы. : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 6. апреля 2006 г., № 468 // Нац. реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2006. – №59. – 5/22161

Matsukevich V.V., Ilyuchyk T.V. **Agroecotourism as innovative direction of the diversification of spheres of employment in the region**

The problem questions of development of agroecotourism as innovative direction of the diversification of spheres of employment of the agricultural population in Brest region are considered in the article. The estimation of tendencies of development of agroecotourism is also given and the reason which influence on its dynamics are opened. It is offered to study and introduce foreign and national experience more actively, to develop the infrastructure of tourism zones. The forecast of economic effect from development of agroecotourism is executed, the aspects of transboundary cooperation are considered.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 18.01.10

УДК 331.21

Н.И. Зайцева, И.И. Адамчук

ПРИМЕНЕНИЕ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ МЕНЕДЖМЕНТА В КАЧЕСТВЕ ИНСТРУМЕНТА МИНИМИЗАЦИИ ЗАТРАТ

В статье авторы исследуют применение новейших технологий менеджмента – аутсорсинга и аутстаффинга, возможность их использования в конкретной организации. При рассмотрении аутсорсинга определяются его преимущества и недостатки, причины выбора и опыт применения зарубежными компаниями данного вида услуг, основные типы организаций, для которых наиболее выгоден аутсорсинг. Проводится расчет эффективности применения аутсорсинга для развития внешнеэкономической деятельности научно-исследовательского института, а на перспективе – оказание данным учреждением услуг по аутсорсингу. Авторы с помощью метода радарных диаграмм обосновывают, что аутсорсинг является наиболее эффективным способом привлечения сотрудников по основным характеристикам их работы. Аутстаффинг рассматривается как способ оптимизации загрузки сотрудников института достаточным объемом работы в период сезонных спадов.

Введение

Успешные менеджеры при управлении свое внимание уделяют трудовым ресурсам, затраты на которые составляют значительную часть совокупных расходов организации. При этом перед руководителем постоянно стоит задача определения баланса между обеспечением предприятия необходимыми кадрами и минимизацией затрат на персонал. В то же время может сложиться ситуация, когда наличие квалифицированных в определенной сфере специалистов крайне необходимо для развития организации, однако на начальном этапе отсутствуют резервы, чтобы окупить их содержание. Как решить данную проблему?

В зарубежной практике накоплен успешный опыт разрешения подобного рода проблем. Для этого используются новейшие технологии менеджмента: аутсорсинг и аутстаффинг. Рассмотрим, насколько эффективно было бы их применение на белорусских предприятиях.

Аутсорсинг (от англ. outsourcing – внешний источник) – передача организацией определённых бизнес-процессов или производственных функций на обслуживание другой компании, специализирующейся в соответствующей области. В отличие от услуг сервиса и поддержки, имеющих разовый, эпизодический, случайный характер и ограниченных началом и концом, на аутсорсинг передаются обычно функции по профессиональной поддержке бесперебойной работоспособности отдельных систем и инфраструктуры на основе длительного контракта. Наличие бизнес-процесса является отличительной чертой аутсорсинга от других форм оказания услуг и абонентского обслуживания.

Основной принцип аутсорсинга: оставляю себе только то, что могу делать лучше других, передаю внешнему исполнителю то, что он делает лучше других.

Опыт использования услуг аутсорсинга на предприятиях

На практике наиболее распространенными видами аутсорсинга является передача следующих функций:

– бухгалтерский учет и расчет налогов;
– расчет заработной платы сотрудников;
– управление персоналом;
– информационные системы (ИТ);
– бизнес-планирование и оптимизация процессов.

Среди преимуществ аутсорсинга выделяют:

– снижение себестоимости функций, передаваемых аутсорсеру. Он осуществляет выполнение порученных ему заданий за меньшую плату вследствие специализации в узкой сфере и благодаря эффекту масштаба, достигаемого за счет выполнения однотипных операций для множества клиентов;

– повышение качества и надежности выполнения переданных на аутсорсинг функций, т.к. аутсорсер при решении сходных задач накапливает опыт;

– возможность привлечения сотрудников заказчика, ранее выполнявших делегированную аутсорсеру функцию, которые хорошо знают специфику своей организации;

– усиление концентрации внимания на основных целях организации путем делегирования второстепенных функций аутсорсерам, что дает возможность сфокусироваться на удовлетворении потребностей клиентов и развитии технологий.

К числу недостатков можно отнести:

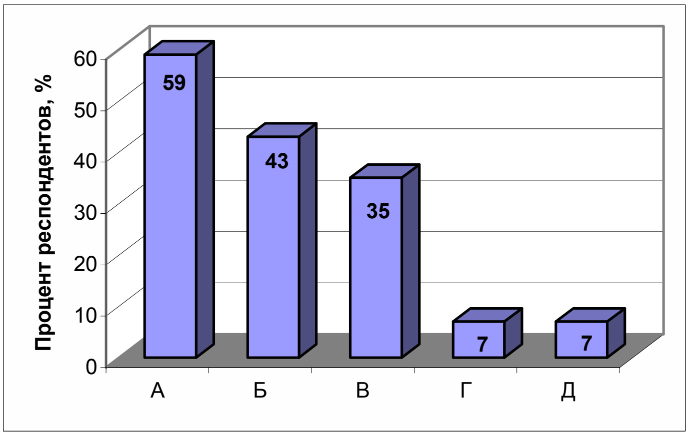
– возникновение риска утечки информации при передаче нескольких важных функций и появления нового конкурента, использующего опыт и знания организации, заказывавшей аутсорсинг;

– потеря контроля над собственными ресурсами, частичная оторванность руководства от деятельности организации, вследствие чего оно может принимать неадекватные решения;

– вероятность снижения производительности собственных сотрудников, т.к. они могут расценить аутсорсинг, сопровождающийся передачей части функций персоналу сторонней компании и увольнениями, как измену;

– вероятность столкновения с необходимостью срочно искать новых партнеров или начать самостоятельно выполнять функции, ранее бывшие на аутсорсинге, в случае неожиданного отказа аутсорсера или его банкротства, риск которого всегда существует [3, с. 34–35].

Основные причины выбора услуг аутсорсинга и значимость каждой из них представлены на рисунке 1.



А – отсутствие квалифицированного персонала, Б – желание сэкономить, В – несовершенство организационной структуры, Г – недостаток собственного опыта, Д – иные причины

Рисунок 1 – Основные причины выбора аутсорсинговых услуг

Следует отметить, что в западных странах роль аутсорсинга очень велика. Согласно данным компании Gartner Group, оборот на рынке услуг по аутсорсингу ежегодно возрастает на 16,5%. По данным EDS, перспективы аутсорсинга весьма оптимистич-

ны: предполагается, что в скором будущем 85% организаций в мире будут прибегать к аутсорсингу [7, с. 27].

В Республике Беларусь также отмечается понимание значения аутсорсинга, и его роль возрастает. Уже существуют компании, оказывающие подобного рода услуги. Например, в Беларуси действует ООО «Аутсорсинговая экономическая компания». Она оказывает широкий спектр услуг для своих клиентов. Ценовая политика этой компании разрабатывается таким образом, чтобы аутсорсинг для потенциальных клиентов был дешевле, чем содержание собственной подобной структуры.

Существует 4 типа организаций, для которых в первую очередь выгоден аутсорсинг:

1. Представительства зарубежных компаний. Иностранцы, которые открывают свои фирмы в Республике Беларусь, мало знакомы с белорусским законодательством. Поэтому для них, например, достаточно актуален аутсорсинг бухгалтерского и налогового учета.
2. Организаций, которые только начинают свою деятельность.
3. Индивидуальные предприниматели.
4. Государственные организации.

Определение выгодности использования услуг аутсорсинга бюджетной организацией

Рассмотрим, насколько эффективно использование услуг аутсорсинга для бюджетных организаций. В Бресте в 2005 г. было образовано ГНУ «Полесский аграрно-экологический институт НАН Беларуси». Основной целью организации является повышение эффективности фундаментальных и прикладных исследований по разработке научно обоснованных мер способствующих сохранению и рациональному использования природного потенциала, развитию аграрного сектора Полесского региона, совершенствованию инновационной деятельности.

Институт может использовать свой потенциал и в коммерческих целях. Весьма перспективным здесь видится выход учреждения на международный рынок с предоставлением пакета услуг в сфере природоохранной и сельскохозяйственной деятельности, а также организацией лицензионной торговли. Для этого в институте необходимо ввести в штат специалиста по внешнеэкономической деятельности, который будет осуществлять работу по установлению, поддержанию и развитию прогрессивных форм внешнеэкономических связей, научно-технического и торгово-экономического сотрудничества с зарубежными партнерами

Однако при введении должности специалиста по внешнеэкономической деятельности в ГНУ «Полесский аграрно-экологический институт НАН Беларуси» необходимо для организации рабочего места потратить как минимум 1100 долл. США (затраты на приобретение компьютера, мебели). Также следует учесть ежемесячные затраты, в которые включаются заработная плата, премия, отчисления в Фонд социальной защиты, Белгосстрах и др. В таблице 1 представлен расчет ежемесячных затрат на содержание сотрудника для 5 вариантов расходования средств. При этом нижней границей выступает уровень затрат в ситуации, когда для работника создаются самые необходимые условия труда, без которых он не мог бы в полной мере выполнять свои функции. В качестве верхней границы определяется уровень затрат в обстановке, когда сотруднику обеспечиваются наиболее привлекательные для него условия и оплата труда, создаются благоприятные условия работы. Данное значение может быть больше, т.к. при наличии свободных средств наниматель может увеличить свои расходы на работника.

Таблица 1 – Расчет ежемесячных затрат при введении в штат специалиста по внешнеэкономической деятельности

Статьи расходов	Варианты, долл. США				
	1	2	3	4	5
Заработная плата	200	240	280	320	360
Отчисления в Фонд социальной защиты населения, в Белгосстрах	80	96	112	128	144
Премия	–	10	20	30	40
Хозяйственные и офисные расходы (электроэнергия, отопление)	15	15	15	15	15
Канцтовары и картриджи	10	10	10	10	10
Программное обеспечение, Интернет, подписка на печатные издания	50	65	80	100	125
Аренда помещения	45	45	45	45	45
Амортизация на компьютер	30	30	30	30	30
Итого	430	511	592	678	769

При этом, например, в центре «Нью-Тон» услуги аутсорсинга оцениваются от 110 до 400 долл. США в месяц. В таблице 2 подсчитаны годовой эффект и эффективность использования услуг аутсорсинга при различных уровнях затрат на сотрудника в случае, когда услуги обойдутся институту дороже всего, т.е. в 400 долл. США в месяц.

Таблица 2 – Расчет эффекта и эффективности при использовании услуг аутсорсинга

Показатели	варианты				
	1	2	3	4	5
Эффект, в долл. США	1 460	2 432	3 404	4436	5 528
Эффективность	1,30	1,51	1,71	1,92	2,15

Так как ÝÝ > 1 даже для варианта с наименьшим выделением средств на оплату труда специалиста, то использование услуг аутсорсинга выгодно для института.

Однако для руководства института при определении способа привлечения сотрудника важен не только показатель затрат, но и такие характеристики, как компетентность, период адаптации и т.д. В таблице 3 представлены основные характеристики работы сотрудника в случаях, если его наняли, привлекли на условиях совместительства и при использовании услуг аутсорсинга.

Таблица 3 – Характеристики работы сотрудника при различных способах его привлечения

Способы привлечения	Затраты, долл. США	Объем выполняемой работы, %	Компетентность	Период адаптации, дни	Время работы, дней в году
Прием на работу	430	100	100	90	225
Совместительство	160	70	50	60	225
Аутсорсинг	400	100	100	60	255

Характеристики «объем выполняемой работы», «компетентность», «период адаптации» рассчитываются по оценкам экспертов.

Оценим, какой из способов привлечения сотрудника выгоднее, воспользовавшись для этого методом радарных диаграмм. После приведения показателей в абсолютные величины отобразим их на графике (рисунок 2).

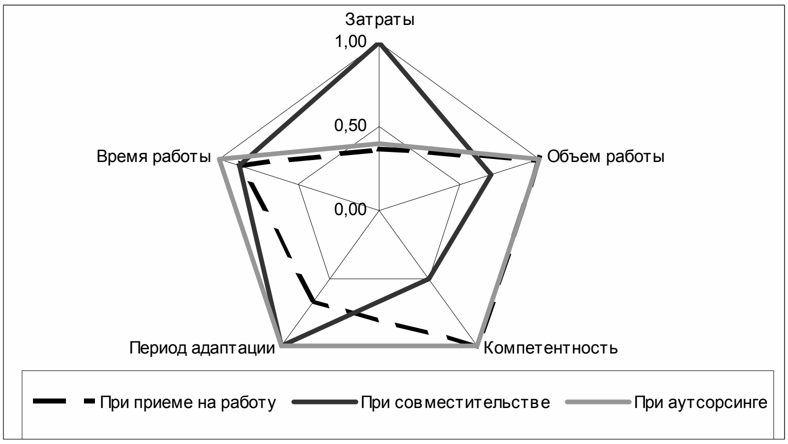


Рисунок 2 – Соотношение способов привлечения сотрудника по основным характеристикам его работы

Площади образовавшихся фигур составляют соответственно:
– при приеме сотрудника на работу – 1,41;
– при привлечении сотрудника на условиях совместительства – 1,58;
– при использовании услуг аутсорсинга – 1,81.

Так как площадь третьей фигуры больше, то институту выгоднее воспользоваться услугами аутсорсинговой компании.

Исследование выгодности оказания услуг аутсорсинга для минимизации затрат на персонал

Для организации лицензионной торговли в штат института необходимо ввести должность патентного поверенного – гражданина Республики Беларусь, которому в соответствии с законодательством предоставлено право на представительство физических и юридических лиц перед государственным учреждением «Национальный центр интеллектуальной собственности» Государственного комитета по науке и технологиям [5]. К сожалению, в Республике Беларусь не существует аналогов оказания услуг патентного поверенного аутсорсинговыми компаниями. Поэтому на начальном этапе ввиду малого объема внешнеэкономической деятельности института возможно использовать услуги организаций, которые занимаются патентованием разработок и правовым обеспечением лицензионной торговли. При расширении внешнеэкономической деятельности института целесообразным станет введение в штат патентного поверенного. При этом для минимизации затрат или даже получения дополнительной прибыли на перспективу институт может выступить в качестве аутсорсинговой компании и предоставлять услуги патентного поверенного.

Своим трудом патентный поверенный уже приносит учреждению определенный доход, иначе содержание его в институте было бы просто не целесообразно. При этом выгодность предоставления услуг аутсорсинга может проявляться в двух ситуациях:

1. Работник своей деятельностью полностью окупает затраты организации на его содержание. В случае решения о предоставлении услуг аутсорсинга руководство предприятия тем самым определяет дополнительный источник дохода.

2. Для эффективного функционирования организации необходимо наличие работника определенной специализации, однако у предприятия не хватает средств на его содержание либо нет возможности загрузить сотрудника работой в полной мере. Тогда если руководство организации решит предоставлять услуги аутсорсинга, то оно в первую очередь сократит расходы на работника. Если же совокупный доход, получаемый от работы сотрудника в основной организации и от предоставления услуг аутсорсинга, превысит затраты на содержание работника, то предприятие получит дополнительную прибыль.

В таблице 4 представлен расчет ежегодного эффекта и эффективности предоставления услуг аутсорсинга для института при различных вариантах затрат на содержание работника и при наличии различного числа клиентов. При расчете данных показателей учитывался лишь доход, получаемый от аутсорсинга, и затраты на работника. Поэтому при наличии одного клиента эффект представлен отрицательными значениями, а эффективность меньше единицы. Однако если рассмотреть данные, представленные в таблице, в ракурсе вышеобозначенных ситуаций, то становится понятным, что при учете дохода, получаемого при работе сотруднике непосредственно в институте, эффект и эффективность повысятся. При этом можно отметить, что если организации удастся привлечь 2 и более клиентов, то эффективность будет выше единицы даже при таком рассмотрении.

Таблица 4 – Расчет эффекта и эффективности от предоставления услуг аутсорсинга

Количество клиентов	Показатели	варианты				
		1	2	3	4	5
1 клиент	Эффект, долл. США	–360	–1 332	–2 304	–3 336	–4 428
	Эффективность	0,93	0,78	0,68	0,59	0,52
2 клиента	Эффект, долл. США	4 440	3 468	2 496	1 464	372
	Эффективность	1,86	1,57	1,35	1,18	1,04
3 клиента	Эффект, долл. США	9 240	8 268	7 296	6 264	5172
	Эффективность	2,79	2,35	2,03	1,77	1,56

Графическая иллюстрация изменения эффективности представлена на рисунке 3.

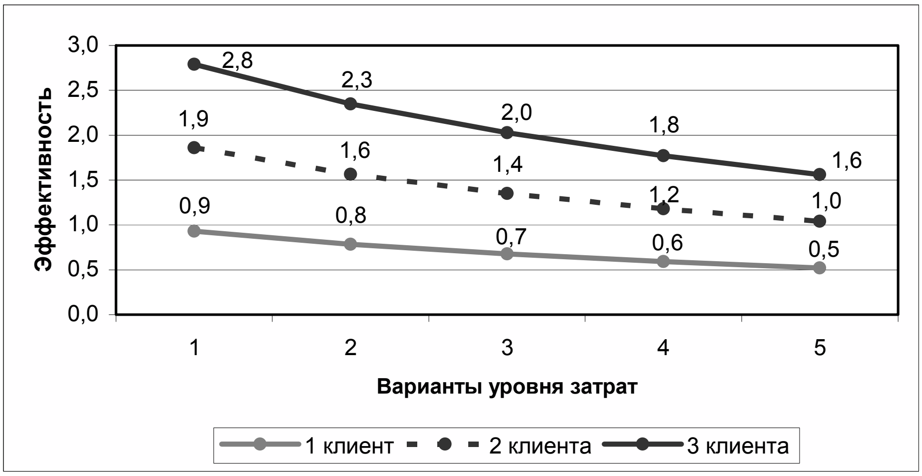


Рисунок 3 – Изменение эффективности предоставления услуг аутсорсинга в зависимости от затрат на содержание сотрудника

Представленные данные свидетельствуют о том, что прибегание к услугам аутсорсинга достаточно выгодно для института. Даже при наличии одного клиента, когда

прибыль отсутствует, институт выигрывает в том, что расходование средств на содержание сотрудника сокращается почти в два раза. При наличии двух и трех клиентов организация сможет получить дополнительную прибыль.

Таким образом, использование услуг аутсорсинга позволит институту как минимум снизить расходы на персонал при организации внешнеэкономической деятельности и при определенных условиях снизить дополнительный доход.

Использование услуг аутстаффинга для сокращения расходов на персонал

Не менее интересным является применение аутстаффинга. В последние десятилетия произошли изменения в сфере трудовых отношений. Большое распространение получил лизинг персонала, т.е. форма отношений, при которой фирма-заказчик берет сотрудников в аренду у компании-провайдера, в штате которой они и числятся, для выполнения определенной работы. Однако многие компании заинтересованы и в обратном процессе: выводе части сотрудников за штат компании-заказчика и оформление их в штат компании-провайдера. Оба этих процесса в мировой практике и научной литературе получили общий термин «аутстаффинг» [2, с. 262].

По оценкам экспертов, мировой оборот услуг по лизингу персонала превышает 80 млрд долл. США в год и растет ежегодно примерно на треть. Согласно исследованию, проведенному Pricewaterhouse Coopes, сегодня 81% американских компаний пользуется услугами временных сотрудников, а в некоторых зарубежных компаниях, по данным агентства Kelli Services, до 80% персонала состоит в штате кадровых агентств [2, с. 259].

Можно отметить, что использование аутстаффинга также возможно для бюджетной организации, особенно для научного учреждения. Сегодня перед руководством ГНУ «Полесский аграрно-экологический институт НАН Беларуси» стоит проблема предоставления достаточного объема работы своим сотрудникам. Многие проекты носят сезонный характер, и в определенные периоды времени загрузка персонала минимальна. В то же время предприятиям в современных условиях необходимо постоянно разрабатывать и внедрять инновации. Однако зачастую для организаций формировать научные центры либо отделы слишком затратно и трудоемко. И здесь для института открываются широкие возможности по предоставлению своих высококвалифицированных сотрудников для выполнения необходимой работы. Рассмотрим конкретный пример.

Производственному предприятию необходимо разработать систему нормирования и регулирования водопотребления, а также повысить качество очистки сточных вод. Для этого руководство предприятия заключает гражданско-правовой договор с институтом о выполнении данного объема работы. Затем специалисты, которые официально числятся в штате учреждения, фактически начинают работать на данное предприятие. Институт за предоставление персонала получает доход 15–20% от расходов на персонал.

При этом руководство предприятия не тратит время и деньги на подбор кадров, а также не несет дополнительных расходов на содержание научного центра после выполнения данной работы. Снижаются затраты на управление персоналом, потому что все кадровые вопросы решает институт. Актуальна данная услуга и для предприятий, которым важно не увеличивать штат, т.к. меньшее количество работников позволяет получать определенные льготы от государства. Аутстаффинг достаточно востребован на зарубежных рынках. При этом большинство иностранных фирм заинтересовано в привлечении персонала именно посредством аутстаффинга. Поэтому институт может использовать свой потенциал и на рынке лизинга персонала.

Заключение

Изложенное позволяет сделать следующие выводы.

1. Применение услуг аутсорсинга и аутстаффинга получило широкое распространение за рубежом. В Республике Беларусь с каждым годом растет их значимость, т.к. в современных условиях они позволяют сократить расходы на персонал и добиться качественного выполнения работы.

2. Наиболее выгодными данные услуги являются для бюджетных организаций, которые обладают ограниченными финансовыми ресурсами, выделяемыми на развитие.

3. Услуги аутсорсинга обладают большими преимуществами по сравнению с приемом на работу нового сотрудника или передачу работы на совместительство.

4. Организация предоставления услуг аутсорсинга позволит не только сократить расходы на персонал, но и получить дополнительный доход.

5. Применение аутстаффинга будет выгодным и для поставщика услуг (загрузка сотрудников в период сезонных спадов, получение дополнительного дохода), и для заказчика (сокращение расходов на содержание квалифицированного персонала).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адамчук, И.И. Использование услуг аутсорсинга для оптимизации затрат на развитие лицензионной торговли научно-исследовательского института / И.И. Адамчук // Институционалистика: теория, методология, прикладные аспекты – 2009 : материалы междунар. науч.-практ. конф., Брест, 9–10 июня 2009 г. / Брест. гос. ун-т имени А.С. Пушкина ; редкол.: А.В. Черновалов [и др.]. – Брест, 2009. – С. 269–271.
2. Аникин, Б.А. Аутсорсинг и аутстаффинг: высокие технологии менеджмента / Б.А. Аникин, И.Л. Рудая. – М. : ИНФРА-М, 2007. – 288 с.
3. Гаврилов, А. Аутсорсинг: практика решения проблем / А. Гаврилов // Отдел кадров. – 2003. – № 3. – С. 31–37.
4. Кинцак, И.М. Бухгалтерский аутсорсинг в Беларуси / И.М. Кинцак // Планово-экономический отдел. – 2008. – № 2. – С. 23–29.
5. Об утверждении Положения о патентных поверенных Республики Беларусь : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 11 марта 1998 г., № 379 // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2009.
6. Стровский, Л.Е. Внешнеэкономическая деятельность предприятия / Л.Е. Стровский; под общ. ред. Л.Е. Стровского. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2004. – 847 с.
7. Уткин, Э.А. Аутсорсинг / Э.А. Уткин // Планово-экономический отдел. – 2004. – № 2. – С. 20–25.

Zaitsava N.I., Adamchuk I.I. **Application of new technologies of management as the tool of minimisation of expenses**

In article the authors investigate application of the newest technologies of management – outsourcing and outstaffing, consider possibility to use these services in the concrete organisation. Authors define advantages and lacks of outsourcing, the reasons of a choice and application experience by the foreign companies of the given type of service, the basic types of the organisations to which outsourcing is most favourable. It is calculate efficiency of application of outsourcing to development foreign trade activities of scientific research institute, and also on prospect - rendering services in outsourcing by this establishment in article. Authors prove by means of a method of radar diagrammes that outsourcing is the most effective way of attraction of employees under the basic characteristics of their work. Outstaffing is considered as a way to optimise loading of institute's employees by sufficient volume of work in seasonal recessions.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 01.12.2009

УДК 1+24

А.А. Загорнов, А.Б. Лепешко

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА ВЛ. СОЛОВЬЁВА В СИСТЕМЕ ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫХ ВЗГЛЯДОВ

В статье анализируются философско-правовые взгляды виднейшего русского мыслителя Вл. Соловьёва. Показано, что основные идеи философско-правовой доктрины сводятся к синтезу нравственности, религии, философии и права. Ключевыми категориями в философии права Вл. Соловьёва являются такие дефиниции, как «нравственность» («добро», «справедливость»), «религия», «всеединство» (или синтез), «право», «закон». Показана взаимосвязь основных постулатов доктрины мыслителя с современными философско-правовыми представлениями.

Введение

Обращение к философско-правовым идеям крупнейшего русского мыслителя второй половины XIX века не случайно. Они современны, как современны любые глубокие и системные идеи, поражающие нас проникновенностью в суть вещей и процессов. За этой общей констатацией стоят и вполне конкретные вещи: Вл.Соловьёв предложил целый ряд теоретических новаций, которые вызывают интерес у современных исследователей и могут быть востребованы в рамках общественной практики XXI века.

1

Первый вопрос, который следует задать себе, очевидно, будет выглядеть следующим образом: какое место занимает философия права в системе взглядов Вл. Соловьёва? Но такая постановка вопроса предполагает хотя бы краткое наше знакомство с системой его взглядов.

Центральным вопросом для системы взглядов мыслителя был вопрос церковный, христианский, религиозный. В данном контексте эти понятия выступают как синонимы. Христианство для Вл. Соловьёва всегда было безусловной истиной, исключая, конечно, краткий период нигилистических настроений в юности. Правда, форма, в которой христианство открылось человечеству, не всегда была исторически адекватной, отсюда желание философа «исправить» и «дополнить» христианство. Налицо были попытки примирить непримиримое: католицизм и православие, протестантизм и католицизм, веру и философию. Тяга к синтезу, к примирению, казалось бы, противоположных начал составляла вторую – после христианизации – особенность системы философствования великого идеалиста. Данный синтез оказался теоретически возможным на путях рационализации веры – принципа, восходящего к гениальным прозрениям Фомы Аквинского. Как итог теоретических исканий, формулируется принцип всеединства, методологически определяющий в системе взглядов Вл. Соловьёва.

Три основополагающие сущности лежат в основе философских построений русского мыслителя: абсолютное первоначало, мировая душа и София. Что касается первого, то это «первоначало всего существующего», которое «имеет духовный характер». Мировая душа характеризуется как «вечная женственность», то есть пассивное начало, воспринимающее воздействие творца [8, с. 89]. Что касается понятия «София», то его подробно проанализировал А. Лосев, указав на десять возможных интерпретаций дефиниции (абсолютный, космогонический, богочеловеческий и т.д.).

Вл. Соловьёв упорно пытался создать цельное мировоззрение, состоящее из синтеза науки, философии и религии. Кстати, далеко не всеми это приветствовалось. Из-

вестный деятель культуры той поры Н. Страхов, оценивая системообразующие идеи философа, писал Льву Толстому: «Соображая теперь все его лекции, я вижу, что он хотел произвести синтез востока и запада, слить в одну систему атомизм, дарвинизм, пантеизм, христианство и т.д.» [2, с. 160–161]. Однако всё было не так просто: для Вл. Соловьёва намного важнее было подчеркнуть приоритет религии, «отдавая дань» и науке, и философии. Правда, и у философии, и науки «забиралась» мировоззренческая функция: таковой могла обладать исключительно религия. Источником «высших истин» имела право быть только религия. Однако и здесь мыслитель оговаривает свою позицию рядом важных условий. Скажем, особую роль в выяснении религиозных истин играет разум, при помощи которого и происходит «постижение божества». Резко критикуется «слепое религиозное поклонение», а первым этапом «религиозного откровения» объявляется философский идеализм Платона.

Соловьёву присуща склонность к триадической диалектике (тезис, антитезис, синтез), однако такого рода триады никогда не выглядели мертвящей схемой в его творчестве.

В системе взглядов мыслителя рационализация веры выглядела доминантным мотивом творчества. Правда, представители богословской традиции выражали недовольство тяготением Вл. Соловьёва к римско-католической церкви, его стремлением «ввести пантеистическую струю в философскую систему». Но это «не оправдано, так как Бог, будучи более чем абсолютным, то есть сверхабсолютным, божественным ничто, не нуждается ни в человеке, ни в мире» [1, с. 148].

Философия Вл. Соловьёва по своему характеру является антропоцентричной: человек – вершина творения. Но она является и антропотеистичной: возрождение мира совершено богом совместно с человеком, который также выразил божественную идею гуманности. В частности, в центре истории стоит божественная личность Христа, победившая смерть и таким путём приобщившая мир преходящих явлений к вечной жизни, к безусловному началу. Повторяя известную мысль И. Эригены, Соловьёв представляет себе, что мёртвая материя, пройдя чрез среду человеческую, одухотворяется, становится живой.

Особую роль играли мистические настроения мыслителя. Не углубляясь в детали, заметим, что мистицизм у Вл. Соловьёва понимается как высшая форма познания, что само по себе и не образует философской системы. Конечно, здесь можно было заметить отступления от рационализма, и целый ряд современников мыслителя достаточно негативно отнеслись к подобным настроениям. В качестве примера приведём цитату из труда известного юриста Б. Чичерина, который, разбирая мистические настроения философа, писал в книге «Мистицизм в науке»: «Соловьёв, очевидно весьма мало знакомый с общественными науками, по-видимому, не подозревает, что его теория прямо ведёт к уничтожению труда, собственности, наследства, одним словом, к ниспровержению всех основ гражданского общества, всех гарантий личной свободы и к водворению самой неслыханной гарантии, которая когда-нибудь существовала» [7, с. 94]. Эта гарантия, о которой ведёт речь Б.Н. Чичерин – стремление «осуществить нравственное начало в материальном мире». Мы вернёмся ещё и к этой полемике, и к этой мысли, недооценённой, на наш взгляд профессором Московского университета. Пока же заметим: мистицизм – не только философская категория, но и категория политическая, правовая в системе идей мыслителя. Это особенно заметно при обращении к социальной философии Вл. Соловьёва.

2

Как полагал русский мыслитель, человек принадлежит двум мирам одновременно, материальному, откуда он вышел, и идеальному, к которому он стремится. Учёный

стремится преодолеть этот разрыв, поэтому столь много в его концепции терминов, указывающих на синтез, единство, систему. Скажем, «Богоземля», «Богочеловечество» и некоторые иные. И здесь важную роль играло понятие государства. Вообще государство мыслитель определял как «устой человечества против внешних, стихийных сил, действующих на него и в нём». Но это – лишь подход к теме, первые наброски существенных черт понятия. Роль государства, развивает свою мысль философ, сводится к тому, чтобы оно «как можно меньше стесняло внутренний, нравственный мир человека, предоставляя его свободному духовному действию церкви, и вместе с тем как можно вернее и шире обеспечивало внешние условия для достойного существования и совершенствования людей» [4, с. 273]. Несложно заметить здесь две важные позиции: приоритет нравственности и стремление к синтезу. Само же государство появляется в результате договора, здесь мыслитель первоначально разделял основные константы политико-правовой теории второй половины девятнадцатого века. Однако он же в работе «Кризис западной философии» отмечал, что «давно уже брошена теория о происхождении общества и государства из договора…» [5, с. 129]. Объяснить эти расхождения можно тем, что «Кризис» увидел свет в 1874 году, это магистерская диссертация мыслителя, в которой присутствуют и положения, от которых он впоследствии отказался.

Генезис государственности выглядит следующим образом: первоначально единство церкви, государства, общества в форме теократии. Затем следует период обособления «национально-государственных форм», где приоритет, тем не менее, отдаётся не государству со всем его «внешним» могуществом, а отдельной личности, вся сила которой – в нравственности. Период буржуазных революций разрушил «внешнее единство», и начался распад общества на «атомы»: классы, слои, группы. Прогресс истории носит на этом этапе разрушительный характер, и судьба государства – ослабление и уничтожение. Но есть и спасительная мысль: человечество способно избегнуть абсолютного разрушения на путях реализации принципа, закона, идеи «свободной теократии», суть которой – в одухотворении человечества идеей бога. То есть вполне в гегелевском духе – от теократии «первобытной» к теократии «идеальной».

Смысл теократии – в осуществлении христианского идеала в обществе во всей его полноте, в намерении «синтезировать» общество, примирив взаимоисключающие начала. Теократическая схема представляется мыслителем в следующем виде. С одной стороны – «священство» как хранитель предания. С другой стороны – «царство», то есть мирская власть. Со стороны третьей – «пророчество», необходимое для определения будущности как социума, так и церкви. Государство, исходя из этой схемы, как социальный институт «входит» в церковь, являясь его составной частью. В принципе, перспективы государства – туманные, поскольку его роль сводится к «разграничителю интересов». А если интересы разграничивать не надо (а так и есть в свободной теократии), то государство должно постепенно отмереть.

Теократическая идея неразрывно связана с идеей богочеловечества. Её суть – в образе Иисуса Христа, являющегося, согласно православной догматике, и полным богом, и полным человеком. Его образ служит не только идеалом, к которому стремится индивид, но и высшей целью общества в целом, так как человечество в ходе развития должно всё более одухотворяться божественным началом.

Следует заметить в этом контексте одну интересную деталь. В своих работах социального характера Вл. Соловьёв, как Ф. Энгельс в своём известном труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства», обращался к идеям этнографа, историка Ф. Моргана. Однако принципиально разные методологические подходы привели и к диаметрально противоположным выводам. Ф. Энгельс обосновал материалистическое обоснование истории, Вл.Соловьёв – специфику нравственной философии. Обращаясь к фактическим данным, собранным Ф. Морганом, русский философ полагал, что такие нравственные кате-

гории, как «стыд», «жалость» и иные, имеют важное методологические значение. Это связано с тем, что все значимые события в обществе, будь то «почитание общих предков, взаимопомощь родичей, ограничения чувственности браками имеют нравственный источник и характер» [6, с. 235].

О нравственно-правовых аспектах концепции мыслителя мы подробно поговорим в следующем разделе, сейчас же хотелось бы заметить, что Вл. Соловьёв хорошо понимал сложность осуществления своего социального идеала. Но полагал его реализацию делом вполне реальным, причём особая роль в этом процессе принадлежит государству. От государства ожидалось, что оно может дать свободу религиозной истине, отменит то, что философ называл «принудительным православием», искоренит враждебное отношение к католицизму. Государство будет способствовать «концу истории», конечно, надо помнить, что такого рода конец – это царство Божие, говоря философским языком, «всецелое становление становящегося Абсолюта с Первоначалом» (формулировка В. Зеньковского).

Известно, что в конце жизненного пути мыслитель не раз говорил и об ином «конце истории», реальном завершении исторического пути человечества. Такого рода эсхатологизм, наиболее ярко проявившийся в известных «Трёх разговорах о войне, прогрессе и конце всемирной истории» (1899), связан не столько с кризисом идейного характера, сколько пониманием мучительности преодоления реальных проблем, реального зла. Отсюда и тема Антихриста, за тенью которого просматривается понимание неизбежности «свободы выбора зла».

Социальные вопросы в концепции мыслителя неизбежно и органично переплетались с проблемами этического характера, к которым мы и обратимся.

3

Этика – краеугольный камень русской философии в целом, поэтому далеко не случайно взаимосвязь этики и права – одна из доминантных идей философско-правовой концепции Вл. Соловьёва. К этому надо добавить, что основной труд философа в сфере нравственной философии называется «Оправдание добра», а тот факт, что среди первых рецензентов данной работы были такие видные юристы, как П. Новгородцев, Г. Шершеневич говорит о том, что правовая проблематика занимала не последнее место в системе взглядов мыслителя. Конечно, необходимо сразу же отметить, что синтез права, этики и религии не вызвал восторга ни у первого названного критика, ни у второго. Как не вызвал одобрения основной тезис философа у известного правоведа, общественного деятеля Б.Н. Чичерина, посвятившего критическому разбору теории права Вл. Соловьёва целую книгу – «Мистицизм в науке». Отметим общую позицию, присущую всем названным авторам: критика идей Вл. Соловьёва велась, как правило, с рационалистических позиций. И это не случайно, поскольку, например, Гавриил Шершеневич, профессор Казанского университета, был сторонником философского позитивизма, юридического догматизма. Павел Новгородцев, профессор права МГУ, докторскую диссертацию защитил по теме «Кант и Гегель в их учении о праве и государстве». Однако ни П. Новгородцев, ни Г. Шершеневич, ни Б. Чичерин не отрицали важнейшее значение концептуальных поисков автора «Оправдания добра» в сфере правовой науки. Следует признать, что наиболее жёстко к идеям Вл. Соловьёва отнёсся как раз Б.Н. Чичерин. Критике подверглись фактически все основополагающие положения концепции, главным образом, за мистицизм, забвение рациональных постулатов, публицистичность изложения.

Если кратко охарактеризовать собственно этические взгляды мыслителя, то их суть можно свести к нескольким положениям. Первое: существует достаточно сложная связь между такими категориями, как этика, религия и метафизика. Нет возможности

думать, что здесь существует некая жёсткая предопределённость, коренящаяся именно в религиозном детерминизме. Причём отвергается и «этическая автономия», точнее, «отвлечённый морализм». Что уж тут говорить об «отвлечённой метафизике», которая воспринимается тоже критически. Мыслителю вообще были свойственны постоянные попытки преодоления разного рода «отвлечённых начал» во всё объединяющем синтезе. Сложность взаимосвязи между названными категориями заключается в том, что, с одной стороны, Вл. Соловьёв критиковал «отвлечённость», односторонность данных понятий, с другой стороны, стремился к их синтезу, но с третьей стороны, утверждал их же автономию. И исследователи до сих пор спорят, какой же принцип (этический, религиозный, метафизический) является приоритетным в системе взглядов русского мыслителя. Хотя, конечно, авторитет веры непререкаем. Но и на это можно возразить цитатой из «Оправдания добра»: «Нравственная философия не зависит всецело от положительной религии» [4, с. 49]. Мы в данном случае не будем утверждать приоритет той или ной позиции, того или иного принципа. Подчеркнём лишь, что право по отношению к данным категориям всегда занимало подчинённое, второстепенное значение. Право «этизировалось», «обожествлялось», но никак не наоборот.

Второе: этическая система носит синтетический, примиряющий характер. Исследуя различные этические теории, особенно в работе «Оправдание добра», он вскрывает те или иные недостатки этих систем, но – что принципиально – не отвергает ни одну из них. Парадоксально: любая теория «годится», может быть востребована, будь то гедонизм, аскетизм, марксизм, платонизм или что-нибудь иное. Разве что заявленные теоретиками «принципы» могут быть востребованы как часть некоего общего, верховного принципа, который должен привести к созданию «идеального» общества. Это идеальное или нормальное общество представляется философу как свободная общинность, где все составляют цель для каждого и каждый для всех. Эта цель может быть реально достигнута, если государство будет носить правовой характер, если экономические отношения будут выстроены так, что «правда социализма» реализуется в справедливых экономических отношениях, если духовное руководство церкви перестанет носить искусственный характер.

Третье: нравственная деятельность не носит исключительно абстрактный, теоретический, отвлечённый характер. Смысл этических конструкций в их возможном применении к обществу, реализации важнейших практических задач. Этика – это практика конкретного действия, в этом смысл подхода мыслителя к ней. Здесь присутствует сложная взаимосвязь категорий: этика – это нормы общежития, но таковыми они могут стать лишь тогда, когда философский ум сформулирует их основополагающие принципы на основе опыта развития человечества, как духовного, так и материального. Конечно же, то «добро», которое пытается оправдать философ, связано, главным образом, с царством Божьим, с конкретным воплощением феномена богочеловечества, с оправданием смысла существования людей, духовным, по форме и содержанию.

Причём, как верно замечает А.С. Ященко, «так понимаемое Царство Божие, будучи целью религиозной, тесно связывается в то же время и с юридической организацией общества» [9, с. 21]. То есть откровение Христа может быть делом только общественным, но никак не исключительно личным. Но общество выдвигает в этом контексте свои требования к реализации христианского идеала, поскольку у него свои законы функционирования. «Совершенное добро» носит идеальный, религиозный характер, но оно обессмысливается, если отсутствует основа, предмет для его реализации. Конечно, такого рода реализация – дело исторически длительное и сложное, но оно реально исключительно в рамках указанной диалектической связи. Как фиксирует тот же А.С. Ященко, «добро обосновывается на анализе человеческой природы и на мистическом акте религиозной веры. Право же оправдывается оправданием добра, так как оно

есть лишь осуществление добра, одна из ступеней его реализации» [9, с. 21]. Обратимся же более подробно к правовой проблематике.

4

У Вл. Соловьёва нет специальных правовых работ, он и сам себя называл «одиноким и плохо вооружённым волонтёром, вступающим в огромный и грозный стан юридической науки». Однако его система предполагала анализ общих правовых вопросов о природе права, о связи права с нравственностью, религией и метафизикой, о юридических нормах и т.д. Да, Вл. Соловьёв не юрист, но виднейшие представители философии права не были юристами (от Аристотеля до Гегеля).

Для взглядов мыслителя характерно уважительное отношение к идее права. Право – это минимум нравственности, обязательный для всех. Естественное право – это формальная идея права, рационально выведенная из общих принципов философии. Естественное право и положительное право не имеют некой «разграничительной» смысловой линии: это два различных взгляда на один и тот же предмет.

Но точно так же и право, и нравственность не имеют между собой жёсткой разграничительной линии. Это связано с тем, что «действительное противоречие и несовместимость существует не между правом и нравственностью, а между различными состояниями как правового, так и нравственного состояния» [4, с. 444]. Весь вопрос тогда заключается в том, что должна существовать некая «общая идея права», некая концептуальная «правовая норма», исходя из которой мы можем адекватно определить как право, так и нравственность.

Определение права даётся мыслителем в разных смысловых полях, разных контекстах. Скажем, «что такое право, как не выражение правды?» [4, с. 447], и контекст здесь очевиден, контекст нравственный. Однако, далее, «есть, кроме нравственного, ещё и другое право, то есть в другом, тесном смысле, или право как такое, которому нравственный характер не принадлежит как его прямое и ближайшее определение» [4, с. 447]. Здесь контекст сугубо формализованный, догматический. Но может быть контекст и антропологический. «И нравственный, и юридический закон, – пишет мыслитель, – относятся, собственно, к внутреннему существу человека, к его воле, но первый берёт эту волю в её общности и целостности, а второй – лишь в её частичной реализации…» [4, с. 449].

Отсюда следует определение собственно права, которое имеет несколько редакций. Одно из них, классическое, даётся в 27 главе «Оправдания добра»: «Право есть принудительное требование реализации определённого минимального добра, или порядка, не допускающего известных проявлений зла» [4, с. 450]. Существуют и иные определения. Скажем, «Право есть исторически-подвижное определение необходимого принудительного равновесия двух нравственных интересов: личной свободы и общего блага» [4, с. 453]. В этом же методологическом, нравственно-философском контексте определяется закон: как «общепризнанное и безналичное (т.е. независящее от личных мнений и желаний) определение права или понятие о должном (в данных условиях и в данном отношении), равновесии между частной свободой и благом целого» [4, с. 459]. Обращает на себя внимание несколько принципиальных моментов доктрины. Первый: философ стремится выдержать как формальный, так и этический критерий определения права. Второй: существуют как общепринятые формулировки (защита личных и общественных интересов), так и свойственные именно данному мыслителю мотивы (не допущение зла). Третий: право немыслимо без свободы. На, последнем положении задержим наше внимание.

Если судить по формальным признакам, то право есть свобода, обусловленная равенством. Однако свобода сама по себе ещё права не образует. Самый благодарный из авторов, пишущих о Вл. Соловьёве, А.С. Ященко замечает, что это не оригинальный

подход. Многие мыслители субъективно-идеалистической школы (И. Кант) полагали, что юридический закон есть предписание действовать так, чтобы свобода одного совмещалась со свободой всех и каждого, а субъективное право есть лишь внешняя свобода, охраняемая юридическими законами. Иные авторы (И.-Г. Фихте) считали, что право есть лишь нормы, регулирующие отношения людей, в которых каждый ограничивает свою свободу свободою другого, приписывая себе известную сферу деятельности и предоставляя такую же сферу другому. Особенность подхода Вл. Соловьёва заключалась в том, что он сделал акцент на понимании права как сугубо «отрицательного» феномена, а потому такого феномена, который не мог претендовать на роль верховного принципа человеческого общежития.

Право лишь устанавливает некие границы, полагал мыслитель, но сама подобная попытка не несёт в себе позитивного, созидающего начала. Позитивную нагрузку может нести (и несёт) нравственность, религия, но никак не право. Возвращаясь к свободе: именно церковь может дать «оценку свободы», именно церковь даёт идеал. «Право и религиозный идеал, – пишет А. Ященко, – у Соловьёва как бы два слитных и нераздельных отблеска одного источника света» [9, с. 27]. Другими словами, надо было доказать ограниченность этих «отвлечённых начал», взятых обособленно, чтобы придти к новому синтезу и новому пониманию доктрины.

Суть этого понимания – во взаимосвязи нравственного и правового начала. Нравственный принцип безусловен и абсолютен (в отличие от принципа права), более того, между правом и нравственностью существует тесная связь. И эта связь определяется именно той сверхзадачей, сверхцелью, которая и олицетворяется нравственностью. Однако между правом и нравственностью существуют и различия. Скажем, право требует реальной реализации «добра», а нравственность может ограничиться постановкой целей. Далее, общеизвестное: право предполагает принуждение. В каком-то смысле право здесь может пониматься как «внешний предел нравственности», «минимум нравственности», и это не могло встретить одобрения юристов, представляющих прежде всего позитивистскую школу. Не углубляясь в суть полемики, заметим, что речь здесь идет исключительно о противоборстве концептуальных, методологических позиций. Вл. Соловьёв основывался на объективно-идеалистической традиции, концепции всеединства, связанной с всеобщим синтезом и преодолением разного рода (фактически, всех) отвлечённых начал. Для юридического позитивизма было характерно неприятие такого рода рефлексии над правом (собственно, философской рефлексии в целом). Тот же Г. Шершеневич полагал, что понятие о государстве, праве может быть только одно – социологическое. Право же выражает интересы господствующих слоёв населения, вне нравственных, религиозных констант.

Но у Вл. Соловьёва были не только критики, но и защитники. Один из них, конкретизируя учение мыслителя, замечал: «Сопоставляя право и нравственность, надо брать их в однородных условиях, в данную эпоху у данного народа, а не противопоставлять искусственно вырванную юридическую норму из исторической обстановки нравственным воззрениям людей совершенно в другой период времени» [9, с. 34].

Подытоживая сказанное, заметим, что ключевыми категориями в философии права Вл. Соловьёва являются такие дефиниции, как «нравственность» («добро», «справедливость»), «религия», «всеединство» (или синтез), «право», «закон». Очевидно, последовательность или иерархичность понятий должна быть именно такой. Необходимыми для реализации принципов права мыслитель считал личную свободу, равенство перед законом, общее благо (минимум нравственности), принуждение. Здесь появляется и ещё один термин, который не часто характеризуется в работах по философии права, а именно – принцип равновесия. Право есть равновесие между личной свободой и общим благом. Это форма некоего баланса. Собственно, и понятие «закон» ха-

рактеризуется при помощи этого же термина (см. выше). И, конечно, право немыслимо без государства. Об этом уже говорилось, скажем лишь главное: государство представляет лишь «внешнее равновесие», подлинное равновесие оно может приобрести в случае своего правового характера и нравственного «взаимопроникновения» всех сил общества. Высшую цель своей деятельности государство получает от церкви.

5

Нам осталось обратиться к некоторым современным оценкам идей, высказанных великим русским мыслителем. Мы попробуем сфокусировать основные мысли в виде ряда положений. Первое из них: доктрина Вл. Соловьёва привлекает внимание не только с точки зрения академического интереса. Она современна в том смысле, в каком современны любые попытки решения актуальных правовых проблем с помощью обращения к этике. Утилитаризм, сугубый прагматизм не имели перспектив в рамках философско-правовых теорий в конце девятнадцатого века, не имеют они научных (как минимум) перспектив и в начале века двадцать первого. Критика мыслителем «отвлечённых начал» сохраняет свою актуальность поныне, что подтвердил, в частности, кризис марксистского правопонимания, марксистской философии. Как оказалось, догматизм любого рода, даже под флагом «единственно верного учения» не неприемлем, и призыв «синтезировать» истину может быть востребован теоретиками уже новой волны, нового поколения.

Безусловно, сохраняя контекст размышлений философа, сегодня трудно говорить о таких теоретических концепциях, практических политических процессах, как, например, процесс теократический, идея синтеза православия и католичества в форме «свободной теократии» в виде альянса римского первосвященника и русского царя. Но не вызывает сомнений целесообразность постоянно «оправдывать добро», другими словами, находить этому оправданию аргументы уже современного характера.

Второе: проблема добра и зла, которые мыслитель привнёс в обсуждение, казалось бы, столь формалистичных явлений, какими являются явления правовые, меньше всего коренится в мистических настроениях Вл. Соловьёва. Дело здесь в ином: добро и зло – это категории, которые в теоретическом аспекте востребованы любым научным обществом, в том числе и современным. Причём надо помнить, что в восточнославянском философском, мировоззренческом, правовом контексте вопросы этики традиционно занимают одно из первых мест. Мы обращаемся к проблемам добра и зла, апеллируя к праву, не только потому, что это связано с традицией, с идеями и настроениями наших предшественников. Опыт свидетельствует в пользу того, что исключительно формальные определения, относящиеся к позитивному праву и дистанцирующиеся от права концепты естественного (природного) порядка бессмысленны и непродуктивны.

Конечно, в этом плане закономерно встают вопросы, связанные с той «научностью», «рационализацией», которые часто выдвигались в форме противовеса этическим, историческим, ментальным концептам и были популярны не одно прошлое столетие. Но согласимся: если бы юридический позитивизм, в частности, был столь плодотворен, а предлагаемые им (да и не только им) формальные средства столь универсальны, то мы не говорили бы сегодня о важности нравственных критериев в праве.

Третье: если задуматься, то Вл. Соловьёв фактически стоял перед теми же проблемами, перед которыми стоит и современная философия права. Мы ведь чем обогатились за последний век? Констатацией того, что «измов», или, по терминологии мыслителя, «отвлечённых начал», может быть максимально много, но говорить о той или иной концепции, той или иной системе взглядов как об «абсолютной», «совершенной», «законченной» мы не можем и сегодня. Свидетельством того, что попытки построить правовую доктрину на основах сугубо формальных, не связанных с историей, традици-

ей, ментальностью не увенчались успехом. И потому мы вновь приходим к нравственности как важнейшему критерию правовой, а следовательно, человеческой деятельности, деятельности и нас самих, и наших теоретических предшественников.

«Человеческое измерение» права, к которому призывал Вл. Соловьёв, конечно же, тесно связано с религиозными представлениями, религией как социальным и сверхприродным феноменом. Причём следует особо отметить, что такого рода понимание популярно и сегодня. В частности, приведём одно замечание из работы доктора юридических наук, профессора Р.А. Папаяна из книги с примечательным названием: «Христианские корни современного права». Автор чётко формулирует свою основную мысль: его книга есть «напоминание о том, что, как бы не развивалась правовая мысль, истоки права остаются незыблемыми и восходят к рождению человека, к основам, открытым человечеству на заре его формирования и представленными в Книге Книг, называемой Библией» [3, с. 11]. В книге фактически перефразируется известная мысль Вл. Соловьёва, что будущее, в том числе правовое, – в христианстве, и эта констатация не противоречит тому, что христианство – это и наше прошлое, и наше настоящее. Полемизируя с критиками этой точки зрения, современный учёный замечает: «Разительный парадокс заключается в том, что почему-то основанность своих правовых норм на религиозно-нравственных ценностях христианства считается ходом назад, а вот почти полное базирование сегодняшних правовых представлений на языческом в своей основе римском праве считается весьма прогрессивным» [3, с. 19].

Есть и ещё один актуальный момент, подтверждающий жизнеспособность теоретических поисков мыслителя: современный кризис обществознания, в частности, и духовности, в общем. Говорят (и справедливо) об этом кризисе столь много, что возвращение к классическим формулировкам позапрошлого века, утверждающим приоритет нравственности, религиозной нравственности, сегодня вовсе не выглядит надуманным. Место выдающегося русского мыслителя в контексте современных исканий представителей философско-правовой мысли как раз и определяется тем, что приоритет нравственности выглядит убедительным, несмотря на все продолжающиеся попытки формализовать, «технизировать» право, придать ему черты «геометрии», совсем в гоббсовском духе. И дело ведь не только в этой констатации, важной самой по себе. Принципиально то, что Вл. Соловьёв предложил систему знания, в рамках которой философия права заняла своё, строго очерченное, определённое место. Отсюда следует, что понять, принять идею синтеза нравственности, религии, права, метафизики можно исключительно в русле тех основополагающих постулатов философской, политико-правовой доктрины, о которой шла речь выше.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лосский, Н.О. История русской философии / Н.О. Лосский. – М. : Наука, 1981.
2. Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. – СПб. : тип Стасюлевича, 1914.
3. Папаян, Р.А. Христианские корни современного права / Р.А. Папаян. – М.: Норма, 2002. – 416 с.
4. Соловьёв, В.С. Сочинения в двух томах. – М. : Мысль, 1988. – Т. 1. – 892 с.
5. Соловьёв, В.С. Собрание сочинений в двух томах.– М. : Мысль, 1988. – Т. 2. – 822 с.
6. Соловьёв, В.С. Собрание сочинений в 10 томах / В.С. Соловьёв. – 2-е изд. – М. : Просвещение, Т.8.
7. Чичерин, Б.Н. Мистицизм в науке. / Б.Н. Чичерин. – М., 1880.
8. Шапошников, Л.Е. Философские портреты / Л.Е. Шапошников. – Нижний Новгород, 1993. – 221 с.

9. Ященко, А.С. Философия права Владимира Соловьёва. Теория федерализма / А.С. Ященко. – СПб. : Алетейя, 1999. – 254 с.

Zagornov A.A., Lepeshko A.B. **Vl. Soloviev's philosophy of law in the system of philosophical and legal concepts**

Philosophical and legal judgments of Vl. Soloviev who is one of the finest Russian philosophers are analyzed in the article. It is pointed out that the basic ideas of the philosophical and legal doctrine are brought to the synthesis of morality, religion, philosophy and law.

Such definitions as «morality» («good», «justice»), «religion», «unity» (or synthesis), «law» are fundamental concepts in the Vl. Soloviev's philosophy of law. Also correlation of the main postulates of the philosopher's doctrine with modern philosophical and legal conceptions is characterized.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 11.01.10

УДК 340

Д.С. Береговцова, Е.А. Коротич

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ: ПОНЯТИЕ, СИСТЕМА, ВИДЫ

В настоящей статье рассматривается такая разновидность нормативных правовых актов Республики Беларусь, как законодательные. Предлагается авторское определение категории «законодательные акты», рассматриваются существенные признаки, система и виды законодательных актов. Отдельное внимание посвящено иерархии законодательных актов в Республике Беларусь, месте в этой иерархии актов Президента Республики Беларусь, а также рассмотрению вопроса о соотношении указов, декретов Главы государства и законов. В статье также рассматриваются некоторые спорные вопросы иерархии законодательных актов в Республике Беларусь и предлагаются пути их решения.

Введение

Право имеет свои источники, в которых выражаются общеобязательные правила поведения людей. В различных правовых системах мира в разное время одновременно использовались несколько источников права. Но, в зависимости от исторических этапов и особенностей развития каждой страны, определенные источники права приобретали доминирующее значение [1, с. 129]. В Республике Беларусь, как и во многих других странах романо-германской правовой системы, нормативные правовые акты являются одной из наиболее распространенных форм права. В качестве одной из разновидностей нормативных правовых актов в рамках белорусской правовой системы выделяются законодательные акты.

Понятие и система законодательных актов в Республике Беларусь

В Законе Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» перечисляются те акты, которые относятся к категории «законодательные». К ним, в соответствии со ст. 1 Закона, следует относить Конституцию Республики Беларусь, законы, декреты и указы Президента Республики Беларусь.

Сам термин «законодательные акты» относительно недавно появился в законодательстве Республики Беларусь. Однако, несмотря на данное обстоятельство, он является предметом самого пристального изучения со стороны ряда белорусских исследователей. Данная категория явилась объектом рассмотрения таких ученых-юристов, как, например, Г.А. Василевич, И.В. Вегера, А.И. Курак, В. Реут и др.

Характерно, что в Законе «О нормативных правовых актах в Республике Беларусь» (ст. 1) не дана дефиниция понятия «законодательные акты». Вместе с тем, такое определение выработано юридической теорией. Так, в частности, И.В. Вегера под законодательными актами понимает совокупность определенных видов нормативных правовых актов (Конституция, законы, декреты и указы (изданные во исполнение Конституции) Президента Республики Беларусь, занимающие высшую ступень в иерархической системе законодательства и одновременно находящихся в своей системе иерархической соподчиненности, в которой Конституция обладает наибольшей юридической силой, и регулирующих наиболее важные вопросы государственной и общественной жизни [2, с. 4].

Таким образом, к законодательным следует относить совокупность нормативных правовых актов (включая Конституцию, законы, декреты и указы Президента), обладающих высшей юридической силой по отношению ко всем иным нормативным правовым актам, а также актам, не являющимся нормативными и регулирующих наиболее важные общественные отношения.

Представляется целесообразным закрепить в ст. 1 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах в Республике Беларусь» следующее определение законодательного акта: «Законодательный акт – это принимаемый в особом порядке нормативный правовой акт, обладающий высшей юридической силой в правовой системе Республики Беларусь и выражающий волю государства по наиболее важным вопросам государственной и общественной жизни».

Попытаемся выделить существенные признаки законодательных актов Республики Беларусь:

1. Законодательные акты обладают высшей юридической силой в иерархии нормативных правовых актов Республики Беларусь. Таким образом, все иные акты (подзаконные) должны соответствовать законодательным.

2. Законодательные акты образуют четкую, иерархически выстроенную систему, безусловным верховенством в которой обладает Конституция Республики Беларусь.

3. Законодательные акты обладают всеми признаками, свойственными нормативным правовым актам в целом, т.е. нормативностью, волевым содержанием, обеспечиваются силой государственного принуждения и т. д..

4. Законодательные акты выражают волю государства по наиболее важным вопросам государственной или общественной жизни, т.е. они содержат нормы по основным, ключевым вопросам жизни страны, иным принципиальным экономическим, политическим, социальным вопросам. Для урегулирования менее важных вопросов существуют подзаконные нормативные правовые акты.

5. Законодательные акты принимаются в особом порядке, отличном от порядка принятия подзаконных нормативных правовых актов.

6. Законодательные акты принимаются особыми субъектами, к числу которых относится непосредственно народ Республики Беларусь, Национальное собрание, а также Глава государства – Президент Республики Беларусь.

Как уже выше было отмечено, к категории законодательных актов относится Конституция, законы, декреты и указы Президента.

Закон Республики Беларусь – нормативный правовой акт, закрепляющий принципы и нормы регулирования наиболее важных общественных отношений [3]. Вместе с тем, на анализе законов как источников белорусского права более подробно в рамках настоящего исследования мы останавливаться не будем.

Декрет Президента Республики Беларусь – нормативный правовой акт Главы государства, имеющий силу закона, издаваемый в соответствии с Конституцией Республики Беларусь на основании делегированных ему Парламентом законодательных полномочий либо в случаях особой необходимости (временный декрет) для регулирования наиболее важных общественных отношений [3].

Таким образом, можно выделить две разновидности декретов Президента: временные и делегированные.

Под временными декретами Президента следует понимать нормативные правовые акты Главы государства, издаваемые в случаях особой необходимости для регулирования наиболее важных общественных отношений. Таким образом, из данного определения видно, что подобные декреты являются актами исключительного характера, издаваемыми в особых случаях.

Делегированные декреты – это акты делегированного законодательства, издаваемые Главой государства для регулирования наиболее важных общественных отношений.

Порядок принятия временных и делегированных декретов конкретизирован Законами Республики Беларусь «О нормативных правовых актах в Республике Беларусь» и «О Президенте Республики Беларусь».

Так, делегированные декреты принимаются в следующем порядке. Первоначально проект закона о делегировании Президенту законодательных полномочий вносится в Палату представителей Президентом. Проект закона должен определять круг отношений, регулируемых декретом, и срок полномочий Президента на издание декрета [4].

Не допускается делегирование полномочий Президенту на издание декретов, предусматривающих изменение и дополнение Конституции, ее толкование; изменение и дополнение программных законов; утверждение республиканского бюджета и отчета о его исполнении; изменение порядка выборов Президента и Парламента; ограничение конституционных прав и свобод граждан. Закон о делегировании законодательных полномочий Президенту не может разрешать ему изменение этого закона, а также предоставлять право принимать нормы, имеющие обратную силу.

Иной порядок установлен для принятия временных декретов. Временные декреты издаются Президентом Республики Беларусь в силу особой необходимости без делегирования на то законодательных полномочий [4].

Инициатором издания временных декретов может выступить Президент или Совет Министров Республики Беларусь. Если временный декрет издается по предложению Совета Министров Республики Беларусь, он должен быть скреплен подписью Премьер-министра Республики Беларусь.

Президент не может издавать временные декреты по тем же вопросам, что и декреты, издаваемые на основе закона о делегировании Президенту законодательных полномочий, за исключением случаев принятия мер, предусмотренных частью второй статьи 79 Конституции Республики Беларусь.

Временный декрет с письменным обоснованием необходимости его издания в трехдневный срок после его подписания вносится в Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь, в том числе и в период между сессиями, Президентом или по его поручению Главой Администрации Президента Республики Беларусь. Этот срок начинает исчисляться со дня, следующего за днем подписания данного временного декрета. Временный декрет рассматривается Палатой представителей, а затем Советом Республики в порядке и сроки, определенные регламентами палат. Не подлежат рассмотрению временные декреты, утратившие силу к моменту их рассмотрения в Национальном собрании Республики Беларусь.

Палаты Национального собрания Республики Беларусь вправе отменить временный декрет большинством не менее двух третей голосов от полного состава каждой из палат. Решения палат принимаются в форме постановлений. Если голосование в палатах не привело к принятию решений об отмене временного декрета или такое решение принято одной из палат, временный декрет сохраняет свою силу.

Проекты законов, по содержанию расходящиеся с временным декретом, могут приниматься Национальным собранием Республики Беларусь после отмены или признания утратившим силу этого декрета или его соответствующих норм либо в случаях, когда проекты законов внесены в Палату представителей Президентом или с его согласия.

Отношения, возникшие или приобретшие качественно новое состояние со вступлением в силу временного декрета, после отмены данного временного декрета могут регулироваться законом. При необходимости регулирования таких отношений палаты Национального собрания Республики Беларусь одновременно с принятием решений об отмене временного декрета обязаны принять соответствующий закон.

Палаты Национального собрания Республики Беларусь могут принять закон, по содержанию совпадающий с соответствующим временным декретом. Со вступлением такого закона в силу временный декрет утрачивает свою силу. При принятии закона, частично совпадающего по содержанию с временным декретом, этот декрет сохраняет свою силу в части, не урегулированной таким законом, если временный декрет в дан-

ной части не отменен в установленном порядке палатами Национального собрания Республики Беларусь.

Декреты, независимо от вида, подлежат немедленному опубликованию после их подписания и вступают в силу через десять дней после опубликования, если в самом декрете не установлен иной срок. Указы и распоряжения Президента вступают в силу в порядке, установленном Президентом.

Следует отметить, что на данный момент Глава белорусского государства принимал лишь временные декреты и ни одного делегированного, и это при том, что они, как уже было отмечено выше, должны приниматься лишь в исключительных случаях.

Важное место в правовой системе Республики Беларусь занимают указы Президента.

Указ Президента Республики Беларусь – нормативный правовой акт Главы государства, издаваемый в целях реализации его полномочий и устанавливающий (изменяющий, отменяющий) определенные правовые нормы [3].

Указы Президента, согласно распространенной в литературе классификации, подразделяются на указы, изданные на основе Конституции, и указы, изданные на основе закона (такой точки зрения, например, придерживается Г.А. Василевич).

Подобная классификация вытекает из содержания ст. 116 Конституции Республики Беларусь.

Относительно новой разновидностью актов Президента являются директивы.

В соответствии со ст. 2 Закона «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» под директивой следует понимать указ программного характера, издаваемый Главой государства в целях системного решения вопросов, имеющих приоритетное политическое, социальное и экономическое значение [3].

Директива, как видно из указанного определения, является самостоятельной разновидностью указов Президента и направлена на системное решение вопросов, имеющих приоритетное значение. При этом такой указ всегда носит программный характер. Полагаем, что если в соотношении «закон – программный закон» последний всегда обладает высшей юридической силой, то и в соотношении «указ – программный указ» будет действовать то же правило.

Как верно отмечает Г.А. Василевич, «директива – это акт, который сочетает в себе черты нормативно-программного документа и одновременно содержащий в себе ряд конкретных поручений. Исходя из текста директив, можно сделать вывод, что реализация их норм должна осуществляться безотлагательно, но решение тех проблем, которые в них упоминаются, является постоянным для компетентных органов (например, обеспечение охраны труда, борьба с пьянством)» [5, с. 6].

Характерно, что в ст. 2 Закона «О нормативных правовых актах» выделяется такой вид нормативного правового акта, как решение референдума. Под ним законодатель понимает нормативный правовой акт, направленный на регулирование важнейших вопросов государственной и общественной жизни, принятый республиканским или местным референдумом. Однако, в соответствии со ст. 1 Закона, данный нормативный правовой акт не отнесен к категории законодательных. Возникает закономерный вопрос о его роли в системе нормативных правовых актов. Исходя из анализа положений Закона «О нормативных правовых актах», оно занимает особое обособленное место в иерархии нормативных правовых, так как не отнесено ни к категории законодательных, ни к категории подзаконных нормативных правовых актов.

Интересной представляется точка зрения Г.А. Василевича, который отмечает, что нельзя согласиться с данным в Законе определением решения референдума как нормативного правового акта. Во многих случаях, отмечает он, на народное голосование может быть вынесен отдельный вопрос, концепция будущего законопроекта, планируемого к рассмотрению в Парламенте, и т.д. Референдум может носить консульта-

тивный характер. Правда, в части второй ст. 3 комментируемого Закона сделана оговорка о том, что правовые акты (решение референдума, указ и др.) могут иметь ненормативный характер (см. ст. 3 Закона). Тогда возникает резонный вопрос: зачем же все их следовало определять в ст. 2 [6] как нормативные?

Актуальным представляется вопрос иерархии законодательных актов.

Несомненно, в данной системе наивысшей юридической силой обладает Конституция как Основной Закон белорусского государства.

При решении вопроса о соотношении иных законодательных актов проанализируем имеющиеся конституционные нормы и нормы Закона «О нормативных правовых актах Республики Беларусь», а также мнения и суждения некоторых белорусских исследователей, занимавшихся данной проблематикой.

Прежде всего следует упомянуть ст. 85 Конституции Республики Беларусь, в соответствии с которой Президент на основе и в соответствии с Конституцией издает указы, имеющие обязательную силу на всей территории Республики Беларусь. В случаях, предусмотренных Конституцией, Президент издает декреты, имеющие силу законов.

В соответствии со ст. 101 Конституции Палата представителей и Совет Республики законом, принятым большинством голосов от полного состава палат, по предложению Президента могут делегировать ему законодательные полномочия на издание декретов, имеющих силу закона [7].

На основании ст. 101 Конституции в силу особой необходимости Президент по своей инициативе либо по предложению Правительства может издавать временные декреты, имеющие силу закона.

И наконец, исключительно важное значение имеет ст. 137 Конституции Республики Беларусь, в соответствии с которой в случае расхождения декрета или указа с законом закон имеет верховенство лишь тогда, когда полномочия на издание декрета или указа были предоставлены законом. Аналогичную норму содержит ст. 10 Закона «О нормативных правовых актах Республики Беларусь». В соответствии со с. 28 Закона Республики Беларусь «О Президенте Республики Беларусь» декреты и указы Президента, если иное не предусмотрено Конституцией Республики Беларусь, имеют верховенство над актами иных государственных органов и должностных лиц.

В соответствии с уже цитируемой выше статьей 137 Конституции кодексы имеют большую юридическую силу по отношению к другим законам. Гражданский кодекс Республики Беларусь имеет большую юридическую силу по отношению к другим кодексам и законам, содержащим нормы гражданского права.

Анализ вышеуказанных норм приводит белорусских ученых к сходным выводам. Так, В.А. Кодабович, анализируя систему источников конституционного права Республики Беларусь, отмечает, что источники конституционного права (в данном случае мы рассмотрим лишь те его выводы, которые касаются законодательных актов) должны быть выстроены следующим образом:

– Конституция Республики Беларусь;

– решения референдума, международные договоры и иные международные акты;

– законы Республики Беларусь;

– декреты и указы Президента Республики Беларусь [8, с. 5].

В контексте вышеизложенного вновь отметим, что решения референдума могут носить лишь консультативный характер, что неоднократно наблюдалось в конституционной практике Республики Беларусь.

Г.А. Василевич, анализируя иерархию одноуровневых нормативных правовых актов, отмечает, что вслед за Конституцией идут:

– конституционные законы, включая законы о толковании Конституции;

– международные договоры Республики Беларусь, ставшие обязательными для Республики Беларусь;

– программные законы;

– законы, декреты и указы, изданные на основе Конституции;

– указы, изданные на основе закона, т.е. имеющие подзаконный характер [9].

Безусловно, выстраивание законодательных актов в подобном порядке основывается на тщательном и детальном анализе автором конституционных норм, в частности, ст. 116 Конституции, и является наиболее оправданным. Особое значение уже упомянутой 116 статьи заключается в том, что в ней прямо определена иерархия законодательных и иных нормативных правовых актов. Так, отмечается, что Конституционный Суд даёт заключения о соответствии законов, декретов, указов Президента Конституции и международно-правовым актам, ратифицированным Республикой Беларусь. Таким образом, что международно-правовые акты, ратифицированные Республикой Беларусь, в иерархии законодательных актов занимают место сразу вслед за Конституцией Республики Беларусь.

Значение программных законов определяется ст. 104 Конституции Республики Беларусь, в соответствии с которой законы об основных направлениях внутренней и внешней политики Республики Беларусь, о военной доктрине Республики Беларусь являются программными и считаются принятыми при условии, если за них проголосовало не менее двух третей от полного состава палат. Вышестоящее место программных законов в иерархии нормативных правовых актов определяется также уже ранее упомянутой ст. 101 Конституции Республики Беларусь, в соответствии с которой Президенту не могут делегироваться полномочия на изменение и дополнение программных законов, вследствие чего не может встать вопрос о конкуренции декретов Президента и программных законов.

Более проблематичным, на наш взгляд, является вопрос о соотношении указов, декретов Президента и законов.

Анализируя вопрос о соотношении актов Президента и Парламента, представляется наиболее уместным процитировать точку зрения И. Салеева, который совершенно правильно замечает, что конституционные нормы, касающиеся соотношения актов Президента и парламента, могут иметь двоякое толкование, связанное со значением понятия «отсутствие верховенства» закона над указами и временными декретами:

1) закон, декрет и указ имеют равную юридическую силу – это значит, что более поздний по времени принятия акт имеет большую юридическую силу по отношению к ранее принятому акту;

2) декрет и указ имеют высшую по сравнению с законом юридическую силу – независимо от времени принятия.

Отметим, что существуют аргументы как «за», так и «против» любого из этих толкований [10, с. 16].

Одним из наиболее ярких представителей первой из вышеупомянутых точек зрения является Г.А. Василевич, отмечающий, что правило «новый закон имеет большую юридическую силу по отношению к ранее принятому» работает и в отношениях «декрет-закон» [11, с. 14]. Кроме того, Г.А. Василевич подчеркивает, что кодексы обладают верховенством по отношению к декретам в силу ст. 10 Закона «О нормативных правовых актах Республики Беларусь», согласно которой кодексы имеют более высокую юридическую силу по отношению к другим законам [там же].

Другим сторонником данной точки зрения является сам И. Салеев, который отмечает, что положения ст. 101 Конституции, в соответствии с которой декреты «имеют силу закона», а не обладают большей юридической силой (указы и вовсе не имеют силу закона), – это аргумент в пользу первого толкования [10, с. 17].

Отметим, что данная позиция в своей основе опирается на ст. 101 Конституции Республики Беларусь, в которой отмечено, что декреты имеют силу закона, а также на традиционное представление о сущности закона как источника права и той роли, которую должны играть законы в системе источников права любой страны.

Вторая точка зрения была положена в основу постановления Пленума Высшего хозяйственного суда от 16 декабря 1999 г. № 16 «О применении норм Гражданского кодекса Республики Беларусь, регулирующих заключение, изменение и расторжение договоров». В соответствии с данным постановлением Высший хозяйственный суд Республики Беларусь установил, что в случае коллизии между временными декретами (указами) Президента Республики Беларусь и законами Республики Беларусь, принятыми парламентом, соответствующие декреты и указы имеют верховенство над законами вне зависимости от того, вступили ли эти законы в силу до подписания соответствующих декретов или указов либо после [12].

В свою очередь, данная точка зрения опирается на ч. 3 ст. 137 Конституции, в соответствии с которой в случае расхождения декрета или указа с законом закон имеет верховенство лишь тогда, когда полномочия на издание декрета или указа были предоставлены законом.

Характерно, что при анализе данной нормы некоторые авторы делают интересное заключение, что «из части третьей статьи 137 прямо усматривается, что декреты, изданные Президентом на основании делегированных ему полномочий в силу части первой статьи 101 Конституции, имеют подзаконный характер» [13, с. 16]. Полагаем, что автор данной точки зрения излишне категоричен, и в силу этого приходит к слишком поспешному выводу. По нашему мнению, в этом случае анализ текста Конституции позволяет прийти к следующим выводам:

1. Делегированный декрет должен соответствовать закону о делегировании Президенту полномочий на его издание;

2. Делегированный декрет, так же как и временный, на основании ч. 1 ст. 101 Конституции имеет силу закона (в соответствии с данной статьёй Палата представителей и Совет Республики законом, принятым большинством голосов от полного состава палат, по предложению Президента *могут делегировать* ему законодательные полномочия на издание *декретов, имеющих силу закона*).

Напомним, что закон о делегировании Президенту законодательных полномочий должен определять круг отношений, регулируемых декретом, и срок полномочий Президента на издание декрета, т.е. если Президент издаст декрет, регулирующий общественные отношения, не определенные в законе о делегировании полномочий, или издаст декрет за пределами срока полномочий на издание декрета, то такой декрет не будет обладать юридической силой. Отметим, что рассмотренная нами ситуация является исключительно гипотетической, так как делегированные декреты Глава государства до сих пор не принимал.

Интересной представляется также точка зрения уже упомянутого В. Реута, который отмечает: «Часть третья статьи 137 Конституции устанавливает большую юридическую силу закона по сравнению с указом, если полномочия на издание указа были предоставлены законом. Это единственный случай, когда закон имеет верховенство над указом… Однако это не означает, что во всех остальных случаях верховенство будет иметь указ, хотя именно такой подход закреплен в Законе «О Президенте Республики Беларусь»…При признании «надзаконного» характера всех указов Президента, кроме тех, которые были изданы во исполнение закона, теряется всякий смысл во введенном многообразии актов Главы государства. Если указ по своей юридической силе выше закона, то какая необходимость в такой конституционной новелле, как издание Президентом декретов, имеющих силу закона?».

В данном случае автор рассуждает о духе закона, начисто забыв о букве закона. Напомним ещё раз конституционную формулу: «В случае расхождения декрета или указа с законом закон имеет верховенство лишь тогда, когда полномочия на издание декрета или указа были предоставлены законом». На наш взгляд, она ограничительному толкованию не подлежит и положена в основу соответствующих положений Закона Республики Беларусь «О президенте Республики Беларусь». Смысл в многообразии актов Президента при этом не теряется. Декреты – это акты делегированного законодательства, чрезвычайно распространенные во всем мире. Указы Главы государства – это управленческие акты, изданные с целью повседневной реализации возложенных на Президента полномочий. Возникает лишь один закономерный вопрос: почему Указы в абсолютном большинстве случае (за исключением принятия указов на основании законов) обладают большей юридической силой по отношению к законам?

В контексте вышеизложенного интересной представляется предложенная И.В. Вегерой модель разграничения компетенции Президента и Парламента Республики Беларусь по принятию законодательных актов на основе определения их предмета правового регулирования и его границ [2, с. 10]. Так, И.В. Вегера подчеркивает, что необходимо выделить три области компетенции по правовому регулированию общественных отношений: исключительную компетенцию Парламента, преимущественную компетенцию Парламента и исключительную компетенцию Президента Республики Беларусь.

Особое внимание заслуживает также вопрос об иерархии актов Президента. В литературе совершенно справедливо отмечается, что в законодательстве не установлено, в какой форме Президент должен закреплять то или иное принятое им решение. Так, А.Н. Крамник подчеркивает, что в законодательстве не определена иерархия рассматриваемых правовых актов. По этой причине, отмечает исследователь, неизвестно, какой из нормативных правовых актов, издаваемых Президентом, обладает большей юридической силой, или все они одинаковы [14, с. 306].

Рассуждая далее на эту тему, Крамник А.Н. приходит к выводу, что, так как в соответствии с положениями Закона «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» указ – это правовой акт Президента, которым устанавливаются, изменяются и отменяются правовые нормы, указом могут быть отменены или изменены нормы, содержащиеся в декретах. Данное обстоятельство, по его мнению, подтверждает тот факт, что в ряде случаев указы Президента Республики Беларусь по юридической силе оказываются выше и декретов и законов [14, с. 308]. Полагаем, что точка зрения А.Н. Крамника заслуживает внимания, особенно в связи с тем обстоятельством, что описанная выше ситуация имеет место на практике.

Г.А. Василевич также обращает внимание на то, что необходимо определить, в каких случаях должна избираться та или иная форма акта Президента [15, с. 639].

Заключение

Существуют самые различные выходы из сложившейся сложной ситуации. Полагаем, что наиболее эффективным будет внесение соответствующих изменений и дополнений в Закон «О нормативных правовых актах Республики Беларусь». Именно в рамках данного Закона должно быть определено, в каких случаях решению Президента должна быть придана та или иная форма.

Полагаем, что, безусловно, наивысшей юридической силой, исходя из формулы, установленной ст. 101 Конституции Республики Беларусь, в иерархии актов Президента должны обладать декреты. Указы же, как отмечалось выше, издаются для реализации обычных управленческих функций Главы государства и в силу этого должны находиться на более низкой ступени в иерархии актов Президента. Необходимо также вне-

сти изменения в ст. 137 Конституции Республики Беларусь, о чём более подробно мы поговорим несколько позднее.

Интересным также является вопрос о том, в каких случаях должны приниматься временные декреты. Согласно со ст. 101 Конституции Республики Беларусь временные декреты могут приниматься в силу особой необходимости либо по предложению Правительства. Вместе с тем, как известно, до сих пор Глава государства принимал только временные декреты. Возникает закономерный вопрос: неужели принятие их всех было вызвано особой необходимостью? Возможно, это и так, однако необходимо определить в Законе «О нормативных правовых актах Республики Беларусь», что же именно следует понимать под данным термином.

Кроме того, системный анализ положений ч. 2 и ч. 3 ст. 101 Конституции Республики Беларусь вызывает закономерный вопрос: может ли Президент своим временным декретом по мотивам особой необходимости нормативно урегулировать те вопросы, относительно которых ему не могут быть делегированы полномочия на издание обычного декрета. Законодательство Республики Беларусь пока не дает ответа на данный вопрос, хотя решать его необходимо, причем на уровне Конституции либо конституционного закона о толковании Конституции.

Представляется также необходимым согласится с уже неоднократно высказанной в белорусской юридической литературе точкой зрения о том, что временные декреты должны не просто приниматься к сведению или отменяться палатами Национального собрания, но утверждаться ими, так как это в наибольшей степени соответствует их природе как актов делегированного законодательства. В свете последнего положения представляется целесообразным внести изменения в норму ч. 3 ст. 101 Конституции Республики Беларусь, изложив её в следующей редакции: «В силу особой необходимости Президент по своей инициативе либо по предложению Правительства может издавать временные декреты, имеющие силу закона. Если такие декреты издаются по предложению Правительства, они скрепляются подписью Премьер-министра. Временные декреты должны быть в трехдневный срок представлены для последующего рассмотрения Палатой представителей, а затем Советом Республики. Эти декреты сохраняют силу, если они утверждены большинством голосов от полного состава каждой из палат». Соответственно, необходимо также внести изменения в акты законодательства, принятые на основе ч. 3 ст. 101 Конституции Республики Беларусь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вишневский, А.Ф. Общая теория государства и права : курс лекций / А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбанюк, В.А. Кучинский. – Минск : Тесей, 1998. – 412 с.
2. Вегера, И.В. Законодательные акты как источник конституционного права : Республика Беларусь и романо-германская юридическая традиция : автореф. дис. …канд. юрид. наук : 12.00.02 / И.В. Вегера ; Белорусский государственный университет. – Минск, 2007. – 20 с.
3. О нормативных правовых актах : Закон Респ. Беларусь от 10 янв. 2000 г. № 361-З ; в ред. Закона Респ. Беларусь от 02.07.2009 // Консультант плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2009.
4. О Президенте Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь от 21 февр. 1995 г. № 3602-XII ; в ред. Закона от 06.10.2006 г. № 166-З // Консультант плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2009.

5. Василевич, Г.А. Источники белорусского права: понятие, виды, соотношение / Г.А. Василевич // Позитивное право в современных правовых системах : материалы межд. науч. конф., Брест, 15 – 17 апреля 2009 г. / Брест. гос. ун-т им. А.С. Пушкина : Б.М. Лепешко (отв. ред.) [и др.]. – Брест, 2009. – С. 4–8.

6. Василевич, Г.А. Комментарий к закону «О нормативных правовых актах / Г.А. Василевич // Консультант плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2009.

7. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск : Амалфея, 2005. – 48 с.

8. Кодабович, В.А. Конституционное право Республики Беларусь / В.А. Кодабович, В.А. Круглов. – Минск : Амалфея, 2007. – 528 с.

9. Василевич, Г.А. Иерархия одноуровневых нормативных правовых актов / Г.А. Василевич // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2009.

10. Салеев, И. Соотношение международных договоров и внутреннего законодательства Республики Беларусь / И. Салеев // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2000. – № 3. – С. 14–18.

11. Василевич, Г.А. Конституция – главный документ для законотворческой и правоприменительной деятельности / Г.А. Василевич // Вестник молодежного научного общества. – 2001. – № 1. – С. 11–19.

12. О применении норм Гражданского кодекса Республики Беларусь, регулирующих заключение, изменение и расторжение договоров : постановление Пленума Высшего хозяйственного суда от 16 дек. 1999 г. № 16 // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2009.

13. Реут, В. Акты Президента в иерархии правовых актов Республики Беларусь / В. Реут // Юстиция Беларуси. – 1999. – № 1. – С.15–17.

14. Крамник, А.Н. Курс административного права Республики Беларусь / А.Н. Крамник. – Минск: Тесей, 2002 – 608 с.

15. Василевич, Г.А. Конституционное право Республики Беларусь : учебник / Г.А. Василевич. – Минск : Кн. дом ; Интерпрессервис, 2003. – 830 с.

Berahautsova D.S. **Legislative acts: concept, system, kinds**

In present article such version of standard legal certificates of Byelorussia as legislative. Author's definition of a category «acts» Is offered, essential signs, system and kinds of acts are considered. The separate attention is devoted to hierarchy of acts in Byelorussia, a place in this hierarchy of certificates of the President of Belarus, and also to consideration of a question on parity of decrees, decrees of the Head of the state and laws. In article some questions at issue of hierarchy of acts in Belarus also are considered and ways of their decision are offered.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 15.02.10

УДК 341.123

Ю.В. Демидчик, Е.А. Коротич

МИРОТВОРЧЕСТВО КАК СПОСОБ ПРАВОВОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЛИКТОВ

В статье исследуется такое средство правового урегулирования международных конфликтов, как миротворчество, определяются его понятие и основные формы реализации, подчеркивается значение миротворческой деятельности в практике межгосударственного общения, раскрываются различные подходы к классификации форм миротворчества, а также называются проблемные аспекты, связанные с проведением отдельных миротворческих операций. Обобщение существующих в теории международного права концепций позволило выявить основные методологические подходы к трактовке миротворческой деятельности как способа урегулирования конфликтов. На основе теоретико-правового исследования проблемы миротворчества предлагаются наиболее перспективные направления совершенствования современных миротворческих механизмов и определяются некоторые значимые шаги по повышению эффективности названных механизмов. При этом подчеркивается, что главное внимание по-прежнему должно уделяться предупреждению возникновения вооруженного конфликта, а также предотвращению военных действий там, где они еще не начались.

Введение

Мир и стабильность на глобальном и региональном уровнях являются неотъемлемым условием равноправного сосуществования и гармоничного развития всех государств-членов мирового сообщества. Вместе с тем, целый ряд факторов общественного развития привел на пороге XXI века к угрожающему по своим масштабам всплеску межгосударственных и внутренних вооруженных конфликтов [4, с. 254]. Под международными конфликтами, как правило, подразумевают войны в их традиционном понимании. Война же, в свою очередь, трактуется как критическая стадия реализации противоречий между политическими субъектами в форме насильственной вооруженной борьбы [3, с. 3].

Как показывает история развития международных отношений, процесс отказа от силовых методов решения конфликтов между государствами de jure происходил достаточно медленно. Только в XX веке идея мирного разрешения международных споров и обеспечения международного безопасности совместными усилиями мирового сообщества была реализована как на политическом, практическом, так и на международно-правовом уровне – посредством создания первой всеобщей международной организации по поддержанию мира. Учреждение Лиги Наций (именно она и стала такой организацией), а затем и ООН свидетельствовало о признании мировым сообществом необходимости урегулирования международных конфликтов мирными средствами.

В Уставе Лиги Наций был предусмотрен механизм коллективных действий по поддержанию мира, однако он, как показала практика межгосударственного общения, к сожалению, оказался малоэффективным. Вторая мировая война, нападение Японии на Китай, Германии – на Австрию и Чехословакию и т.д. – яркое тому подтверждение: Лига Наций не смогла справиться с теми задачами, которые были поставлены перед ней государствами-учредителями, что, в свою очередь, повлекло за собой ликвидацию данной организации.

Лишь создание 24 октября 1945 г. ООН позволило констатировать появление на международном уровне эффективного организационно-правового механизма, обладающего действенными ресурсами поддержания мира. На сегодняшний момент, согласно статье 24 Устава ООН, на Совет Безопасности возложена главная ответственность за обеспечение международного мира и безопасности. Он является особым орга-

ном ООН, который обладает правом предпринимать действия, превентивные или принудительные, от имени ООН, в том числе с применением объединенных вооруженных сил государств-членов ООН.

Одна из самых ярких страниц истории миротворческой деятельности ООН связана с проведением наблюдательных миссий и операций по поддержанию мира. Миротворческие операции – одно из наиболее распространенных средств урегулирования международных кризисов: за свою историю ООН учредила более 55 подобных операций. При их проведении в конфликтные зоны вводятся многонациональные миротворческие силы, полицейский и гражданский персонал, главной целью которых является разъединение противоборствующих сторон, недопущение столкновений между ними, контроль над их действиями. Однако к началу нового века миротворчество ООН имеет не только «положительный багаж», но и негативный опыт.

На Саммите тысячелетия (6–8 сентября 2000 года) мировым лидерам был представлен доклад Генерального секретаря ООН К. Аннана, в котором он отметил, что миротворчество прошло длительную эволюцию. В период «холодной войны» сложилось первое «поколение» миротворческих операций, в начале–середине 90-х годов – второе. В результате изменения характера международных конфликтов формируется новая концепция безопасности. Она ориентируется на защиту всего населения и конкретных людей от насилия, а не на защиту государства от внешнего нападения. Генеральный секретарь подчеркнул значение миротворческих операций, особенность которых на современном этапе состоит в том, что их целью является не разъединение конфликтующих сторон, а оказание помощи в разрешении конфликта политическими средствами. Работа 58 сессии Генеральной Ассамблеи показала, что в условиях новых вызовов необходимо повышать эффективность миротворчества, поскольку с ним напрямую связан авторитет ООН, ее влияние в мире.

Один из самых авторитетных современных ученых, занимающихся проблемой миросистемного анализа, И. Валлерстайн делает такой прогноз: «В период с 1990-х до 2050 года, вероятней всего, не будет хватать мира, не будет хватать стабильности, не будет хватать легитимности». По его мнению, «грядущие полвека» – это период «мирового беспорядка» [1, с. 347–348], в который мы, по всей видимости, действительно вступили.

***

В теории международного права понятие «миротворческая деятельность», как правило, трактуется преимущественно в контексте соответствующих операций ООН. В свою очередь, в практике ООН деятельность по поддержанию мира определяется как «деятельность с привлечением гражданского и военного персонала, но без полномочий осуществления принудительных действий, предпринимаемые ООН в целях оказания помощи в поддержании или восстановлении международного мира и безопасности в регионе конфликта» [3, с. 4]. Правда, на протяжении 90-х годов и первого десятилетия XXI в. дебаты об определении миротворчества постепенно стали выходить за рамки «коридоров» ООН. Как следствие, в получившем распространение в современной практике межгосударственного общения определении миротворчества, принятом с 1994 года в НАТО, уже отсутствует упоминание о таком условии, как согласие всех конфликтующих сторон на операцию по поддержанию мира. Миротворческие операции определяются как «сдерживание, ограничение и/или прекращение враждебных действий между государствами или внутри государства посредством вмешательства нейтральной международной «третьей силы», с использованием военного и гражданского персонала для оказания содействия политическом процессу разрешения конфликта, восстановления и сохранения мира» [3, с. 5].

Миротворческие операции можно представить и как форму политики, точнее, как особый политический процесс. В таком процессе политические, дипломатические, военные и иные интересы переплетаются и взаимодействуют с интересами и действиями самих конфликтующих сил. Однако миротворчество – это особым образом систематизированная и скоординированная политика, которая включает действия строго ограниченного круга субъектов, и лимитируется определенными принципами и правилами. В ряде случаев под миротворчеством понимается и разновидность военных действий, форм вооруженной борьбы. Органическими составляющими системы способов современного миротворчества являются международно-правовые средства, договорно-правовая система и комплексные способы миротворчества, инициируемые международными и региональными организациями. В основе этой системы лежит принцип мирного разрешения споров и конфликтов как общепризнанный императивный принцип международного права. Кроме того, названная система базируется на идее тесной координации политических и военных мер, наращивания международным сообществом своих возможностей по участию в урегулировании того или иного конфликта, используя комплексный подход с опорой на международное право [2, с. 47].

Авторы изданной Центром им. Г.Л. Стимсона (США) «Хрестоматии по мирным операциям ООН» выделяют четыре основных типа миротворческих операций ООН:

1) традиционные миссии по поддержанию мира;

2) многосторонние мирные операции;

3) вмешательство для предотвращения гуманитарной катастрофы;

4) операции по силовому установлению мира [3, с. 6].

Определение первого типа традиционно, а вот специфику второго авторы видят именно в том, что это операции вмешательства во внутренние конфликты государств. При этом такие операции имеют значительный невоенный, гражданский компонент. Третий тип операций вызывает наибольшие дебаты. Если после Косово (1999–2000 гг.) о «гуманитарной интервенции» широко заговорили как о типе операции, предотвращающем этнический геноцид, гуманитарную катастрофу, то следует особо отметить, что до конца 90-х годов этот тип трактовали иначе. Как примеры «гуманитарного вмешательства» рассматривали операции в Сомали (1992–1995 гг.), Боснии-Герцеговине (с 1992 г.) и Северном Ираке (1991 г.). Характерным признаком этого типа является отсутствие согласия сторон и неизбежное силовое нарушение суверенитета государственной власти, на чьей территории проводится операция. Четвертый тип операций рассматривается как прямое продолжение гуманитарного вмешательства, в случае, когда стороны продолжают сопротивление и ООН принимает решение применить значительную вооруженную силу для «гашения» или минимизации конфликта. Примером этой разновидности операций является операция на Гаити, где для прекращения систематических нарушений прав человека в результате внешнего вмешательства был военным путем смещен прежний режим и проведены под международным контролем демократические выборы. Все относимые к последнему типу ситуации роднит отсутствие согласия правительства, политической власти региона на международное вмешательство.

Несколько иной подход к систематизации форм миротворчества предложен британским исследователем Ч. Добби, по мнению которого миротворческие операции могут быть объединены в рамках следующих пяти основных групп:

1. *Предотвращение конфликтов* (раннее предупреждение, разведка и наблюдение за разворачиванием кризиса, стабилизирующие, дипломатические меры и превентивное развертывание вооруженных сил).

2. *Оказание гуманитарной помощи.* Это меры по спасению, охране, возвращению беженцев и перемещённых лиц, экономическая и социальная помощь пострадавшему от конфликтов гражданскому населению.

3. *Операции военной поддержки.* Они проводятся для обеспечения с помощью военной силы безопасных условий передачи власти под международным контролем от одних политических сил или органов другим, а также для реформирования вооруженных сил и вооруженных формирований, участвовавших в конфликте, под задачи мирного времени.

4. *Операции по демобилизации.* Это действия по разъединению, отводу с боевых позиций, разоружению; насильственной демобилизации вооруженных формирований сторон, ранее участвовавших в вооруженных столкновениях.

5. *Гарантии свободы передвижения или запрета на передвижение* [3, с. 7].

Более традиционную типологизацию форм миротворчества предлагает профессор Университета Вирджинии М. Нордквист. Он является сторонником строгого ограничения операций рамками мандата ООН и на этой основе выделяет четыре типа традиционных форм миротворчества, среди которых наблюдательные миссии (их задача – наблюдать, устанавливать факты, контролировать выполнение соглашений, проверять, докладывать), межпозиционные операции (их задача – развести конфликтующие стороны), операции поддержки порядка в условиях переходных периодов (задачи: контроль над действиями народных ополчений, добровольческих вооруженных формирований, сбор и конфискация оружия у населения, ликвидация незаконных складов оружия, организация институтов временного или постоянного гражданского управления, гуманитарная и экономическая помощь пострадавшим регионам, работа с беженцами, общее патрулирование и поддержание закона и порядка на ранее охваченных конфликтом территориях), предупредительное развертывание, которое применяется по просьбе правительства страны в целях предотвращения перехода конфликта в стадию вооруженных столкновений [3, с. 8].

Следует отметить, что характерной тенденцией миротворческих операций последнего десятилетия является вовлечение в операцию регулярных воинских частей и соединений со штатной структурой и тяжелой боевой техникой. Все это было абсолютно несвойственно для классических операций ООН прежних десятилетий. Означает ли это, что произошел общий сдвиг в сторону принудительных операций по установлению мира? Вовсе не обязательно, и далеко не во всех случаях. Это означает нарастание силовых, насильственных элементов, но далеко не все операции, в которые вовлечены войска с тяжелым вооружением, проводятся в формате принуждения вопреки политической воле сторон.

Основная трудность в настоящее время состоит в размывании различий между собственно миротворческими действиями и мерами принуждения. Это тесно связано с тенденцией к принижению роли требования о согласии противоборствующих сторон как предпосылке организации и проведения миротворческой операции. При этом необходимо четко представлять разницу между принудительными действиями и операциями по поддержанию мира. Принудительные действия осуществляются против воли государств, вовлеченных в конфликт, тогда как операции по поддержанию мира – с согласия государства или государств. В процессе осуществления миротворчества могут использоваться меры насильственного характера, например, разоружение бандитских групп и формирований миротворческими войсками, но с согласия государства, на территории которого проводится операция по поддержанию мира, и поэтому такие меры не подпадают под понятие принудительных действий.

ООН традиционно рассматривается в последние десятилетия как единственный легитимный и универсальный представитель мирового сообщества. Однако ряд крупных и сильных держав не раз оспаривали легитимность ее действий. Советский Союз неоднократно критиковал принятое без его участия решение Генеральной Ассамблеи по проведению под флагом ООН операции в Корее. США на протяжении почти всех

80-х годов находились в своеобразной «размолвке» с ООН, не вносили членские взносы, критиковали ее за неэффективность и предпринимали силовые действия в обход и вне механизма Организации. Широко известно также, что, когда по мандату ООН в 1991 г. осуществлялась силовая операция по вытеснению Ирака из Кувейта и преследованию иракских войск на их собственной территории, в Ираке и ряде других исламских государств была развернута широкая идеологическая кампания резкой критики ООН, в ходе которой «голубые каски» объявлялись «агрессорами».

Кроме того, в последние годы все четче обозначается тенденция смещения центра тяжести усилий по обеспечению безопасности с глобального на региональный уровень. ООН наряду с собственной деятельностью по разрешению многих конфликтных ситуаций все чаще привлекает региональные организации (в первую очередь НАТО, ОБСЕ, ОДКБ и т.п.) для проведения операций по установлению и поддержанию мира.

Приводят ли миротворческие действия, осуществляемые как на универсальном, так и региональном уровне, к миру? Весьма редко, скорее, как исключение. Гораздо чаще результатом миротворческих усилий выступает перемирие, примирение. Согласовать конфликт интересов стороны должны сами, а международное сообщество может в этом лишь посодействовать, оказать посреднические услуги. Другими словами, предполагается, что конфликтующие стороны к моменту начала миротворческой операции должны исчерпать потенциал насильственной стадии конфликта.

При этом возрастает значение того, на каком этапе и на каких условиях международное сообщество «заморозило» конфликт. Примирение может быть политически более или менее выгодным той или иной стороне. Скажем, российские миротворцы вмешались в конфликт в Южной Осетии до взятия грузинскими войсками столицы Южной Осетии города Цхинвали, а в конфликт в Абхазии – после взятия грузинскими войсками столицы Абхазии Сухуми, что обусловило разную расстановку сил в ходе последующих переговоров. Операция в Таджикистане была начата сразу после прихода к власти правительства Э. Рахмонова в результате временной военной победы над войсками оппозиции и подкрепила результаты этой победы.

Таким образом, миротворческое вмешательство в конфликт третьих сил может нести не только примирение, но и приближать или отдалять реализацию политических целей той или иной стороны конфликта.

Обобщая результаты анализа существующих в теории международного права концепций, определений, классификаций, можно выявить два методологических подхода к трактовке и анализу урегулирования конфликтов – «глобалистский» и «реалистский».

Оба названных подхода сближает утверждение, согласно которому сами участники конфликтов не способны адекватно разрешить и урегулировать свои противоречия, и внешние «третьи силы» приобретают не только право, но и обязанность вмешаться. Правда, следует сразу оговориться, что, как показывает практика международных отношений, мировое сообщество вмешивается далеко не во все конфликты, объективно требующие помощи в разрешении. Вмешательство избирательно, и критерии выбора в большинстве случаев прагматичны. Различия обозначенных выше подходов предопределяются разной трактовкой оснований и субъектов вмешательства. Так, представители «глобалистского» подхода склоны рассматривать нарушение ценностей и принципов демократии, прав человека, повышенный уровень этнической и социальной конфликтности как достаточное основание для вмешательства мирового сообщества. В противовес представленной позиции сторонники «реалистского» подхода полагают, что все происходящее за пределами государственного суверенитета – сугубо внутреннее дело государства. Абстрактными разговорами о ценностях, считают «реалисты», еще нельзя обосновать введение войск.

Среди наиболее важных практических проблем, связанных с проведением миротворчества, можно выделить следующие:

- известно, что многие страны имеют свои законодательные нормы, предоставляющие возможность участия в миротворческих операциях, которые не всегда соответствуют нормам международным. Сейчас многими специалистами ставится вопрос о разработке Конвенции ООН, конкретизирующей положения Устава применительно к операциям по поддержанию мира. Речь идет о разработке рамочного документа, устанавливающего прежде всего понятийный аппарат, а также общие и оперативные принципы проведения миротворческих операций, основы статуса их участников;
- опыт проведения миротворческих операций указал на существование проблем с координацией усилий миротворческих сил. Различные государства, как правило, чаще высказывают озабоченность безопасностью своих национальных контингентов, чем думают о координации совместных действий;
- в миротворческой деятельности происходит смещение акцентов к операциям по принуждению к миру;
- в военной области серьезные трудности вызывают совместимость систем управления национальными контингентами в рамках многонациональных сил, а также различие в уровне и требованиях к подготовке личного состава, вооружения и военной техники, оперативно-тактических нормативах.
- в политической области – дает о себе знать отсутствие единой системы международного мониторинга военно-политической обстановки в кризисных точках, что приводит к неспособности своевременно предотвращать развязывание локальных конфликтов, делает превентивные меры государств мирового сообщества малоэффективными;
- просчеты в политическом урегулировании, допускаемые участниками миротворческого процесса, приводят к разрыву между выполнением военной части мирных соглашений и реализацией политических, социально-экономических и административных процессов, что вызывает постоянное продление мандата МС, влечет за собой неоправданные людские потери, увеличивает сверх разумного расход материальных и финансовых средств на проведение операции и т.д.

На пути совершенствования миротворчества необходимо:

- соблюдать в миротворческих операциях основополагающие международно-правовые нормы и принципы и не нарушать права человека, а также права и законные интересы суверенных государств;
- включить в национальные программы подготовки военного и гражданского персонала вопросы, относящиеся к проведению операций по поддержанию мира;
- четко определить длительность и условия проведения операции;
- создать адекватную материально-техническую основу для проведения миротворческих операций;
- разработать систему реального и эффективного контроля со стороны национального и военного руководства;
- укрепить руководящую роль ООН в данной области;
- больше внимания уделять предупреждению возникновения вооруженного конфликта, а также предотвращению военных действий там, где они еще не начались;
- не допускать ситуаций, при которых вмешательство в конфликт извне под лозунгом борьбы за мир и безопасность (или защиты прав человек) превращалось в неприкрытую вооруженную интервенцию и агрессию.

В настоящее время в ООН происходит активная проработка новых подходов к формированию воинских контингентов для выполнения миротворческих задач. Так, согласно одной из предлагаемых концепций, обосновывается идея формирования посто-

янного военного контингента (силы быстрого реагирования). В соответствии с данной концепцией государства – члены ООН могут предоставлять национальные вооруженные силы, помощь и соответствующие средства обеспечения в распоряжение Совета Безопасности, как на периодической, так и на постоянной основе. Сложность реализации данной концепции сводится, главным образом, к двум значимым с практической стороны проблемам: финансовой (содержание одной бригады, по расчетам специалистов, может составлять до 300 млн. долларов в год) и военно-стратегической, – не всех устраивает ныне существующая система управления миротворческими контингентами. Другая идея, предлагаемая военными экспертами, заключается в возможности создания в структуре ООН вооруженного контингента – так называемых «резервных сил». Предлагаемая концепция основана на соглашениях с государствами – членами ООН, которые предоставляют войска, ресурсы и технические средства в согласованные сроки реагирования (в идеале – от 7 до 14 дней). В период нахождения «резервных сил» на территории своих стран ответственность за них продолжают нести соответствующие правительства. Как представляется, последняя из обозначенных концепций реформирования миротворческих военных сил требует гораздо меньше усилий со стороны мирового сообщества, в связи с чем, бесспорно, заслуживает особого внимания.

Заключение

В силу того, что к началу нового века ООН имеет не только «положительный багаж» миротворческой деятельности, но и негативный опыт проведения операций по поддержанию мира, в настоящее время актуализировалась проблема трансформации форм реализации миротворчества. На пути совершенствования миротворчества необходимо, в частности, обеспечить строгое соблюдение основополагающих международно-правовых норм и принципов, определяющих правовой режим суверенных государств и правовой статус человека; четко регламентировать основания, условия проведения и длительность операций по поддержанию мира; создать должную материальную базу для финансирования миротворческих операций; обеспечить национальными и международными военными силами должный контроль относительно решения основных вопросов, связанных с миротворчеством ООН; укрепить структуры Секретариата ООН, занимающиеся проблемами поддержания мира и военными вопросами; создать «резервные силы» ООН, предоставляемые правительствами государств – участников в каждом конкретном случае в распоряжение ООН, и т.д. При этом главное внимание должно уделяться предупреждению возникновения вооруженного конфликта, а также предотвращению военных действий там, где они еще не начались.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Валлерстайн, И. Анализ мировых систем и ситуации в современном мире / И. Валлерстайн. – СПб, 2001. – 356 с.

2. Димитров, Н. Международно-правовая природа и сущность современного миротворчества / Н. Димитров // Государство и право. – 2008. – № 8. – С. 47–55.

3. Никитин, А. Международные конфликты и их урегулирование / А. Никитин // Мировая экономика и международные отношения. – 2006. – № 2. – С. 3–16.

4. Международные отношения: конфликты, движения, организации : учебное пособие / П.А. Цыганков [и др.]; под общ. ред. П.А. Цыганкова. – М. : Амора-М. : Инфра-М., 2008. – 320 с.

Demidchik Yu.V., Korotich E.A. **Place-building as the way of international conflicts settlement**

At present, supporting of the world is becoming one of the most important tools of conflicts settlement and maintenance of stability, because there is a real danger of causing of significant harm to the world and safety as a result of illegal military actions even one of the states. The attempt to show the development of concept supporting of the world is undertaken in the given article. Besides, the experience which was accumulated by the world community for the solution of the disputed situations have been analyzed in the given article. The author on the basis of research of the above named problem notes the most perspective directions of peace-making mechanism perfection and shows some significant steps on increase of their efficiency.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 30.12.2009

ЗВЕСТКІ АБ АЎТАРАХ

Адамчук І.І. – студэнтка IV курса спецыяльнасці «Дзяржаўнае кіраванне і эканоміка» юрыдычнага факультэта Брэсцкага дзяржаўнага універсітэта імя А.С. Пушкіна

Байнёў В.Ф. – доктар эканамічных навук, прафесар кафедры менеджмента Беларускага дзяржаўнага універсітэта, эксперт кансультатыўнай рады Інфармацыйна-аналітычнага цэнтра пры Адміністрацыі Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь

Берагаўцова Д.С. – кандыдат юрыдычных навук, дацэнт, загадчык кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права Брэсцкага дзяржаўнага універсітэта імя А.С. Пушкіна

Віннік В.Ц. – кіраўнік Прадстаўніцтва Губернатара і Урада Ніжагародскай вобласці Расійскай Федэрацыі ў Рэспубліцы Беларусь

Даўгяла Н.В. – старшы выкладчык кафедры сацыяльна-гуманітарных дысцыплін Полацкага дзяржаўнага універсітэта

Дзямідчык Ю.У. – студэнтка IV курса спецыяльнасці «Правазнаўства» юрыдычнага факультэта Брэсцкага дзяржаўнага універсітэта імя А.С. Пушкіна

Загорнаў А.А. – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права Брэсцкага дзяржаўнага універсітэта імя А.С. Пушкіна

Зайцава Н.І. – выкладчык кафедры эканомікі і кіравання Брэсцкага дзяржаўнага універсітэта імя А.С. Пушкіна

Ільючык Т.В. – магістр эканамічных навук, аспірант 2-га года навучання кафедры эканомікі прадпрыемстваў Палескага дзяржаўнага універсітэта

Кароціч А.А. – старшы выкладчык кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права Брэсцкага дзяржаўнага універсітэта імя А.С. Пушкіна

Ляпешка А.Б. – студэнт IV курса спецыяльнасці «Правазнаўства» юрыдычнага факультэта Брэсцкага дзяржаўнага універсітэта імя А.С. Пушкіна

Мажэйка П.П. – старшы выкладчык кафедры сацыяльных навук, філасофіі і права Палескага дзяржаўнага універсітэта

Мацукевіч В.В. – кандыдат эканамічных навук, дацэнт, намеснік дырэктара фонда «Брэстаблмаёмасць», дацэнт кафедры эканомікі і кіравання Брэсцкага дзяржаўнага універсітэта імя А.С. Пушкіна

Мярчук В.М. – аспірант кафедры гісторыі Беларусі Брэсцкага дзяржаўнага універсітэта імя А.С. Пушкіна

Носава А.А. – магістр гістарычных навук, аспірант кафедры айчыннай гісторыі факультэта гісторыі і сацыялогіі Гродзенскага дзяржаўнага універсітэта імя Я. Купалы

Разуванава К.С. – аспірант Інстытута гісторыі НАН Беларусі

Савіч А.А. – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі славянскіх народаў Брэсцкага дзяржаўнага універсітэта імя А.С. Пушкіна

Саўчук Т.П. – аспірант 2-га года навучання кафедры гісторыі Беларусі Брэсцкага дзяржаўнага універсітэта імя А.С. Пушкіна

Скакун Я.У. – кандыдат палітычных навук, дацэнт, загадчык кафедры паліталогіі і сацыялогіі Брэсцкага дзяржаўнага універсітэта імя А.С. Пушкіна

Стаховяк З. – доктор эканамічных навук,прафесар кафедры эканомікі Вышэйшай школы эканомікі і права (г. Кельцэ, Польшча), прафесарАкадэміі Народнай абароны (г. Варшава, Польшча)

Табуноў В.В. – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры археалогіі і спецыяльных гістарычных дысцыплін Магілёўскага дзяржаўнага універсітэта імя А. Куляшова, загадчык аддзела аспірантуры

Чарнавалава Ж.В. – асістэнт кафедры тэарэтычнай і прыкладной эканомікі Брэсцкага дзяржаўнага універсітэта імя А.С. Пушкіна

Чарнавалаў А.В. – доктор эканамічных навук, прафесар кафедры тэарэтычнай і прыкладной эканомікі Брэсцкага дзяржаўнага універсітэта імя А.С. Пушкіна, прафесар кафедры маркетынга і менеджмента Інстытута кіравання і адміністрацыі Акадэміі Падляскай (г. Седльцэ, Польшча)

Шаўчук І.І. – доктар гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі славянскіх народаў Брэсцкага дзяржаўнага універсітэта імя А.С. Пушкіна

Шумская І.М. – кандыдат культуралогіі, дацэнт кафедры менеджмента сацыякультурнай дзейнасці Беларускага дзяржаўнага універсітэта культуры і мастацтваў

Да ведама аўтараў

Рэдкалегія часопіса разглядае рукапісы толькі тых артыкулаў, якія адпавядаюць навуковаму профілю выдання, нідзе не апублікаваныя і не перададзеныя ў іншыя рэдакцыі.

Артыкулы прадстаўляюцца на беларускай ці рускай мовах у двух экзэмплярах аб'ёмам ад 0,35 да 0,5 друкарскага аркуша, у электронным варыянце ў фармаце Microsoft Word for Windows (*.doc; *.rtf) і павінны быць аформлены ў адпаведнасці з наступнымі патрабаваннямі:

- папера фармату А4 (21×29,7 см);
- палі: зверху – 2,8 см, справа, знізу, злева – 2,5 см;
- шрыфт – гарнітура Times New Roman;
- кегль – 12 pt.;
- міжрадковы інтэрвал – адзінарны;
- двукоссе парнае «...»;
- абзац: водступ першага радка 1,25 см;
- выраўноўванне тэксту па шырыні.

Максімальныя лінейныя памеры табліц і малюнкаў не павінны перавышаць 15×23 см або 23×15 см. Усе графічныя аб'екты, што ўваходзяць у склад аднаго малюнка, павінны быць згрупаваны паміж сабой. Фатаграфіі ў друк не прымаюцца. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзінак вымярэння (СВ). Забараняюцца скарачэнні слоў, акрамя агульнапрынятых.

Спіс цытуемай літаратуры павінен быць аформлены паводле ДАСТа 7.1-2003 і размешчаны ў канцы тэксту. Спасылкі на крыніцы ў артыкуле нумаруюцца адпаведна парадку цытавання. Парадкавыя нумары спасылак падаюцца ў квадратных дужках (напрыклад: [1, с. 32], [2, с. 52–54]) . Забараняецца выкарыстанне канцавых зносак.

Артыкул уключае наступныя элементы па парадку:

– УДК;
– ініцыялы і прозвішча аўтара (аўтараў);
– назва друкуемага матэрыялу;
– анатацыя ў аб'ёме ад 100 да 150 слоў на мове артыкула (кегль – 10 pt.);
– асноўны тэкст з табліцамі, графікамі і іншымі ілюстрацыйнымі матэрыяламі, структураваны ў адпаведнасці з патрабаваннямі ВАК да навуковых артыкулаў, якія друкуюцца ў выданнях, уключаных у спіс навуковых выданняў для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў;
– бібліяграфічныя спісы да артыкула ў адпаведнасці з ДАСТам 7.1-2003;
– рэзюмэ на англійскай мове (кегль – 10 pt.) з перакладам прозвішча і ініцыялаў аўтара (аўтараў) і назвы друкуемага матэрыялу.

Да рукапісу артыкула абавязкова дадаюцца:

- звесткі пра аўтара на *беларускай* мове (прозвішча, імя, імя па бацьку поўнасцю, вучоная ступень і званне, месца працы (вучобы) і пасада, хатні адрас і тэлефон);
- для аспірантаў і суіскальнікаў – звесткі аб навуковых кіраўніках;
- рэкамендацыя калегіяльнага органа ўстановы (падраздзялення), дзе працуе (вучыцца) аўтар;
- рэкамендацыя знешняга рэцэнзента;
- экспертнае заключэнне.

Рэдакцыйная калегія часопіса праводзіць экспертызу атрыманых дакументаў і робіць дадатковае рэцэнзаванне артыкулаў. Рукапісы, аформленыя не ў адпаведнасці з выкладзенымі правіламі, рэдкалегіяй не разглядаюцца.

Карэктары *Л.М. Калілец, Ж.М. Селюжыцкая, А.Г. Хадыева*
Камп'ютэрнае макетаванне *А.Я. Кулай, С.М. Мініч*

Подписано в печать 13.07.2010. Формат 60×84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Таймс. Ризография. Усл. печ. л. 18,60. Уч.-изд. л. 15,90.
Тираж 100 экз. Заказ № 428.
Издатель и полиграфическое исполнение
УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина».
ЛИ № 02330/277 от 08.04.2009.
224016, Брест, ул. Мицкевича, 28.